

ОБМЕН

Т. М. АКИМОВА
В. К. АРХАНГЕЛЬСКАЯ

РЕВОЛЮЦИОННАЯ ПЕСНЯ
В
САРАТОВСКОМ ПОВОЛЖЬЕ

1967

Т. М. АКИМОВА, В. К. АРХАНГЕЛЬСКАЯ

РЕВОЛЮЦИОННАЯ ПЕСНЯ В САРАТОВСКОМ ПОВОЛЖЬЕ

Очерки исторического развития

Издательство Саратовского университета

1967

Книга Т. М. Акимовой и В. К. Архангельской знакомит читателей с песенным творчеством Саратовского Поволжья общественно-протестующего и революционного характера. Впервые в книге вводится в научный оборот большое количество революционных песен, распространенных в городах и деревнях Саратовской губернии в конце XIX—начале XX века. Революционно-агитационная песня рассматривается авторами в идейно-тематических связях с дореформенным фольклором историко-политического вольнолюбивого содержания.

Раздел «Дореволюционные песни общественного протеста» написан доктором филологических наук Т. М. Акимовой; раздел «Рабочие и революционные песни в Саратовском Поволжье» — кандидатом филологических наук В. К. Архангельской.

Книга рассчитана на специалистов, а также на студентов, учителей школ, краеведов и всех интересующихся литературой и народным творчеством.

ВВЕДЕНИЕ

Пятьдесят лет советской фольклористики характеризуются бурным развитием этой науки, расширением ее границ в связи с собиранием и опубликованием новых материалов, открытием новых видов и жанров фольклора, новых областей исследования. С начала своего развития советская фольклористика руководствовалась замечательными методологическими указаниями В. И. Ленина, высказанными им в 1918 году после ознакомления со сборниками народного творчества. В. И. Ленин призвал ученых пересмотреть и обобщить произведения народной поэзии под социально-политическим углом зрения. Он подчеркнул необходимость усматривать живую связь фольклора с той действительностью, в условиях которой он сохраняется и бытует в народе, удовлетворяя его идейные и эстетические запросы. В произведениях, записанных накануне Октябрьской революции, он увидел отражение чаяний и ожиданий народных, отражение народного сознания, «народной психологии» этого времени.

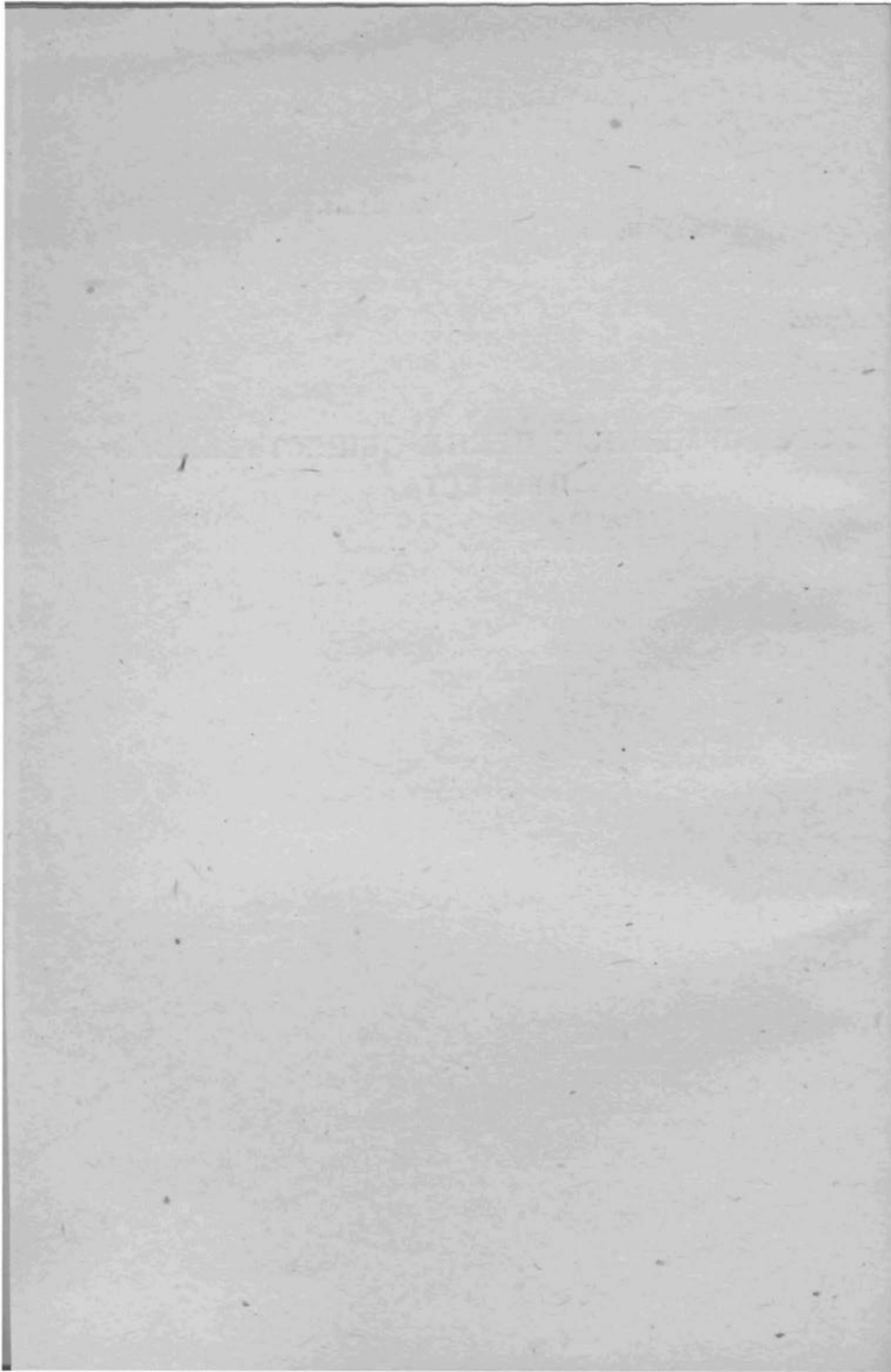
Выполняя поставленные перед наукой задачи, советские фольклористы приходят к пятидесятилетнему юбилею со значительными достижениями. В частности, проделана большая работа по собиранию фольклора отдельных областей страны и выявлению его местной специфики, определяемой социально-историческими и географическими условиями жизни населения. Значительная работа проделана и по изучению саратовского фольклора. Однако до последнего времени остается неисследованным очень важный раздел — это революционные песни и предшествующие им произведения общественно-протестующей тематики. Мы имеем в виду не только песни о Степане Разине, а многие другие песни, отражавшие рост социально-политического и революционного сознания

трудящихся масс. Изучение же революционных песен в их непосредственном отношении к действительности конца XIX—начала XX века особенно важно потому, что этот фольклор до последнего времени не только не был изучен, но и не был собран в Саратовском Поволжье.

Несмотря на то, что, казалось бы, прямой преемственности между антикрепостническими песнями о воле и позднейшими подлинно-революционными не обнаруживается, в действительности эти явления фольклора тесно связаны. Те и другие песни характеризуют рост и созревание общественно-политического сознания народных масс на разных ступенях их исторического существования. В тех и других песнях нетрудно заметить обращение к одним и тем же образам, темам и мотивам (Степан Разин, вольная Волга, готовность к борьбе и т. д.), трактуемым все с большей социальной остротой и политической осознанностью. Общность этих видов народной поэзии определяется и постоянными взаимоотношениями с литературой, хотя характер этих взаимоотношений значительно изменяется во второй половине XIX — начале XX века. Следует указать и на использование стилевых традиций старого фольклора позднейшими революционными песнями.

Составляя по материалу как бы два самостоятельные исследования, обе части книги вместе с тем органически связаны.

**ДОРЕФОРМЕННЫЕ ПЕСНИ ОБЩЕСТВЕННОГО
ПРОТЕСТА**

НАРОДНЫЕ ПЕСНИ О СТЕПАНЕ РАЗИНЕ И О ВОЛЖСКИХ УДАЛЬЦАХ

Разинские и удалые песни в фольклорных сборниках и в художественной литературе конца XVIII — начала XIX века. Современный исследователь фольклора и фольклористики в годы революционной ситуации в России (1859—1861 гг.) справедливо выделяет народное творчество Поволжья по общественному содержанию, отличая его от фольклора Севера, в том числе и классического, олонецкого. Для изучающего народные настроения фольклор Поволжья представляет особый интерес потому, что этот край испытал все ужасы крепостничества и помещичьего произвола¹. Действительно, народное творчество Нижнего Поволжья, в том числе и Саратовского, издавна привлекало внимание своим протестующим, бунтарским содержанием. Тесно связанное с донским казачеством, население Нижнего Поволжья создавало и бережно до последнего времени сохраняло память о Разине и Пугачеве, рассказы об ужасах крепостничества и о вольных удалцах и разбойниках, выступавших против помещиков и феодальной власти. Фольклор этой тематики составил как бы предысторию революционной поэзии, развивающейся с конца XIX века. «Песни и предания о Разине и Пугачеве в годы новых крестьянских восстаний приобретают характер политического манифеста, завещанного предками», — говорит В. Г. Базанов, характеризуя жизненность этих тем².

Следует, однако, указать, что народное творчество Поволжья отличается противоречивыми тенденциями в своем раз-

¹ В. Г. Базанов. К вопросу о фольклоре и фольклористике в годы революционной ситуации в России (1859—1861 гг.) — В сб.: «Русский фольклор». Исследования и материалы, т. VII, 1962, стр. 189.

² Там же.

витии. Рядом с фольклором о крестьянских возмущениях сохранялось много произведений традиционных, отражавших консервативные стороны сознания крестьянских масс, составлявших основную часть населения этого обширного края.

Широкую известность старый волжско-бунтарский фольклор получил, по-видимому, еще до XVIII века. Песни о Разине и о волжских удальцах печатаются во многих фольклорных сборниках и песенниках. В знаменитом «Собрании разных песен» М. Д. Чулкова помещено три песни о Разине¹ и много казачьих и волжских удалых². Все они рассказывают о столкновениях казаков, бурлаков и волжских удальцов с представителями правительственной власти. Четыре части сборника Чулкова были напечатаны в 1770—1774 годах, т. е. накануне и в разгар крестьянской войны под руководством Е. И. Пугачева. И все же эти песни составляют значительную часть всех фольклорных текстов (больше 14%). Из сборника Чулкова удалые песни перепечатывались во многие песенники XVIII в. Их помещал Н. Г. Курганов в многочисленных изданиях своего «Письмовника»³, известный Матвей Комаров перепечатывал во множестве переизданий своей книги о Каине⁴. Из чулковского «Собрания» немало текстов попало и в сборник В. Ф. Трутовского⁵ и в сборник Львова-Прача⁶. В книге Трутовского появилась еще одна песня о Разине⁷. Наконец, тексты всех перечисленных собраний повторялись в точности или с небольшими изменениями в массовых песенниках, что создало им исключительную известность. Большинство из опубликованных в то время вещей не были известны в позднейших вариантах, во всяком случае не появлялись в печати и, по-видимому, не записывались. Они перепечатывались из сборников XVIII в. без изменений множество раз.

¹ М. Д. Чулков. Собрание разных песен. СПб., 1770—1774 гг. I—IV; ч. I, №№ 134, 137; ч. III, № 95.

² Там же, ч. I, №№ 126, 127, 131, 132; ч. II, 145, 148, 151; ч. III, №№ 65, 74, 78, 93, 152, 199; ч. IV, №№ 135, 157 и другие.

³ Российская универсальная грамматика или всеобщее письмословие. СПб., 1769 (в последующих изданиях «Письмовник»); 1777, 1790 и другие годы издания, №№ 17, 18, 19 и др.

⁴ Обстоятельные и верные истории двух мошенников... СПб., 1779, 1793, 1794 и другие издания, №№ 1, 2, 7, 10, 13, 18, 19, 23, 25, 31, 34, 40, 44, 46, 50, 51, 52.

⁵ В. Ф. Трутовский. Собрание русских простых песен с нотами, 4 части. СПб., 1776—1795, №№ 17, 24, 32, 46, 48, 54, 67.

⁶ Собрание народных русских песен с их голосами на музыку положил Иван Прач. СПб.; 1790: № 4, 17, 31, 33, 21, 72.

⁷ Трутовский, № 46.

В чем же главная особенность этих песен? Разинский цикл отличается большим историзмом сравнительно с позднейшими текстами. Только в этих песнях говорится о появлении народного атамана в Черкасске, о его разрыве с казачьим кругом, о сборе голытьбы в поход за зипунами на море и о замысле последующего движения на Москву. Мотив разрыва с казачьим кругом встречается в позднейших текстах, но либо без исторически точного эпизода созыва голытьбы, либо в совершенно вымышленном сюжете о Разине, едущем по морю. Историчны и текст плача о Разине и песня о расправе его с астраханским воеводой, не встречающиеся позже.

Такою же отчетливою установкою на фактичность отличаются и удалые песни в записях того же времени. Широко, по-видимому, известная в XVIII в. песня под названием «Камышинка» рассказывала о возмущении казаков и волжских бурлаков местными властями и правительственными лицами. «Камышинками» называлось несколько сюжетов, различающихся героями и некоторыми эпизодами содержания, но сходных по своему бунтарскому звучанию. Название же они получили по красочному зачину.

Песни, носившие название «Камышинок», начинались с великолепной картины просторов Нижнего Поволжья. Вот вступление к ним:

Что повыше было города Царицына,
Что пониже было города Саратова,
Протекала, пролежала мать Камышенка-река¹.
За собой она вела круты красны берега,
Круты красны берега и зеленые луга,
Она устьицем впадала в Волгу, матушку-реку,
Что по той ли было матушке Камышенке-реке,
Как плывут тут выплывают есаульные стружки.
На стружках сидят гребцы, все бурлаки молодцы,
Все бурлаки молодцы, все заволски удалцы.
Хорошо братцы-молодцы переряжены сидят:
На них шапочки соболы, верхи бархатные,
Однорядочны кафтаны все камкой подложены,
Кановатные бешметы в одну нитку строчены,
Все тафтяные рубашки галуном обложены,
На них штаники суконны по старинну кроены,
Что желтой сафьян сапожки все шильцом каблучки.
Они веслами гребут, сами песенки поют...

¹ В публикациях XVIII века река называлась не Камышинкой, а Камышенкой.

Идеальный внешний облик героев как бы определяет их внутренние качества—смелость и волю, самостоятельность и готовность постоять за себя. Они поджидают губернатора, чтобы отомстить ему за принесенное народу горе и притеснения. Губернатор предлагает богатые дары, но народные мстители неподкупны. Они убивают губернатора и бросают его в Волгу¹. Так же изображаются в другой «Камышинке» герои, выступающие против Меншикова². В середине XIX в. вариант этой песни был записан в Саратове³. Только в записях XVIII в. известны две замечательные песни о походах казаков и бурлаков на море и о трудностях, испытанных в этих походах, а также не менее интересная песня о волжских удалцах—разбойниках, преследуемых правительственными войсками.

Исследователи обычно относят и «Камышинки», и песни о морских набегах к разинскому циклу. Но для этого нет никаких оснований и, главное, никаких намеков в их содержании. Мало того, скорее можно предположить, что «Камышинки», например, были созданы в XVIII, а не в XVII веке, о чем свидетельствуют собственные имена и другие признаки.

В настоящее время нет возможности решить, где были созданы все названные песни и где они преимущественно исполнялись: на Дону или на Волге. Трудно понять также, какому социальному кругу они принадлежат: донским ли или волжским казакам, или это творчество волжских бурлаков и пестрой по составу волжской вольницы. А может быть этот вопрос и не требует разрешения, так как слишком тесно были связаны между собой указанные социальные группы—казачество и босячко-бурлацкая беднота, составлявшаяся из беглых. Об их близости говорил еще Белинский. Эта же мысль подчеркивается и содержанием песен. Герои их называются и воровскими казаками и бурлаками. А местом действия недаром показывается река Камышинка, соединявшая Дон с Волгой и служившая постоянным путем переправы донских казаков на Волгу и обратно.

Разинские и удалые волжские песни, известные по публикациям XVIII в., привлекли к себе внимание исключительной поэтичностью. Они коротки и лаконичны в изложении событий. Их герои идеальны даже в своем внешнем виде. Но глав-

¹ Чулков, ч. III, № 54.

² Там же, ч. I, № 126.

³ Рукописный сборник песен А. Н. Пасхаловой. — Архив Русского Географического общества, разряд XXXVI, папка 58, № 10.

ное в них—выражение народных настроений и народного возмущения. Овеянные симпатией народных масс, вольные и смелые герои этих песен противостоят трусливым и беспомощным представителям власти.

Герои «Камышинок» послужили образцом для изображения главного персонажа иронико-комической поэмы В. Майкова-Елисея¹. О песенной Камышинке вспоминает Радищев². Идеальный наряд песенных героев повторен в народной же знаменитой песне о «Сынке Стеньки Разина».

Есть все основания признать, что разинские и волжские удалые песни с их свободолобивой, антикрепостнической настроенностью были в XVIII веке широко известны не только в народе, но и в литературной среде. Публикации волжского бунтарского фольклора надолго определили и направили научные и художественные интересы различных писателей и критиков. Трактовка его политического смысла была разной в зависимости от общественной ориентации авторов.

С начала XIX века поднимаются ожесточенные споры вокруг содержания и значения разинских и удалых песен, привлекавших внимание своей высокой художественностью и общественной проблематикой. Отвечая на эту заинтересованность, выступает с разоблачением их общественного значения М. Н. Макаров в комментированном сборнике 1809 года «Русское национальное песнопение». Защищая свои классовые позиции, он доказывает, что страдания бедняков посланы богом, благополучие же дается людям в награду за их добро³. Еще не остывший после крестьянской войны страх барина-помещика и боязнь нового возмущения сказались в рассуждениях Макарова. Все удалые песни он призвал творчеством вора и сыщика Ваньки Каина.

Особый интерес к разинским и удалым песням проявился в романтической литературе 20-х годов XIX в. и более поздней. Писателей-романтиков в удалых песнях привлекала героическая личность, волевой характер бунтаря с его порывами к личной свободе. Других же занимала экзотика приключений в вольной жизни разбойников, романтика ужасов и сильных страстей. Далек не все писатели обращали внима-

¹ Сочинения В. И. Майкова, или собрание остроумных сатирических и забавных поэм, нравственных басен, театральных и других его лирических стихотворений. СПб., 1809, стр. 9.

² А. Н. Радищев. Полн. собр. соч., т. II, изд. АН СССР, стр. 207.

³ Русское национальное песнопение. Университетская типография, М., 1809, стр. 168—169 и 295—296.

ние на социальный смысл волжских песен и правильно понимали общественные настроения, отраженные в них.

В лучшем и прогрессивнейшем для своего времени декабристском альманахе «Полярная звезда», издаваемом А. Бестужевым и Рылеевым, немало произведений бунтарно-разбойничьей тематики, в том числе и специфически волжской. Среди них «Братья-разбойники» Пушкина, отрывок из повести «Разбойники» Н. Я. Языкова, «Гайдамак» О. Сомова, три повести А. Бестужева и ряд других¹. Немало таких произведений печаталось и в других изданиях².

Н. Языков, его братья и родственники хорошо знали волжские песни. Они были самыми крупными вкладчиками в громадное собрание П. В. Киреевского, увидевшего свет значительно позже. Языковы записывали песни в Симбирской губернии. Среди собранных ими текстов немало песен удалых, а также замечательная уникальная песня о Пугачеве³. Но в своем «Отрывке из повести» Языков изобразил романтических героев, весьма далеких от удальцов волжских песен. Герои поэмы Языкова отчуждены от окружающих, они наводят ужас своим романтическим эгоизмом, их радует зловещий вид разбушевавшейся волжской стихии⁴. Поэт-романтик изобразил далеко не тех крестьян, у которых он впоследствии записывал подлинные народные вещи. Романтичны и герои поэмы Пушкина, хотя они гораздо ближе к народу и песенным героям по своему социальному облику. Романтическая исключительность свойственна и гайдамаку Рылеева, вызывающему страх и удивление своей дикой волей и страстной жаждой мщения. К этому же кругу произведений следует отнести и песни Пушкина о Стеньке Разине, хотя они основаны на подлинно народных источниках и социальность составляет значительную сторону их содержания. Все же пушкинский Разин — типично романтический герой, стоящий выше серой толпы; в его личности заключен весь мир; ему сродни только

¹ «Полярная звезда», изданная А. Бестужевым и К. Рылеевым. Издание подготовили: А. Архипов, В. Г. Базанов и Я. Л. Левкович. АН СССР, М.-Л., 1960.

² К. Рылеев, Гайдамак. — «Соревнователь просвещения и благотворения», 1825, № 4, стр. 96; О. Сомов. Гайдамаки. — «Невский зритель», альманах на 1827 год; то же, «Северные цветы» на 1828 год; «Сын Отечества», 1829; «Северный архив», 1828; №№ 23—25; «Денница» на 1830 г.

³ Песни, собранные П. В. Киреевским. Вып. 9, М., 1872, стр. 248.

⁴ Н. Я. Языков. Отрывок из повести: Разбойники. — «Полярная звезда» на 1824 год, стр. 576.

стихии дикой природы. Не историзм этого образа интересовал поэта, а тот поэтический ореол, которым окружили его народные предания и легенды. Они-то и послужили источником пушкинских песен. Народные песни о Разине историчнее по содержанию, хотя, может быть, и уступают песням Пушкина по художественной выразительности.

Поэты-романтики в названных произведениях решали в основном литературные задачи. Но их трактовка волжского разбойничества и бунтарских порывов к воле не могла не оказать влияния на собирателей и исследователей волжского фольклора. Особая окраска «волгоразбойничьего романтизма» (по определению Короленко) надолго сохранится в характеристике волжских разинских и удалых песен и приведет не один раз к попыткам слегка подправить оригинальные, подлинно народные тексты.

Волжские удалые и разинские песни в записях С. П. Шевырева, Н. Г. Цыганова и П. М. Языкова. Первые датированные записи саратовского песенного фольклора принадлежат поэтам-романтикам С. П. Шевыреву и Н. Г. Цыганову.

С. П. Шевырев — дворянин, саратовский помещик, впоследствии известный реакционно настроенный профессор Московского университета, был хорошо знаком с народной поэзией и особенно любил волжские удалые песни. В 1847 году он вспоминал, какое глубокое впечатление они на него производили. Проезжая по Волге, он услышал «давно уже не слыханную мною волжскую песню и защемило сердце каким-то далеким, родным и сладким воспоминанием, и припомнился мне наш старый дом на саратовских горах у берега Волги — место моей колыбели, и развалины после пожара, где мой престарелый отец любил пить чай на пепелище, и мои родители, и братья и сестры, и серебряная Волга перед нами, и лунная ночь над нею, и суда у берегов, и скрип мачты, по которой влезал бурлак, и та же бурлацкая песня»¹.

В рецензии 1827 года на сборник М. Максимовича² Шевырев жаловался, что старинные песни забываются: «Как до сих пор мы не спешим уловить русские песни, столь родные нашему сердцу, которые, может быть, скоро унесет с собою навеки старое поколение. ...Прежние песни заменяются другими, как алый кумач московским ситцем и холстинкой, как

¹ Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь. Вакационные дни профессора С. П. Шевырева в 1847 году, ч. I, М., 1850, гл. «Ярославль».

² Малороссийские песни, изданные М. Максимовичем. М., 1827.

шитый золотом кокошник и белая фата платком гродетуровым. На юге России, в местах приволжских старые песни и сказки остаются собственностью только одних стариков и старух и вскоре сделаются добычей забвения. Ветреная молодежь любит песни новейшего сочинения»¹.

Шевырев и сам записывал песни в Саратовской губернии. Несколько записанных им текстов было напечатано в 20-е годы в «Московском вестнике». Позже они были перепечатаны в сборнике П. В. Киреевского². Кроме лирических песен и одной разинской (о «Сынке Стеньки Разина»), Шевыревым была записана типично волжская былина «Илья Муромец на Соколе-корабле»³.

Примечательно, что и былина, и лирические песни, записанные Шевыревым, отличаются характерными чертами волжского фольклора, его бунтарски-протестующей настроенностью. Сюжет былинцы «Илья Муромец на Соколе-корабле», по мнению большинства исследователей, волжского происхождения. Образ русского богатыря в этом сюжете существенно отличается от того, как его рисуют северные былины. Он плывет по Волге, на корабль нападают разбойники и «горские татары со калмыками». Следует напомнить, что в более поздних саратовских записях Илья Муромец совсем сливается с волжскими героями, он выступает как атаман или есаул⁴. В других же поволжских вариантах этой былинцы он действует вместе со Степаном Разиным⁵. Б. М. Соколов видит в содержании этих текстов не только влияние волжского фольклора, но и отражение исторических событий Нижнего Поволжья⁶. Типично волжскою считает эту былинцу и А. М. Астахова и другие исследователи⁷. Запись Шевырева не мо-

¹ С. Ш. «Малороссийские песни, изданные М. Максимовичем». — «Московский вестник», 1827, ч. 6, стр. 311.

² Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия, вып. 2, ч. 2, М., 1929, №№ 2513—2515.

³ Песни, собранные П. В. Киреевским, вып. I, стр. 22.

⁴ А. Н. Мордовцева и Н. И. Костомаров. Русские народные песни, записанные в Саратовской губернии. — «Летописи русской литературы и древностей», издаваемые Н. С. Тихонравовым, т. IV, 1862, стр. 9, 10.

⁵ В. М. Потявин. Народная поэзия Горьковской области. Вып. I. Горький, 1960, стр. 206—208.

⁶ Б. М. Соколов. О былинах, записанных в Саратовской губернии. — Научное приложение к журналу «Культура», Саратов, 1922, № 1.

⁷ А. М. Астахова. Былинная традиция в Поволжье. — «Фольклористические записи Горьковского университета», Горький, № 1, 1961, стр. 43.

жет вызвать сомнений в подлинности. Широко известною до последнего времени является записанная им разинская песня о «Сынке», отличающаяся остро протестующим содержанием¹. Можно думать, что он относил ее, как и другие разинские песни, к волжскому разбойничьему фольклору. Во всяком случае, он нигде не называет песен о Разине, а говорит обычно только о «разбойничьих» песнях, восхищаясь ими.

Своеобразен и вариант песни «Усы», записанный Шевыревым в Саратовской губернии². Эта сатирико-юмористическая песня рассказывает о разбойничьем налете «Усов» на усадьбу богатого мужика. В саратовском же варианте отчетливее слышны антикрепостнические ноты, мотивы социальной мести. Песня кончается словами:

Ну-ка, вы, усы, за свои промыслы!
У большого у боярина у Строганова,
У его ли у прикащика у Воронова
Мы пойдем-ка, да разобьем-ка!

Возможно, что в первоначальном тексте мотивировка нападения на усадьбу «боярина Строганова» и «его прикащика Воронова» как расплата за социальное угнетение была обязательной. Но в известных вариантах она не встречается, а сохранилась только в тексте Саратовского Поволжья, идейно смыкаясь с удалыми песнями этого края.

Шевырев признавался, что он считает волжские удалые песни наиболее художественными из всей песенной лирики. В рецензии на сборник украинских песен М. Максимовича он писал: «Древние песни разбойничьи, столь прежде знакомые берегам нашей поэтической Волги, редко на ней раздаются. Несмотря на то, что сия река, не столько носившая суда военные, сколько торговые, заслуживает названия купеческой, но отдадим ей справедливость: она внушала много песен поэтических, и кто не пожалует, что они исчезнут в памяти русских»³.

Высоко оценивая удалые (по обозначению того времени «разбойничьи»⁴) песни, Шевырев не видел главного в их со-

¹ П. В. Киреевский, вып. 7, стр. 34.

² П. В. Киреевский. Новая серия, вып. 2, ч. 2, № 2513.

³ «Московский вестник», 1827, ч. 6, № 21—24, стр. 311.

⁴ Термин «удалые песни» введен Белинским для произведений вольнолюбивого содержания взамен распространенного названия «разбойничьи песни». Мы пользуемся термином «удалые» для того, чтобы различить песни указанной тематики от баллад о разбойниках, в которых народ осуждает и героев и их преступную деятельность.

держании. Он интересуется героиней самой по себе, героической поэзией, как бы стоящей над жизнью. В «разбойничьих» песнях он видел изображение далекого прошлого. «Мы видим у русских много песен исторических, разбойничьих, — писал он в той же рецензии, — в коих предки наши любили рассказывать подвиги своих соотечественников и часто, давая волю своенравной фантазии, прикрашивали их чудными метафорами»¹.

Как видно, в суждениях Шевырева оказалась не только романтическая трактовка разбойничьего фольклора, но и реакционная сущность его взглядов. В том же «Московском вестнике» он помещает архаическую балладу о каннибальском угощении, рисуя страшную дикость нравов далекого прошлого, и называет это произведение «волжскую разбойничью песней», не различая ее с песнями разинскими и удалыми². Можно думать, что архаическая баллада привлекла его внимание изображением ужасов старины.

Шевырев поддержал сложившееся мнение о художественном совершенстве волжского разинского и разбойничьего песенного фольклора, но не желал признать его современным по настроению, свидетельствующим о готовности народа бороться за свои права и свободу. Народность Шевырева была «народностью крепостного права». И это прежде всего отличало его понимание песен от трактовок Пушкина, выразившихся в песнях поэта о Степане Разине. Реакционная сущность истолкования «разбойничьей лирики» особенно ярко проявилась в последующей деятельности Шевырева, когда он открыто заявил себя сторонником теории официальной народности. Полемизируя с прогрессивными писателями, рассматривавшими разинские и удалые песни как проявление социальной мести и бунтарского протеста закрепощенных масс, Шевырев написал «Русскую разбойничью песню», которую напечатал в том же «Московском вестнике». В этом произведении он изобразил разбойника, но показал его не как жертву крепостнического гнета, а как преступника от рождения, как полное извращение человеческой природы, как существо, наделенное только животными инстинктами³.

Своими записями и прямыми высказываниями Шевырев не только отразил возникший в обществе интерес к удалым и

¹ «Московский вестник», 1827, ч. 6, №№ 21—24, стр. 35.

² Там же, стр. 389.

³ Там же, 1828 г., ч. 9, стр. 119—123.

разинским песням, но и способствовал принятому в литературных кругах романтическому осмыслению этого фольклора, сохранившемуся на протяжении всего XIX в. Оригинальные народные тексты своим содержанием не подтверждали толкования, принятого в романтической литературе. За субъективностью своеобразного характера удальцов авторы не видели тех объективных обстоятельств материальной жизни, которые сформировали эти характеры, их национально-специфическую удаль.

Другим, наиболее ранним собирателем саратовских разинских и удалых песен был поэт-песенник П. Г. Цыганов. К сожалению, мы имеем только косвенные свидетельства о его собирательской деятельности. Его интерес к фольклору не имел научного значения, а был практическим, поскольку он как поэт-песенник использовал знание народных песен в своих стихотворных опытах.

Н. Г. Цыганов был представителем совсем другой среды. Сын вольноотпущенника, приказчика богатого вольского купца-откупщика Злобина, Цыганов с раннего детства увлекался театром. Став профессиональным актером, он играл сначала на саратовской сцене, затем бродил по многим провинциальным городам и наконец обосновался в Московском Малом театре. Здесь он быстро снискал любовь публики главным образом исполнением комических ролей. Однако гораздо больше он был известен как поэт-песенник. Он сам исполнял свои песни под аккомпанемент гитары¹. Известно, что его песни быстро распространялись среди любителей, при этом нередко утрачивая имя автора. Можно думать, некоторая часть сочиненных им вещей исчезла безвозвратно, т. к. в печать попало далеко не все. Собрания сочинений Цыганова издавались только два раза уже после его смерти².

В советское время творчество Цыганова, долго пребывавшего в забвении, было вновь собрано, опубликовано и проанализировано крупнейшим знатоком русской литературной

¹ «Молва», 1834, июнь, № 23; М. Турунов. Русские песни Н. Г. Цыганова. — «Северная пчела», 1834, № 138; А. Терещенко. Быт русского народа, ч. I, М. 1848, стр. 84; М. Логинов, Николай Григорьевич Цыганов. — «Московские ведомости», 1857, № 65; Несколько слов о Н. Цыганове по поводу нового издания его сочинений. — «Русский инвалид», 1857, № 259.

² «Московский вестник», 1828, ч. III, № 10; «Молва», 1832, №№ 25, 41, 59; 1833, №№ 26, 70; «Музыкальный альбом на 1833 год» А. Е. Варламова; Собрание сочинений Н. Цыганова с прибавлением простонародных песен, собранных С. Кораблевым. М., 1857.

песни И. Н. Розановым. Исследователь несколько преувеличивает общественное значение его песен на основании большей их близости к фольклору, чем песни Кольцова. К тому же он видит в этих песнях мотивы народного бунтарства и считает Цыганова демократичнее Кольцова. «В лице Цыганова мы имеем такого мастера русской песни, который по своим настроениям был левее других»¹.

Творчество Цыганова интересно для нас широким использованием фольклорных традиций, в том числе и лирики удалой, волжской. Известно, что он знал эти песни и даже сам записывал их. У него был целый сборничек «разбойничьих» песен. Среди них, несомненно, были и саратовские. Некоторые из сочиненных им песен так близки по своей стилистической структуре к народным, что их принимали за подлинно фольклорные и печатали в сборниках народных песен. Так поступил, в частности, И. П. Сахаров. До настоящего времени опубликованная им песня «Ах, туманы...», изображающая «разинских помощничков», бежавших из тюрем, является загадочной в смысле ее подлинной народности. А между тем, много раз перепечатанная собирателями и издателями фольклора, она снискала себе исключительную популярность, как наиболее типичная, можно сказать «программная», песня для всего волго-разинского цикла. Сомнение в подлинности вызывают последние стихи этой песни, их романтическая настроенность, широта удалого размаха и идеализация волжской воли.

Мы веслом махнем, — корабль возьмем,
Кистенем махнем, — караван собьем,
Мы рукой махнем, — возьмем девицу.

Собственные песни Цыганова совершенно лишены такой бодрости и силы. Его творчество отличается чрезвычайным пессимизмом, что объяснялось не только тяжелыми условиями жизни второстепенного актера и его приверженностью к «чарке зелена вина», но главным образом тем общим чувством подавленности, которое вызывалось мрачной правительственной реакцией после декабристского восстания 1825 года. Песни Цыганова были близки к народным, в них были постоянны прямые заимствования из народных песен, особенно вступительных стихов и отдельных поэтических формулировок. Но, формально близкие к творчеству народа, его песни

¹ И. Н. Розанов. Песни русских поэтов XVIII—I-й половины XIX века. М.-Л., 1936, стр. 210. (Библиотека поэта. Большая серия).

существенно отличались от народных своею эмоциональною настроенностью.

Внес ли свое Цыганов в состав волжских песен? Уникальные заключительные стихи песни «Ах, туманы...» ни разу не были отмечены в народном исполнении и ни разу не попались в оригинальных записях, сделанных из уст народа. В литературном же обиходе эти стихи не только повторялись бесчисленное количество раз, но и вызвали подражания и служили источником для новых творческих построений.

Отношение к фольклору в начале XIX века, по справедливому суждению М. Н. Сперанского, было сначала результатом любопытства, сочувствия старине и «неясного чувства, веры, что в современной жизни низших классов общества есть зерна родной старины». Но рядом с этим он указывает на особый взгляд литературных кругов на народность «то поэтический, то утилитарно-поэтический, то патриотический, то, наконец, реакционно-политический»¹. Следует при этом уточнить, что отношение к волжскому фольклору с его бунтарскою настроенностью было противоречиво и вызывало жаркие споры. К тому же песни о Разине и о волжских вольных людях в виде переделок и литературных переложений не сходили со страниц литературных журналов и альманахов.

С резким выпадом против такого увлечения выступил в 1826 году А. Воейков в очерке «Путешествие из Сарепты на развалины Шери-Сарая, бывшей столицы Золотой Орды». Воейков проявил живой интерес к теме социальных противоречий, на которую его наталкивало описание разбойничьей пещеры. Причины разбойничества в народе Воейков, как и Шевырев, объясняет только злою природой отдельных личностей, но никак не крепостническим угнетением. Он возмущается и революционным выступлением дворянства, называя это стремлением «злодействами водворить на земле добродетель... на манер Робеспьера, Марата и Дантона»². Так судил дворянин, бывший друг декабристов в период жесточайшей с ними расправы.

¹ М. Н. Сперанский. П. В. Киреевский и его собрание песен. Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия, вып. 1, М., 1911, стр. 11.

² А. Ф. Воейков. Путешествие из Сарепты на развалины Шери-Сарая, бывшей столицы Золотой Орды. (Из дорожных записок). Собрание новых русских сочинений и переводов в прозе, вышедших в свет с 1823 по 1825 год. СПб., 1826, стр. 200.

Как бы в доказательство своих рассуждений Воейков прилагает к очерку сборничек песен о беглых, о волжских удалцах и разбойниках, не замечая при этом, что содержание этих песен опровергает его реакционные домыслы.

Романтически настроенные поэты — собиратели народных песен, обычно не стеснялись домысливать и дододелявать записанные ими тексты, оставив много темных пятен для текстологической работы фольклористов. Не менее загадочны, чем указанный текст Цыганова о «разинских помощничках», некоторые записи Языковых.

В 1839 году в «Отечественных записках» были опубликованы пять песен, переданных в журнал П. М. Языковым¹. Среди них замечательная песня о волжском удалце-разбойнике, скрывающемся от преследования. Произведение талантливое. Герой песни представлен в момент чрезвычайного психологического напряжения, полный ужаса перед предстоящей поимкой; ему страшны даже полевые ветры, «свистящие ему в уши про его разбой». Можно считать, что песня эта уникальная. Несмотря на то, что в 1860 году близкие тексты еще два раза попали в печать и притом с незначительными изменениями в стиле, все же эти публикации невозможно признать за новые варианты. Один текст приведен в статье Б. Ляскового «Прежние военные границы или линии Самарской губернии. Новые переселенцы», помещенной в «Самарских губернских ведомостях»², другой напечатан А. Григорьевым в его известной статье о народной песне, вышедшей в «Отечественных записках» в том же году³. Показательно, что оба автора не выдают эти песни за новые варианты или свои собственные записи. Вариантов же этой песни, записанных из уст народа, нам неизвестно⁴.

¹ «Отечественные записки» 1839, № 5, отд. III; стр. 159—165. К песням пометка: «Русские песни, доставлены П. М. Языковым».

² Б. Лясковский. Прежние военные границы или линии Самарской губернии. Новые переселенцы. — «Самарские губернские ведомости», 1860, №№ 26 и 27. Песня в № 27, стр. 234.

³ А. А. Григорьев. Русские народные песни с их поэтической и музыкальной стороны. — «Отечественные записки», 1860, ч. XXIX, стр. 470; то же, «Москвитянин», т. 8, стр. 103.

⁴ А. И. Соболевский напечатал в шестом томе своего собрания оба текста (Ляскового и Григорьева), выдав их таким образом за два якобы самостоятельных варианта. В сб. Н. Д. Комовской (сказки, рассказы, песни Горьковской обл., Горький, 1956, стр. 156) приведен небольшой отрывок этой песни, вероятнее всего попавшей из книги. В комментариях песня определяется либо как разинская, либо как пугачевская.

Приведем ее текст по первой публикации в «Отечественных записках» 1839 года.

- Что светил-то, светил
Месяц во полночи,
Светил вполоничу.
Что скакал-то в степи
5. Один добрый молодец,
Без верной дружины.
Как гнались-то, гнались
За тем добрым молодцем
Ветры полевые.
10. Что свистят-то они
В уши разудалому
Про его разбой.
Что горят-то костры
По всем дороженькам,
15. Все сторожевые.
Что следят-то, следят
Молодца-разбойника
Царские разъезды.
Как ему-то в Москве,
20. Славной белокаменной,
Строят палаты,
Что уж в два столба
С толстой перекладиной,
24. С пеньковым арканом.

Изменения в газетном тексте очень незначительные. Слово «что» в стихах 4, 10, 13 и 16-м заменено на «как» или «уж». Слово «то» заменено союзом «да» такого же усилительного значения.

Содержание этой песни очень близко к содержанию других удалых песен, выражающих оправданный народом порыв к воле, что определяет сочувственное изображение героя. Но вместе с тем в этих песнях не скрывается осуждение народом, да и самими песенными героями, зазорной разбойничьей деятельности. Вот почему в удалых песнях герои-удальцы бывают представлены в момент, когда в их сознании возникают сомнения в отношении к их разбойничьим похождениям, в момент трагической внутренней борьбы и самооценки. Песня, напечатанная П. Языковым в «Отечественных записках», как раз того же содержания. Она вызывает сомнение в подлинной народности не тематикой, а более тонким психо-

логизмом в показе укоров совести героя. В этом произведении внутренний мир удалца изображен не только через показ его действий, но раскрыт более обнаженно, что и отличает его от героев других удалых песен.

По-видимому, эта песня вызывала некоторые сомнения в подлинности. Во всяком случае в сборник П. В. Киреевского, вместе с другими записями Языковых, она не попала. В «Отечественных записках» 1839 г. этот текст был помещен рядом с четырьмя другими произведениями, менее художественными и явно стилизованными под фольклор. Например, баллада о разбойничьей жене, сохранив все детали народного сюжета, отличается таким дешевым «романтизмом» образа героя-разбойника, рассказывающего жене о злодейском убийстве всех ее родных, что стилизация сразу выдает себя.

В Саратовском Поволжье эта разбойничья баллада записывалась неоднократно. Мы не можем отнести ее в разряд удалых песен. Как и другие баллады о разбойниках, она выражала осуждение народом разбойничества, которое показывается как страшное зло, приносящее окружающим, и особенно родственникам, много горя. В балладах не получает отражения народно-освободительная идея. К тому же многие из них сложились в гораздо более ранний период феодализма, чем песни удалые.

В варианте этой баллады, записанном Костомаровым и Пасхаловой, рассказывается о трагедии женщины, насильно выданной за разбойника, который по требованию товарищей (в других вариантах по обычаю первой встречи) вынужден был убить родных жены¹. Эта песня была широко распространена еще в XVIII в. В двадцатых годах XIX в. ее литературно обработал Н. Г. Цыганов, усилив трагизм содержания. В литературной стилизации П. Языкова утрачивается главная мысль народной песни. Поэтической задачей его литературного переложения было проникнуть в необычайный мир преступника и воспроизвести его во всей поражающей остроте. Разбойник Языкова испытывает особое удовлетворение от подробного пересказа страшного события.

¹ А. Н. Мордовцева и Н. И. Костомаров. Русские народные песни, собранные в Саратовской губернии, т. IV, 1862, стр. 64. В. 1860 г. Н. И. Костомаров напечатал другой вариант этой песни. — «Архив юридических и практических сведений, относящихся до России», изданный Н. Калачовым, кн. 1; СПб., 1860, стр. 39. Запись из с. Волхонщина Сердобского уезда.

...«Эй, вставай, жена! Эй, встречай, душа!
Отгадай, жена, ворона коня!»
Что не снег идет на безвременьи,
Что не бьет мороз цветы на поле,—
У нее в лице ни кровиночки,
По щекам бегут слезы в три ручья.
«Ну, узнай, жена, ворона коня!»...
... «Ты не плачь, жена, не тужи, душа!
Успокоил я всю родню твою:
Схоронил отца в зеленом саду,
Твою матушку там под яблонью.
А сестру зарыл я под грушею,
А в сыром бору под ракитою
Я сложил-убил брата-сокола»¹.

В песне ничего не говорится о причинах, побудивших героя к преступлению. Не жизненная трагедия раскрывается в ее содержании, как в народных балладах о разбойниках, а внутренний мир разбойника вне обусловленности жизненными обстоятельствами. Если народная баллада о разбойничьей жене не может быть отнесена к удалым песням, то стилизация П. Языкова совсем далека от их проблематики. Далека она от народных песен и по стилю, образным средствам и по языку. То обстоятельство, что она напечатана рядом с песней «Что светил-то, светил месяц во полночи», бросает тень и на эту удалую песню. Обе они несут на себе черты романтизма, хотя и по-разному.

В записях XVIII века разинские и удалые волжские песни характеризуются отчетливыми локальными приметами и в меньшей степени довольно точными социально-историческими обозначениями в изображении событий. В романтических же литературных вещах разинская тема трактовалась или на основе легендарных источников, или строилась на почве чистого вымысла. Понятно, что в литературных пересказах и творческих переложениях писателей волжские удалые песни и разинские не различались. В тридцатые годы XIX в. появилось громадное количество произведений беллетристики, так или иначе использовавших волжский фольклор. Это была чаще всего невысокого качества массовая литература: повести со вставными песенными номерами, поэмы и литературные песни,

¹ «Отечественные записки», 1839, № 5, отд. III, стр. 165.

стилизованные под фольклор¹. Герои этих произведений—бесшабашные удалцы, упоенные тем, что наводят ужас на окружающих. Эпигонская беллетристика отдавала последнюю дань романтизму. С такого рода подражаниями волжской удалой лирике повел борьбу Н. Полевой в своем журнале, выступая с осмеянием псевдонародности. Но получалось и так, что его сатира была мимо цели, когда он избирал мишенью Пушкина, пародируя его песню о Степане Разине «Как по Волге реке по широкой»². Пушкинские песни по степени художественности и народности не могли идти в сравнение с массовой литературой на волжско-бунтарскую тему. В 1836 году в четвертом номере «Современника» вышла уже «Капитанская дочка» подлинно реалистическое произведение, в котором впервые с чисто народных позиций писателя-гуманиста Пушкин дал правильную социальную оценку причин крестьянского восстания XVIII в. Все же романтическая, к тому же часто реакционная, лишенная всяких элементов народности разинская и «волго-разбойничья» тема в произведениях, стилизованных под фольклор, продолжала жить в сочинениях мало известных писателей и оказала некоторое влияние на собирание и исследование волжской народной песни³.

Собирательная деятельность первой половины XIX века способствовала появлению в печати большого количества народных разинских и удалых песен. Особенно же много перепечатывалось текстов из сборников XVIII в., нередко с попытками их историзовать. Так в безымянные песни вносилось имя Разина. Однако в Саратовском Поволжье этих песен в 30-х и 40-х годах почти не было найдено. Записей фольклорных произведений разных жанров было сделано немало. Но в большинстве эта работа была сосредоточена в руках людей, наст-

¹ Перечислим некоторые: Чека. Уральская повесть. Сочинение Федора Алексеева. М., 1828; Разбойник. Сочинение Петра Машкова. СПб., 1828; Пещера Кудеяра. Повесть в стихах. Сочинение В. Степанова. Университетская типография, М., 1828; Песнь казака.—«Московский телеграф», 1826, ч. 6, стр. 105; Кульжинский. Казацкая песня.—«Дамский журнал», 1826, ч. 18, стр. 222; Разбойник. Повесть в стихах Матвея Покровского. Типография Армянского института Лазаревых. М., 1830; Атаман буря, или Вольница заволжская. Типография Пономарева. М., 1835; Ссылный. Русская повесть Павла Иноземцева. Университетская типография. Харьков, 1833; Стенька Разин. Историческая повесть из времен царствования царя Алексея Михайловича... Сочинение Николая Фомина. Типография Августа Семена. М., 1836 и много других.

² «Новый живописец общества и литературы». — Сатирическое приложение к журналу «Московский телеграф», 1830, № 8, стр. 136.

³ ...Волжская песня.—«Москвитянин», 1844, IV, стр. 4—6.

роенных консервативно. Значительную роль в развитии этнографии и фольклористики в Саратове сыграл, например, в 30-х годах Андрей Леопольдов. Он был вынужден уехать из столицы после позорных выступлений «против Пушкина»¹.

Длительное время он был редактором «Саратовских губернских ведомостей», создал сеть корреспондентов на местах и сам собирал много фольклорных и этнографических материалов, которые печатал в Саратове или в центральных изданиях: «Московском телеграфе», «Северной пчеле», «Библиотеке для чтения», «Маяке» и других. Все его публикации характеризуются тенденциозностью, подбором и реакционностью осмысления. В 1851 году он выступил в «Саратовских губернских ведомостях» со статьей «Несправедливый укор казакам», где старался заверить власти в своей преданности престолу и одновременно выразить свое отношение к тому разинско-пугачевскому фольклору, которого он не мог не заметить в народном бытовании, но не хотел и боялся собирать.

«Люди, предавшиеся буйству и своеволию, рушители порядка и тишины народной, словом, изверги не могут быть укором казакам... Донской казак всякое оскорбление перенесет, но не перенесет нареkania, если назовут его отродьем Пугачева — так позорно на Дону имя этого крамольника»².

Не много отметил разинских песен в Саратовском Поволжье и А. В. Терещенко, по-видимому, по той же причине, т. е. закрывая глаза на этот фольклор, как и Леопольдов. Может быть, отчасти отсутствие этих песен в их материалах объяснялось тем, что среди их корреспондентов были священники, конечно, не решавшиеся записать и представить подобные произведения в печать. А между тем в эти годы разинские и удалые песни записывались в других районах³.

Песенный фольклор в книге Н. И. Костомарова «Бунт Стеньки Разина». Активная собирательская деятельность развернулась в Саратове в пятидесятые годы, когда здесь организован кружок передовых мыслящих людей, заинтересованных в судьбах народа, в изменении положения крепостного крестьянства, в изучении и собирании этнографических и

¹ А. Леопольдов получил год тюрьмы за чтение запрещенных стихов Пушкина, после пытался выкрутиться, написав на поэта донос. Но все же вынужден был выехать из Петербурга.

² А. Леопольдов. Несправедливый укор казакам.—«Саратовские губернские ведомости», 1851, № 8, стр. 38.

³ Разинские и удалые песни печатались в сборниках И. П. Сахарова, П. В. Киреевского, в журналах и альманахах.

фольклорных сведений о нем. Достаточно сказать, что в 1851—1853 годах в Саратове жил и учительствовал в гимназии после окончания Петербургского университета Н. Г. Чернышевский. Будущий корифей революционно-демократической мысли в 23 года был уже человеком со сложившимся общественно-политическим мировоззрением. В Саратове он нашел глушь и застой. Безотрадное впечатление произвела на него и гимназия, и педагогическая среда¹. Чернышевский сошелся с очень немногими учителями и ближе других с преподавателем географии Е. А. Беловым. Каждую неделю по вторникам они ходились вместе с Костомаровым и еще некоторыми лицами, много спорили по вопросам политики, философии, литературы и науки.

В полном смысле единомышленников Чернышевский не находил. Но члены кружка привлекали своею образованностью, демократизмом взглядов, выделяясь этим из среды саратовской интеллигенции. Чаше других Чернышевский встречался с Н. И. Костомаровым. Историк Н. И. Костомаров—профессор Киевского университета и писатель—жил в Саратове с 1848 года. Он был сослан сюда после годовичного заключения в Петропавловскую крепость за организацию в Киеве тайного политического общества.

Общество задумывало организацию славянской демократической федерации и борьбу с крепостничеством. Активными членами его, кроме Костомарова, были П. А. Кулиш, великий украинский поэт Т. Г. Шевченко и некоторые другие. Особенно жестоко пострадал революционно-демократически настроенный Шевченко. Костомаров же, стоявший на либерально-реформистских позициях, после года тюрьмы был сослан в Саратов под надзор полиции, с запрещением преподавать и печататься².

Во взаимоотношениях Костомарова с Чернышевским нас интересует только одна сторона—взгляды того и другого на народ и народное творчество и возможность активного влияния Чернышевского на Костомарова. Мимо этих вопросов

¹ Н. М. Чернышевская. Летопись жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского. М., 1953; Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников. т. I—II, Саратов, 1958; Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы, т. 1—4, Саратов, 1958—1965.

² А. Н. Пыпин, Н. И. Костомаров.—«Вестник Европы», т. I, 1884, январь. Он же. История русской этнографии, т. III, СПб., 1891, стр. 151; Н. И. Костомаров. Литературное наследие. СПб., 1890; П. Юдин. Костомаров в ссылке.—«Исторический вестник», 1905, апрель; М. К. Азадовский. История русской фольклористики, т. II, М., 1963, стр. 39.

невозможно пройти, обращаясь к характеристике фольклористической деятельности Костомарова в Саратове, тем более, что его работа в этой области была значительной и оставила глубокий след.

В последние годы появилась попытка заново пересмотреть историю взаимоотношений этих двух лиц, близко и часто общавшихся в течение двух лет. Речь идет о статье Л. В. Домановского, помещенной в третьем томе саратовского сборника «Чернышевский»¹. Автор этой статьи пытается доказать, что в период общения Костомарова с Чернышевским сосланный историк оказался под непосредственным и сильным влиянием революционно-демократического мыслителя, что особенно проявилось во взглядах Костомарова на народ и «народную революцию», отразившись на его сочинении «Бунт Стеньки Разина»². Мысль очень заманчивая, но она требует некоторых уточнений. Анализируя текст Костомаровского произведения и особенно газетные публикации, представляющие собою его первоначальный вариант, Л. В. Домановский обнаруживает следы непосредственного воздействия революционного демократа Чернышевского на трактовку Костомаровым народного восстания: «Только сознательным подчинением своего дарования делу назревающей крестьянской революции, ее предчувствием, связью с Чернышевским можно объяснить появление этой книги Костомарова»³, — пишет он.

Но все же исследователь не мог не увидеть различий взглядов Костомарова и Чернышевского на народное восстание. В конце статьи он замечает: «Сквозь глубокое чувство исторической правды прорывается у Костомарова панический страх перед народной революцией»⁴. «Костомаров, как либерал, сам испытывал страх перед новым «крестьянским бунтом» и стремился предотвратить его»⁵. Домановский допускает и относит это противоречие на счет самой книги, заме-

¹ Л. В. Домановский. К саратовским взаимоотношениям Н. Г. Чернышевского и Н. И. Костомарова (Из истории «Саратовского кружка»). — В кн.: Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы, т. 3, Саратов, 1962, стр. 213.

² Л. В. Домановский, стр. 224—229; Стенька Разин и удалые молодцы XVII века. — Саратовские губернские ведомости, 1853, №№ 14—18, апрель; Н. Костомаров. Бунт Стеньки Разина. СПб.; 1859, стр. 1—12.

³ Л. В. Домановский, стр. 227.

⁴ Л. В. Домановский, стр. 228.

⁵ Там же, стр. 229.

чая: «Содержание книги шире субъективных намерений автора»¹.

Оставим в стороне несогласованность суждений автора статьи («панический страх перед народной революцией» и одновременно «сознательное подчинение своего дарования делу назревающей крестьянской революции»). Важнее другое. Действительно ли смог Костомаров встать на позиции революционных демократов во взгляде на крестьянское возмущение?

В содержании книги можно обнаружить противоречия во взглядах автора с народным взглядом на события крестьянской войны, отраженные в песнях. Однако это столкновение разных точек зрения не влияет на позиции Костомарова, выраженные очень отчетливо. Костомаров видит в крестьянской войне XVII века завершение длительной борьбы удельно-вечевого, отжившего начала с прогрессивным государственным принципом единой державы. Победа наступила при Иване IV. Но вспышки удельно-вечевых притязаний продолжались в виде восстаний казачества и крестьянства². В своем сочинении Костомаров доказывает, что разинское восстание—это попытка восстановить «старорусский мир» с его «вечевой вольницей». «Казачество,—говорит он,—само по себе.. было не новым началом жизни, а старым: запоздалым, отцветшим; оно было страшно настолько, чтобы задержать русский народ, сбить его на время на старую дорогу, но бессильно и бессмысленно, чтоб проложить ему новый путь. Удельно вечевая вольница... не могла произвести ничего, кроме эпохи Стеньки Разина, кровавой, громкой, блестящей, приведшей в ужас и ожидание... не только Московское государство, но и всю Европу, и бесплодной, как метеор, много обещающей незнакомому с тайнами природы и никогда не исполняющей этого обещания»³.

Костомаров, как видно, не обнаруживает не только никакой революционности в народном антикрепостническом движении, но и никакой разумности: «умственная сторона ее (удельно вечевой вольницы—Т. А.) давно уже подверглась старческому разложению»⁴. Эта своеобразная романтическая концепция пронизывает все содержание книги. Не революци-

¹ Л. В. Домановский, стр. 229.

² Н. И. Костомаров. Бунт Стеньки Разина. СПб., 2 изд., 1850, стр. 1—12.

³ Н. И. Костомаров, стр. 12—13.

⁴ Н. И. Костомаров, стр. 13.

онный порыв и борьбу за волю, не назревание крестьянской революции видит Костомаров в народном движении XVII века, а бессмысленный бунт и утверждение старого уклада жизни. Революционно-демократических трактовок невозможно усмотреть во взглядах историка, убежденного монархиста. Романтика образа народного вождя и его сподвижников привлекли внимание к его книге и создали ей редкую популярность.

Невозможно признать, что Костомаров сумел в книге встать на народную точку зрения. Автор сочинения приводит выдержки из таких преданий, которые создавались в консервативных кругах крестьянства: «Стенька—это мука мирская, кара божия... Не дай, господи, всякому доброму крещеному человеку дожить до той поры, как придет Стенька!»¹. Так заканчивает Костомаров словами крестьянина-старика свою книгу. От имени якобы народа он называет Разина «чудовищем», «чернокнижником»²; авторская оценка разинского дела выражена в словах: «народ страдал от Стеньки, страдал и от воевод»³. Народ будто бы с ужасом ждал нового прихода Разина: «Перед судным днем придет! Ох! тяжкие настанут времена!»⁴. Но вместе с тем Костомаров говорит о том, что народ с симпатией относится к удальцам и что песни о волжской вольнице—это лучшие русские песни. «Народ сочувствовал удалым молодцам, хотя часто терпел от них; самые поэтические великорусские песни это те, где воспеваются их подвиги; в воображении народном удалый добрый молодец остался идеалом силы и мужской красоты... Слово «удалый молодец» значило у нас героя, а между тем оно смешалось с значением разбойников»⁵.

Никакой связи с современностью, с настроениями крестьянства в годы революционной ситуации Костомаров в отношении народа к крестьянской войне не усмотрел.

Вместе с тем книга Костомарова производила сильное впечатление и была популярной, что справедливо отмечает и Л. В. Домановский. В этой книге приведено четырнадцать

¹ Н. И. Костомаров. Бунт Стеньки Разина. СПб., 2 изд., 1850, стр. 237.

² Там же, стр. 90.

³ Там же, стр. 178.

⁴ Там же, отрицательное отношение к Разину существовало в раскольничьих кругах. В широких же массах народа Разин бы признанным защитником угнетенных. Такое отношение к нему выразилось в народных песнях.

⁵ Там же, стр. 12—13.

песен и несколько отрывков. По ней главным образом знакомилась с разинским восстанием народники. «Вплоть до революций 1905 года книга Костомарова оставалась почти единственным источником, по которому революционная интеллигенция, в том числе и марксистская, могла знакомиться с разинщиной»,—говорит Д. Рязанов, исследуя конспект книги Костомарова, составленный К. Марксом¹.

Что же способствовало популярности книги Костомарова? Несомненно, главную роль сыграли подлинные документы и тексты народных песен. Нельзя отрицать и того, что факты притеснения народных масс Костомаровым даны убедительно, хотя он и признавал их только якобы принадлежащими XVII веку. Домановский считает достоинством книги ее беллетристическую форму, будто бы рекомендованную Чернышевским. В действительности же эта форма является индивидуальной особенностью Костомарова—историка, в равной мере считавшего себя и ученым и писателем. В этой форме написано немало его сочинений². Главное же, что особенно помогло занимательности повествования,—это романтическая трактовка народного героя. Отрицательно относясь ко всей деятельности Разина, Костомаров готов вызвать восхищение к нему, рисуя его мужество, силу воли, особенно в сцене казни. А. Н. Пыпин назвал Костомарова «историком-художником», особенностью которого была «постоянная, доходящая до конца его дней, потребность в живых образах»; работа фантазии, «которая не довольствовалась сухим историческим материалом и вносила в него живые лица, с их понятиями, страстями, бытовой обстановкой». «Историку-художнику, кроме знания, необходима фантазия, и Костомаров, несомненно, владел богатой фантазией. Быть может, этой фантазии не было достаточно для чисто поэтического творчества, но ее было довольно для одушевления летописи, архивного документа, памятника, предания... Он не мог довольствоваться сухим книжным фактом»³. Пыпин называет Костомарова также «народным романтиком», и это очень верно. Если Костомаров завоевал себе почетное признание за то,

¹ К. Маркс. Стенька Разин. Под ред. и с предисловием Д. Рязанова. — «Молодая гвардия», 1926, № II, стр. 104—125.

² Кремуший Корд (1862), Сын (1864), Кудеяр (1875), Холоп (1878), Черниговка (1881) и другие повести и романы, а также беллетристика на украинском языке.

³ А. Н. Пыпин. История русской этнографии, т. III, СПб., 1891, стр. 160.

что первый выдвинул на главное место историю народа, а не историю правителей и государств, то нельзя не указать на то, что понятие «народ» он сочетал со стариной и толковал его романтически. Пыпин так характеризует отличительную черту исторических трудов Костомарова: «...его по преимуществу влекло к изображению народного элемента в истории, к объяснению народного исторического права». Пыпин отмечает также «стремление проникнуть в думы и характер народных масс, о которых часто и совсем забывали»¹.

Пыпин совершенно не был склонен видеть какую-либо революционность в этом «народном интересе» Костомарова. Он отрицает его близость «к кружку прогрессивному». А ведь Пыпин хорошо знал не только работы ученого-историка, но и лично был с ним знаком. Взгляды Чернышевского и Костомарова никак нельзя признать близкими. Чернышевский в пору работы в Саратове, по собственным словам, делал «такие вещи, которые пахнут каторгою»².

Чернышевский рад был встретить в глухой провинции живого, мыслящего человека. Но политические взгляды их были различны. Сам Чернышевский говорит о том, что в период их встречи в Саратове мировоззрение того и другого было уже сложившимся. «Мы виделись очень часто, временами по целым месяцам каждый день, и почти каждый день просиживали вместе. Мой образ мысли был в начале моего знакомства с ним уже довольно давно установившимся. И его образ мыслей я нашел тоже уже твердым»³. По словам М. К. Азадовского, Костомаров представляет пример «статичности фольклористических изучений почти на протяжении полувека»⁴. И это мнение полностью совпадает с мнением А. Н. Пыпина.

Костомаров своеобразно сочетал демократизм своих политических и исторических позиций с глубокою религиозностью. Кроме того, Костомаров был убежденным монархистом, что не могло его идейно сблизить с Чернышевским. Возможно, что Чернышевский повлиял на выбор темы Костомаровым, тем вместе с тем родственной основным интересам историка и

¹ А. Н. Пыпин. История русской этнографии, т. III, СПб. 1891, стр. 156.

² Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. I, М., Гослитиздат, 1949, стр. 418.

³ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. I, стр. 776.

⁴ М. К. Азадовский. История русской фольклористики, т. II, 1963, стр. 39.

отвечавшей своеобразию его писательского таланта. Не приходится сомневаться в том, что Чернышевский очень ценил собирательскую деятельность Костомарова и Пасхаловой. Известно, что на одном из очередных диспутов, какие он проводил с гимназистами, была тема о народной песне. Кроме того, на акте гимназии 24 июня 1852 года Чернышевский прочитал речь «О собирании памятников народной словесности»¹. Вряд ли эта речь не была обсуждена им с Костомаровым.

Народный взгляд на восстание и симпатии к его участникам проявились в книге «Бунт Стеньки Разина» главным образом через песни, обильно иллюстрирующие сочинение Костомарова. Иначе характеризуют Разина и крестьянское движение народные предания. Они противоречиво относятся к возмущению, т. к. возникали в различных по общественным воззрениям прослойках народных масс. Для Костомарова те и другие равно авторитетны. Песни и предания он включил в самую сюжетную ткань своего беллетризованного произведения, усматривая в их содержании повествование об отдельных эпизодах народной войны или признавая их сочиненными и исполнявшимися ее участниками.

Что послужило Костомарову источником, из которого он почерпнул песенные тексты? Этот вопрос достаточно подробно освещен в специальных исследованиях Б. Н. Путилова и О. Б. Алексеевой². Нам важно лишь указать, насколько точен был писатель-историк, когда перепечатывал песни, помещая их в своей книге. Основное количество песен он заимствовал из сборника И. П. Сахарова³. А так как Сахаров сам был неоригинален в своих публикациях, то в конечном счете большинство песен, напечатанных в костомаровской книге, восходит либо к собранию Чулкова⁴, либо к сборнику Кирши Да-

¹ Е. Г. Бушканец. Н. Г. Чернышевский — учитель Саратовской гимназии (по новым архивным материалам). — В кн.: Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы, т. 4, стр. 193—194.

² Б. Н. Путилов. К вопросу о составе разинского песенного цикла. — «Русский фольклор», т. VI, изд. АН СССР, 1961; стр. 314; О. Б. Алексеева. Исторические песни в публикациях Н. И. Костомарова и А. Н. Мордочевой. — «Русский фольклор», т. VI, стр. 329.

³ И. П. Сахаров. Песни русского народа, ч. IV, СПб., 1839.

⁴ Песни о казни Разина, о сборе атаманом гольтыбы в поход, о возмущении казаков начальством. — В кн.: Костомарова «Бунт Стеньки Разина», стр. 53, 221, 57; то же — в сб. Чулкова. Собрание разных песен, ч. I, №№ 137, 134, 126.

нилова¹, или к публикациям «Московского вестника»². Несколько песен Костомаров, по-видимому, взял из собственных записей, сделанных им вместе с А. Н. Пасхаловой в Саратовской губернии³. К разинским же Костомаров отнес две ермацкие песни, заменив в них имя Ермака Тимофеевича Степаном Тимофеевичем⁴. Кроме того, он стремился архаизировать тексты, заменяя новейшие социальные и бытовые обозначения старыми. В песне о «Сынке» он дает «воевода», «бояре» вместо «губернатор», «офицеры». В былине вместо «Злые-то татары со калмыками» (как было в газетном тексте) он дает: «Злые-то татары с персиянами». (В тексте Шевырева в «Московском вестнике» было: «горские татары со калмыками»).

Многие из процитированных песен он «историзовал», внося в них имя Разина. Так, песни о разинских помощничках, о выборах атамана в вариантах Пасхаловой не имеют имени Разина, его внес в книжный текст Костомаров. Не было имени Разина и в былине о Соколе-корабле ни в шевыревском тексте, ни в перепечатке Сахарова. Костомаров сделал Разина героем и этого произведения, поставив его рядом с Ильей Муромцем⁵. Самостоятельно заменил он имя Ермака на Степана Разина в песне об азовском пленнике, взятой из сборника Кирши Данилова. Кроме того, некоторые неисторические удалые песни еще до Костомарова были из безымянных превращены в ра-

¹ Песня об Азовском пленнике и отрывок былины о Садко. См. Н. И. Костомаров, стр. 95 и стр. 48; то же — в сборнике Кирши Данилова, №№ 41 и 88.

² Песни о помощничках Разина и о завещании атамана.—В кн.: Н. И. Костомаров. Бунт Стеньки Разина, стр. 177 и 216; то же—«Московский вестник», ч. III, 1828, стр. 109 и 1830, ч. I, стр. 127. Былина о Соколе-корабле. Костомаров. Бунт Стеньки Разина, стр. 76, то же—«Московский вестник», 1827, ч. 21, стр. 9.

³ Песня о «Сынке» Разина.—Н. И. Костомаров, стр. 116, 117 и 127; О наезде на Астрахань.—Н. И. Костомаров, стр. 90, Песня о Соколе в клетке.—Указ. книга, стр. 218.

⁴ Костомаров. Бунт Стеньки Разина, стр. 78 и 144; песня взята из записей Пасхаловой. — «Известия Академии наук». Прибавления. 1854, ч. III, стр. 319.

⁵ Н. И. Костомаров. Бунт Стеньки Разина, стр. 76; то же—И. П. Сахаров. Песни русского народа, ч. IV, стр. 191; Песни, собранные Киреевским, вып. 1, стр. 22—23 (былина о Соколе-корабле); Костомаров. Бунт Стеньки Разина, стр. 78; то же — рукопись А. Н. Пасхаловой, разряд XXXVI, папка 58, № 2 (выборы атамана).

зинские и в таком виде были использованы в его книге¹. Все это привело к значительному увеличению разинского цикла. Искусственное разрастание достигалось еще и тем, что Костомаров некоторые песни, не имевшие имени Разина, показал в своем сочинении как произведения, созданные участниками народной войны², или истолковал как рассказы о ее отдельных эпизодах. Так возникло в литературе новое и неверное представление об исторических песнях, посвященных якобы событиям крестьянской войны XVII века.

Было бы несправедливо упрекать Костомарова в вольном обращении с текстами фольклора. В произведениях беллетристических это считалось вполне допустимо, да так считается и в настоящее время. Но Костомаров ко времени написания книги обладал уже опытом собирательской работы. Ему были известны многие подлинные разинские тексты. Он, как историк, ставил народные произведения наравне с архивными документами, что вызывало невольное доверие к его публикациям у современников³.

Помимо указанных переделок, Костомаров затушевывал в песнях социально-протестующий смысл. В «Камышинке», которая, вероятно, сложилась в XVIII в., он выбрасывает конец, где говорится о том, что казаки хвалят Петра, а бранят Меншикова, «заедающего их жалованье». В песне о сборе Разиным голытьбы в поход он отбрасывает конец, где говорится о замысле двинуться на Москву.

Книга Костомарова имела, несомненно, положительное значение как произведение беллетристики, способствовавшее знакомству с событиями крестьянской войны XVII в. Но она вносила романтические представления в сознание читателей об этих событиях и не содержала в себе ничего революционного.

Научного же значения для фольклористических исследований книга Костомарова и опубликованные в ней тексты песен

¹ «Ах, туманы», публикация Н. Цыганова. — «Московский вестник», 1828, ч. 11, стр. 109; «Завещание атамана», публикация В. Пассек — Там же, 1830; ч. 5, стр. 127; Н. И. Костомаров. Бунт Стеньки Разина, стр. 177 и 216.

² Песню о соколе в клетке будто бы пел осужденный на вечное тюремное заключение брат Разина Фрол. — Н. И. Костомаров. Бунт Стеньки Разина, стр. 218—219. «Предание говорит, что, сидя в темнице и дожидаясь последних смертных мучений, Стенька сложил песню и теперь повсюду известную» «Схороните меня, братцы...» — Н. И. Костомаров, стр. 215—216.

³ Впервые П. Бессонов выразил сомнение в точности его записей.

не имеет, да этого неверно было бы от нее и требовать, если бы при этом не было обстоятельства, заставляющего тщательно проверить и пересмотреть все помещенные в ней фольклорные произведения. Как уже было сказано, благодаря многочисленным перепечаткам, часто без указания источника, песни из книги «Бунт Стеньки Разина» вошли в научный оборот и как подлинно народные анализировались наряду с текстами, записанными от народных певцов.

Для конкретизации высказанных нами положений приведем пример редакторской правки Костомаровым в песне «Ах, туманы». Это как бы «программная» волжская удаляя песня. Подавляющее большинство ее вариантов не упоминает имени Разина. Впервые с этим именем она была напечатана в «Московском вестнике» в 1828 году, куда была доставлена поэтом Н. Г. Цыгановым. Приведем ее:

- Ах, туманы, вы туманушки,
Вы туманы, мои непроглядные,
Как тоска-печаль ненавидные!
Иссушили туманушки молодец!
5. Сокрушили удалых до крайности!
Ты взойди, взойди, красно солнышко,
Над горой взойди, над высокою,
Над дубравушкой, над зеленою,
Над урочищем доброва молодца,
10. Что Степана свет Тимофеевича,
По прозванию Стеньки Разина.
Ты взойди, взойди, красно солнышко,
Обогрей ты нас, людей бедных;
Мы не воры и не разбойнички,
15. Стеньки Разина мы помощнички.
Мы веслом махнем — корабль возьмем,
Кистенем махнем — караван собьем,
Мы рукой махнем — возьмем девицу¹.

В 1839 году в четвертой книжке «Песен русского народа» Сахаров перепечатал этот текст с небольшими изменениями; слова: «ненавидные», «дубравушкой», «доброва» он заменил словами: «ненавистные», «дубровушкой», «доброго». В последнем стихе он переставил слова: вместо «возьмем девицу» напе-

¹ «Московский вестник», 1828, ч. III, стр. 109. В сб. И. Н. Розанова 1952 г. текст этой песни приведен с таким примечанием: «Песенник начала XIX в. В общем переплете с песенниками 1822 г. М., изд. Кузнецова». По видимому, это тот же цыгановский текст.

чатал «девицу возьмем»¹. Не приходится сомневаться в том, что Сахаров дал не собственную запись, а запись Цыганова².

В записи А. Н. Пасхаловой, сделанной вместе с Костомаровым, песня эта звучит иначе. И она, несомненно, более точно воспроизводит народный вариант.

Ты возмой, возмой, туча грозная,
Ты пролей-ка, чист крупен дождик,
Ты размой, размой земляну тюрьму.
Что тюремнички — братцы разбежались.

5. Во темном лесе собиралися,
Во дубравушке во зелененькой.
Ночевали тут добры молодцы,
Под березонькой они становилися,
На восход богу молилися,
10. Красну солнышку поклонилися:
«Ты взойди, взойди, красно солнышко,
Над горой взойди, над высокою.
Над дубравушкой, над зеленою,
Над урочищем добра молодца,
15. Что Степана свет Тимофеича,
Ты взойди, взойди, красно солнышко,
Обогрей ты нас, людей бедных,
Людей бедных—солдат беглых,
Добрых молодцев беспачпортных.
20. Мы не воры и не разбойнички,
Добры молодцы все охотнички,
Атамановы мы работнички,
Есауловы мы помощнички³.

В этой песне нет последних трех эффектных стихов цыгановского варианта. Нет и пяти начальных стихов, отличающихся заметной литературной обработкой. Вместо того, пасхаловский текст начинается обращением к туче с просьбой пролить дождь и размыть земляную тюрьму (стихи 1—10).

В книге «Бунт Стеньки Разина» Костомаров дал сводный текст из сахаровского и пасхаловского⁴. Костомаров взял в основу полный текст Пасхаловой, составивший центральную

¹ И. П. Сахаров. Песни русского народа, ч. IV, стр. 166.

² «Саратовские губернские ведомости», 1854, часть неофициальная, № 16.

³ Рукопись А. Н. Пасхаловой, разряд XXXVI, папка 58, стр. 90.

⁴ О. Б. Алексеева. Исторические песни в публикациях Н. И. Костомарова и А. Н. Мордовцевой. — «Русский фольклор», т. VI, 1961.

часть его песни (стихи с 6 по 27). Но в соответствии с принятыми установками он устранил все приметы XVIII века, убрав слова: «солдат беглых» и «беспачпортных». Вместо «атамановы работнички», он дает «Стеньки Разина работнички». Кроме того, он выбросил 19 и 21 стихи пасхаловского варианта, не играющие особой роли в содержании песни. Первые три и последние три стиха Костомаров взял из цыгановского текста, но в переделке Сахарова. Четвертый и пятый стихи цыгановско-сахаровского текста он заменил более обычными песенными, известными ему по собственным записям¹.

Песня «Ах, туманы» в тексте Цыганова—Сахарова или в редакции Костомарова перепечатывалась как разинская много раз в разных сборниках, особенно в казачьих².

В настоящее время тексты из Костомаровского сочинения не могут играть решающей роли в фольклористике, в том числе и в исследованиях, посвященных разинским и удалым песням, так очевидна неточность его публикаций³. Да фольклорист и не станет обращаться к текстам, оказавшимся подходящим материалом для оживления полуйсследования — полуромана. Не так было в XIX в. и даже в начале советской эпохи, когда рукописное собрание Пасхаловой не вошло еще в научный обиход, а газетные публикации середины XIX в. были мало известны или просто недоступны. Песни из книги Костомарова внесли много путаницы в представления о разинском и примыкающем к нему фольклоре. Так, песня «Ах, туманы» с олитературенным началом и концом не только стала помещаться в многочисленных популярных сборниках, но вызвала много художественных обработок. Можно напомнить песню из волжской драмы Навроцкого «Стенька Разин»⁴. О широкой

¹ А. Н. Мордовцева и Н. И. Костомаров. Русские народные песни, собранные в Саратовской губернии. — «Летописи русской литературы и древностей», издаваемые Н. С. Тихонравовым. т. IV, 1862, стр. 77, № 32.

² Морской сборник, СПб., 1851, июнь; Сборник донских народных песен составил А. Савельев. СПб., 1866, стр. 85; Донские казачьи песни. Собрал и издал А. Пивоваров. Новочеркасск, 1885, № 40; Русские песни. Составил и комментировал Н. А. Усов. Горький, 1940, стр. 44, № 9; Народное творчество Дона. Ростов-на-Дону, 1952, № 31; Фольклор Дона и Кубани. Ростов-на-Дону, 1938, стр. 45, № 4; Русское народное поэтическое творчество Татарской АССР. Составила В. Павлова. Казань, 1958, № 25 и другие издания.

³ О. Б. Алексеева. Исторические песни в публикациях Н. И. Костомарова и А. Н. Мордовцевой. — «Русский фольклор», т. VI, стр. 329.

⁴ Н. А. Вроцкий. (Псевдоним А. А. Навроцкого). Есть на Волге утес, диким мохом оброс. — «Вестник Европы», 1870, № 12, стр. 574.

известности «волго-разбойничьего» фольклора среди революционной народнической молодежи говорит В. Г. Короленко. Свою трактовку конечных стихов песни дает Чернышевский в романе «Пролог», говоря об отсутствии в народных массах в 70-е годы XIX века той революционной, боевой настроенности, которая отражена в песне. Романтика обманывала. Общественные настроения народных масс складывались под напором жизненных обстоятельств, тяжелого бремени крепостничества. Песня «Ах, туманы» вместе с другими подобного же содержания получила жизнь в художественной литературе, в романтических представлениях о народе. Эта книжно-литературная жизнь разинско-удалого песенного фольклора не совпала с тем, как бытовал этот цикл в народе.

Исследование Костомарова о разинских и удалых песнях, его саратовские записи и публикации. Костомаров серьезно занимался изучением фольклора еще до приезда в Саратов. В 1843 году он защитил магистерскую диссертацию «Об историческом значении русской народной поэзии». В этой работе определились главные положительные и отрицательные стороны исследователя-фольклориста. Народную поэзию он признал одним из важных источников для ученого-историка. Но демократизм его в значительной мере обесценивался приписыванием народу в качестве главных черт его сознания — религиозности и монархизма. Работа начинается с анализа духовных стихов. В больших двух главах рассматриваются украинские и русские народные песни, в которых автор видит отражение якобы той же религиозности (особенно в песенной символике). Последние главы посвящены рассмотрению исторической жизни народа на материалах песенного творчества. Начинается этот раздел характеристикой отношения народа к царю и боярству. И здесь, вопреки фактам, он усматривает восторженное воспевание царя и искреннюю любовь народа к боярам-полководцам.

Нас привлекает в книге Костомарова разбор удалых песен. В удалестве он видит проявление русского характера, без чего «русский» не отличится от чужого¹. Все же он видит два типа удалества. О первом типе удалца он говорит: «С трудом узнаете — кто он: мужик ли, купец, или ремесленник, — но только он русский». Во втором типе он отличает тех, кто «образует такое сословие, которое не может быть терпимо в общест-

¹ Н. И. Костомаров. Об историческом значении русской народной поэзии. Харьков. 1843, стр. 200.

венной жизни: — шайку разбойников»¹. «Вот две черты развития удальства русского человека — пить и волочиться»². Анализируя исторические причины, породившие русское удальство, Костомаров называет и удельные распри князей в период феодальной раздробленности, и новгородскую вольницу с ее «республиканским правлением», и «склонность новгородцев к промышленности и колонизации», что он не различал с бродяжничеством; а в Московском государстве удальство возникло в результате утеснения воевод и приказных, или превратности семейных отношений. И только наряду с этими многими причинами он называет крепостное право³.

Как видно, Костомаров видел особенно сильное притеснение народных масс в далеком прошлом и меньше всего усматривал в побегах, бродяжничестве и разбойничестве попытки закрепощенных масс освободиться от помещичьего гнета. «Самое удалое дело у разбойников, — говорит Костомаров, — было похищение девиц»⁴.

В подтверждение своей мысли он приводит конец песни «Ах, туманы»: «Мы рукой махнем — девицу возьмем!» Так романтически интерпретирует он причины удальства и самую суть этого явления последней стадии феодализма.

Приводя цитаты многих удалых песен из сборника Сахарова, он очень вольно их толкует, совершенно не входя в тот смысл, какой вкладывает в них народ. Справедливо отмечая высокую поэтичность удалых песен, особенно таких, в которых герой готовится к ответу и впадает в тяжелое раздумье над свою судьбой, исследователь находит в них свидетельство «удивительной крепости духа, которая не смущается не только перед пытками, но даже перед голосом совести»⁵. А между тем эта «удивительная крепость духа» сказывается именно в том, что герой-удалец мучится совестью, хотя и не признает себя социально виновным; на пытки же он идет, не желая выдавать товарищей и принимая всю вину на себя. Костомаров не хочет разобраться в сложной душевной драме песенного удальца. Его удивляет, почему герой «считает себя как будто правым»⁶.

¹ Н. И. Костомаров. Об историческом значении русской народной поэзии. Харьков, 1843, стр. 200—201.

² Там же, стр. 209.

³ Там же, стр. 205—206.

⁴ Там же, стр. 207.

⁵ Там же, стр. 208.

⁶ Там же, стр. 209.

Все это, с точки зрения Костомарова, временное явление далекого прошлого: «Перешед чудовищную сферу разбойничества, русское удалство является в другой форме, более усмирительной: это общество казаков»¹. Экзотика и романтика далекого прошлого — вот что виделось Костомарову в содержании волжских удалых песен.

Работа Костомарова была положительно оценена в рецензии И. Срезневского, который подчеркнул ее значение как первого специального исследования о русской народной поэзии². Вместе с тем рецензент указал и на ряд существенных недостатков этой работы. Но суждения Костомарова об удалых песнях он признал лучшею частью исследования. В том же 1844 году в «Отечественных записках» появилась небольшая, уничтожающая рецензия Белинского на книгу Костомарова³. Белинский высмеивает автора исследования, обнаружившего романтизм в народной поэзии, и возмущается тем, как он «по-ученому классификует русскую удаль».

Возмущение Белинского понятно: книга Костомарова вышла почти вслед за замечательной статьей критика, посвященной народной поэзии⁴. Как известно, он особое внимание уделил в ней анализу удалых песен, признав их произведениями общественного содержания, подчеркнув, что в этих песнях неправильно было бы видеть изображение простого разбойничества. В удалых песнях Белинский видел ответ народа на порабощение, на «неправильно развившуюся общественность» и «порыв к воле от тесноты и духоты на простор и приволье души». В русском удалстве критик видел черту национального характера, но не постоянную и неизменную, а исторически и социально точно определяемую, т. е. сложившуюся в результате угнетения народных масс. Костомаров же в своей книге исключал социальный и протестующий смысл удалых песен. Собственные же его записи не согласуются с его взглядами.

Как уже было сказано, все почти тексты народных песен, помещенные в книге «Бунт Стеньки Разина», были книжного

¹ Н. И. Костомаров. Об историческом значении русской народной поэзии, стр. 209.

² И. Срезневский. «Об историческом значении русской народной поэзии. Сочинение Николая Костомарова». Харьков, 1843 — «Москвитянин», 1844, т. II, № 3, стр. 141—154.

³ В. Г. Белинский. «Об историческом значении русской народной поэзии Николая Костомарова». «Отечественные записки», 1844, т. XXXIII, № 3, отд. VI, стр. 11; то же — Белинский. Полн. собр. соч., т. VIII, изд. АН СССР, 1954, стр. 152—153.

⁴ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. V, стр. 438.

происхождения. Но Костомаров и сам записывал народные песни вместе с Пасхаловой тогда же, как он стал работать над своим сочинением о Разине¹. Собственные записи не давали такого обилия историко-песенного материала, какой понадобился историку-беллетристу. Главное же, удалые песни, записанные Костомаровым и Пасхаловой, были не совсем такого содержания, какого бы хотелось автору. Из собственно разинских в рукописи Пасхаловой была только песня о «Сынке» и уникальная, к тому же подозрительная в смысле подлинности текста, песня о споре сокола с конем, контаминированная с неизвестной песней о сыне Стеньки Разина, который кается сырой земле в страшных грехах-преступлениях², наконец, песня-плач о Разине волжских бурлаков³. Вариантов ее также неизвестно. Но нет сомнения в ее подлинности. Отдельные мотивы и фразеологические обороты этого текста типично песенные, фольклорные: просьба бурлаков к горе скрыть их на ночь в своей тени, сообщение есаула о гибели Разина, несколько общих мест, характерных для волжских удалых песен и т. д. Песня глубоко лирична, художественно совершенна и в противоположность предыдущей проникнута глубоким сочувствием волжских бурлаков к народному герою.

А из тихова, из мелкова из затону
Плывут, выплывают два стружечка.
Стружечек на стружечек набегает,
Есаулушка есаулушку окликает:
«Здорово ли, братцы, спали-ночевали?
У нас, братцы, на суденышке нездорово:
Коренного нашего атамана вживе нету,
Что нет вживе Степана свет Тимофеича.
Вы берите-ка, ребята, веслы в руки,
Вы гребите-ка веслами, не робейте,
Уж тайной своей силушки не жалейте.
Пригрянемте, ребятушки, к бережечку,
Прими ты нас, крута гора, ночевати,
Не год-то нам, бурлаченькам, у те годовати,

¹ Первый вариант сочинения «Стенька Разин и удалые молодцы XVII века» был напечатан в «Саратовских губернских ведомостях», 1853, № 14—18.

² Рукопись Пасхаловой, разряд XXXVI, папка № 57 и 58, № 90, 2, 88, 89. То же—«Саратовские губернские ведомости», 1854, № 15.

³ Там же, № 92.

Одну ночь, одну темную ночевати,
Дорогие нам товары просушити,
Крутой кашицы нам, бурлаченькам, наварити».

Все три песни построены как воспоминание о разинских делах, как позднейшие предания о нем, отражающие главным образом народное отношение к любимому герою. Все они совершенно лишены конкретного историзма и даже какой-либо установки на передачу исторически точных сведений о событиях крестьянской войны. В этом отношении пасхаловские записи полностью соответствуют разинским песням, известным по записям XIX в., в противоположность песням, опубликованным в XVIII в.

Четвертая из записанных Пасхаловой и Костомаровым песен отличается большим стремлением к передаче событий с документальной точностью. Повествование в ней переносится в разгар действий Разина в годы крестьянского возмущения. В ней говорится о том, как разинские стружки подъезжают к Астрахани. Воевода велит стрелять в них, но Разин предупреждает, что его ни пули, ни ядра не берут. Своеобразен конец пасхаловского варианта. Разин предает «Астраханская девка Машка»; его сажают в клетку, но неуязвимый герой окатывается водой и оказывается на Волге¹. Конец песни повторяет широко распространенные предания о Разине. Кроме пасхаловского текста, ни в одном из известных вариантов этой песни не встречается эпизода о чародейском избавлении². Обычно эта песня заканчивается или тем, что атаман хочет проникнуть в город неузнанным, но все же его узнают³, или заканчивается уверением Разина, что ни пули ни ядра его не возьмут⁴. Иногда упоминается и астраханская девка Маша,

¹ Рукопись Пасхаловой, разряд XXXVI, папка 58, № 91.

² М. Е. Соколов. Песни Пушкина и крестьян Саратовской губернии о Стеньке Разине. Саратов, 1906, №№ 6 и 8; Н. Пальчиков. Крестьянские песни с Николаевки Мензелинского уезда Уфимской губернии, М., 1896, № 11; «Живая старина», 1897, вып. 1, № 2; Смоленский этнографический сборник, изданный В. К. Добровольским, ч. IV, стр. 615; Киреевский, вып. 7, стр. 33. В. Ф. Трутовским был опубликован особый вариант, изображающий расправу Разина с астраханским воеводой. Этот текст отличается такою же уточненностью исторического содержания, как и другие разинские.

³ М. Е. Соколов. Песни Пушкина и крестьян Саратовской губернии о Стеньке Разине. Саратов, 1906.

⁴ Н. Пальчиков. Крестьянские песни с Николаевки Мензелинского уезда Уфимской губернии.—«Живая старина», вып. 1, 1897, № 2 и Смоленский этнографический сборник, изданный В. К. Добровольским, ч. IV, стр. 615.

единственно способная захватить его¹. Действительно ли конечный эпизод рукописного варианта, повторенного в книге «Бунт Стеньки Разина», принадлежит оригинальному народному тексту или он придан поэтами-собираателями — решить трудно.

До последнего времени текстам рукописного сборника Пасхаловой придавалось больше веры, чем публикациям Костомарова. До некоторой степени такое же соотношение можно отметить и анализируя тексты разинских и удалых песен. В рукописных текстах нет той нарочитой «историзации», которая характерна для песен, помещенных Костомаровым в сочинении «Бунт Стеньки Разина»². Самый состав разинских и удалых песен рукописного сборника отличается от тех, которые включены в историческое сочинение. В рукописном сборнике нет такого количества перепечаток, восходящих к сборнику Чулкова через публикации Сахарова. Но все же и в рукописном собрании скрытые перепечатки среди разинских и удалых песен встречаются. Достаточно указать на такие вещи, как «Не шуми, мати, зеленая дубровушка», как песня о похищении бурлаками девушки³. Все же большая часть удалых и разинских песен рукописного сборника вызывает большее доверие, чем публикации в сочинении «Бунт Стеньки Разина». Большею достоверностью отличаются и опубликованные Мордовцевой и Костомаровым удалые песни в «Летописях» Н. С. Тихонравова⁴. Содержание этих песен значительно отличается от того подбора, который дан в романе «Бунт Стеньки Разина». В «Летописях» Мордовцева—Пасхалова и Костомаров совсем не поместили разинских песен. А между тем, среди их собственных записей был замечательный плач о Разине и очень интересная песня о поимке и чудесном избавлении атамана. Если учесть, что удалые песни «Ах, туманы», «Дубровушка» и о похищении бурлаками девушки не были включены в состав сборника, как неоригинальные, непригодные для строго научного издания, то можно было бы допустить

¹ Варианты Н. Пальчикова, Смоленского сборника и «Живой старины».

² В рукописном сб. Пасхаловой нет такой нарочитой «историзации». В песне о «Сынке» упоминается «губернатор» и «офицеры», а не «воевода». В песне «Ах, туманы» герои—«атамановы работнички», а не «Стеньки Разина».

³ Рукопись Пасхаловой, разряд XXXVI, папка 58, №№ 87 и 84; Сахаров. Песни русского народа, ч. IV, стр. 164 и 175.

⁴ А. Н. Мордовцева и Н. И. Костомаров. Русские народные песни, стр. 59, 72, 74, 76, 76—77 и 77; №№ 11, 24, 26, 27, 29, 30, 31, 32.

такое же предположение и о разинских песнях. Однако мысль эта может быть высказана только как предположение.

Удалые песни в опубликованном сборнике Мордовцевой и Костомарова отличаются большею современностью содержания, т. е. большею связью его с антикрепостническими настроениями крестьянства предреформенного времени и меньшим романтизмом в характеристике героев и событий. Удальцы опубликованных в «Летописях» песен не исключительные герои, какими пытался их представить Костомаров в своей магистерской диссертации, а крепостные крестьяне, отказавшиеся мириться со своим рабским положением и вынужденные бежать от помещика. Совершенно отчетливо проводится эта мысль в песне «Я гулял-то, гулял, добрый молодец».

Я гулял-то, гулял, добрый молодец, гулял долго ночью,
Не один-то я гулял, я, добрый молодец — гулял с красной
девкой.

Красну девушку люблю, разудаленький, люблю по любви,
А худую-то жену, жену разнегодную, люблю по закону.
Как худая-то жена, жена разнегодная, вознесла худу славу.
Я худой-то славушки, разудаленький, славы я не боюсь,
А боюсь-то, боюсь, разудаленький, боюсь отца с матерью,
А еще-то я боюсь, боюсь, разудаленький, свою господина.
Я отца-то с матерью боюсь, разудаленький,—будут плакать,
Господина-то боюсь, разудаленький,—отдаст во солдаты.
Я разбил-то, разбил, разудаленький, разбил три обоза:
Как и первый-то обоз разбил, разудаленький,—с золотой
казной,

А другой-то обоз разбил, разудаленький, с мелкими
товарами,

А и третий-то обоз разбил, разудаленький, с белой рыбицей¹.

Разбойничество героя рисуется в этой песне не как бесшабашное удалство или исконная черта русского характера и пристрастие к таким порокам, как «пить и волочиться», а вынужденное и далекое от романтики занятие беглеца, задавленного семейным и общественным бесправием, как безвыходное положение обездоленного и не желающего мириться и покорствовать человека.

Такого же примерно характера трагедия рисуется в другой прекрасной песне, опубликованной в сборнике Мордовцевой

¹ А. Н. Мордовцева и Н. И. Костомаров. Русские народные песни, стр. 76—77, № 30; рукопись Пасхаловой, № 69; «Саратовские губернские ведомости», 1854, № 31.

вой и Костомарова, известной, в противоположность приведенной, во многих вариантах. Это песня о «Сироте». О распространенности ее в Поволжье в середине XIX в. свидетельствует опубликованная в том же сборнике песня «Я не к батюшке пишу и не к матушке», представляющая собою несколько нескладную контаминацию песни о «Сироте» с архаическим текстом об убийстве девушкой своего любовника¹.

Приводим песню о «Сироте».

— Сиротка, ты сироточка, сиротинушка горькая,
Сиротинушка ты горькая, горемычная!
Запой-ка ты, сиротка, с горя песенку.
«Хорошо вам, братцы, петь — вы пообедали,
А я, сирота, лег не ужинавши,
Лег не ужинавши, встал не завтракавши.
У меня ли, у сироты, нет ни хлеба, ни соли.
Нет ни хлеба, ни соли, нет ни кислых щей,
Одна корочка засушенка и та летошня».

— Ты скажи, скажи, сирота, кто тебя воспроизвел?
«Воспроизвела меня, сиротку, родна матушка,
Воспоила, вскормила меня Волга-матушка,
Воспитала меня легка лодочка ветлянешка,
Возледали меня няньки-мамки волны быстрые,
Возрастила чужа дальняя сторона Астраханская,
Я со этой со сторонюшки на разбой пошел».

— Ты скажи, скажи, сиротка, с кем разбой держал?
«Не один я разбой держал, с тремя товарищами:
Первый мой товарищ — ночь темная,
Другой мой товарищ — конь — добра лошадь,
Третий мой товарищ — стально ружье»².

«Ремесло» разбойника привлекает «сироту» не призраком «романтического обогащения, как в песне: «Ах, туманы».

Мы веслом махнем—корабль возьмем,
Кистенем махнем—караван собьем,
Мы рукой махнем—возьмем девицу.

Нет, безвыходное положение бездомного голодного человека толкает его на позорный и опасный путь. Вот почему «сирота» вызывает сочувствие народа и тех «братьев-товарищей», которым он поведал о своей судьбе.

¹ А. Н. Мордовцева и Н. И. Костомаров. Русские народные песни, стр. 59, № 10.

² Там же, стр. 70, № 29; то же — рукопись Пасхаловой, № 86; то же — «Саратовские губернские ведомости», 1854, № 29.

В соседстве с приведенными песнями, которые можно отнести не только к удалым, но в такой же мере и к антикрепостническим, получает новое звучание песня о «Соколе в клетке». В сочинении «Бунт Стеньки Разина» она выдавалась Костомаровым за песню, рассказывающую о брате Степана Разина—Фроле, осужденном на вечное тюремное заключение¹. В сборнике же Мордовцевой и Костомарова она так же, как и другие на тему о крепостной неволе, прозвучала очень современно, отражая подлинные настроения народных масс предреформенного времени. С исключительной эмоциональной выразительностью эта песня протестует против лишения свободы и всякого порабощения любого живого существа. Тем более невыносимо такое положение для природы сильной, способной к самостоятельной, активной деятельности².

Как бывало, мне, ясну соколу, да времечко:
Я летал, млад ясен сокол, по поднебесью,
Я бил-побивал гусей-лебедей,
Еще был-побивал мелку пташечку,
Как бывало мелкой пташечке пролету нет;
А нонеча мне, ясну соколу, время нет:
Сижу я, млад ясен сокол, во поимане,
Я во той ли во золотой во клеточке,
Во клеточке на жестяной нашесточке;
У сокола ножки сопутаны,
На ноженьках путечки шелковые,
Занавесочки на гладыньках жемчужные!
Я ходил-гулял, добрый молодец, да времечко,
Я ходил-гулял, добрый молодец, по синю морю,
Уж я бил-разбивал суда-корабли,
Я армянские, татарские, бусурманские,
Еще бил-разбивал легки лодочки;
Как бывало легким лодочкам проходу нет.
А нонеча мне, добру молодцу, время нет,
Сижу я, добрый молодец, во поимане,
Я во той ли во злодейке земляной тюрьме,
У добра молодца ноженьки сокованы,
На ноженьках оковушки немецкие,
На рученьках у молодца замки затюремные,
А на шеюшке у молодца рогатки железные.

¹ Н. И. Костомаров. Бунт Стеньки Разина, стр. 218—219.

² А. Н. Мордовцева и Н. И. Костомаров. Русские народные песни, стр. 77, № 31; то же, рукопись Пасхаловой; № 93; то же, «Саратовские губернские ведомости», 1854, № 29.

Эта великолепная песня отличается всеми особенностями традиционного-песенного фольклора. Психологический параллелизм помогает вскрыть трагедию заключенного в тюрьму героя, волевого и смелого, способного к подвигам силы и мужества. Лишение свободы для него такое же противоестественное состояние, как и для вольного сокола, заключенного в клетку. Песня полностью подтверждает трактовку Белинского, увидевшего в психологическом состоянии песенного удальца порыв к воле «из темноты и духоты на простор и приволье души». Ничего близкого к тому, как истолковывал удалые песни Костомаров, в содержании этого произведения мы не видим. Вместе с тем не романтическая настроенность, якобы жаждущих слияния со стихией разбушевавшейся Волги, как это показано в разбойниках Н. Языкова или в других литературных «волжских песнях» 30—40 годов, а тяжелый разлад удальцов и с обществом и со своею совестью рисуют песни дореформенного времени. История удалых песен, бытовавших в народе, не похожа на то, как трактовалось содержание этого цикла литературными стилизациями.

В фольклоре получала отражение прежде всего та сторона исторической действительности, в которой главным участником был сам народ. Вот почему тема Разина и крестьянской войны оставалась в песенном репертуаре крестьянства и продолжала отвечать народным чаяниям не документальной точностью повествования о прошлом, а непосредственную связь с настоящим положением народных масс. Песни о Степане Разине претерпели в XIX веке значительные изменения. Записанные в это время новые вещи, как и новые варианты старых песен, известных по записям XVIII века, лишены прежней достоверности в изображении событий и действующих лиц. В Саратовском Поволжье получили распространение песни о «Сынке Стеньки Разина», бросающем вызов астраханским властям. Образ самого Разина разносторонне раскрывается в его легендарно-фольклорной, а не исторической сущности. Наиболее значимыми в песнях этого цикла становятся идеи борьбы и протеста в самом общем смысле.

Сборник, напечатанный в «Летописях» Тихонравова, отразил соотношение тематических циклов в песенном репертуаре Поволжья. В общественно-политической проблематике песенного содержания главное место, естественно, уделялось явлениям, характерным для жизни крестьянства, явлениям не только внешне событийным, но внутренним психологическим,

отраженным в удалых песнях. Однако народ не оставался безучастным к политической жизни далекого от Поволжья центра страны.

Полного представления о песенном репертуаре Саратовского Поволжья публикации первой половины XIX века не дают. Но собранные позже тексты свидетельствуют о том, что круг песен общественной борьбы и протеста был очень широк. В Низовое Поволжье доходили и сатирические песни об Аракчееве, и песни о восстании Семеновского полка, и песни о декабристах. Песни об Аракчееве, по-видимому, приносили из армии отслужившиеся или вернувшиеся домой по инвалидности солдаты. Тем же путем могли попасть и песни о декабристах. Редкая же и не совсем ясная по содержанию песня о восстании семеновцев могла попасть в деревню через барскую усадьбу, которая обычно быстро от приезжавших из столицы лиц получала сведения о политических событиях, происходивших в центре.

Песня о восстании семеновцев, бытовавшая в Саратовском Поволжье, приведена в рукописном сборнике А. Н. Пасхаловой. Сюжет ее остался почти за пределами научного внимания исследователей. Впервые она была проанализирована Л. Домановским¹.

Восставшие гвардейцы жалуются на жестокую расправу какой подвергся возмущившийся несправедливостями начальства полк. Они обращаются к памяти царствования Екатерины второй, якобы лучшим временам жизни армии.

Начальнички у нас новые,
Все новые бестолковые:
Разбили наш полк по всей армии,
По всей армии—опричь гвардии,
По тем полкам по армейским,
Оставших нас послали на линию².

Не все в этом фольклоре было одинаково понятно крестьянским массам. Большею ясностью отличается содержание песен об Аракчееве, что способствовало их исключительной популярности. Ужасы аракчеевского военного деспотизма: палочного режима, «зеленой улицы», холода и голода—были

¹ Л. В. Домановский. Песни о восстании Семеновского полка. Очерки по истории русского народного поэтического творчества, т. II, кн. I. Изд. АН СССР, М.-Л., 1955, стр. 298.

² Рукопись Пасхаловой, разряд XXXVI, папка 58, № 21.

широко известны по всей стране. Песни «О грузинском пала-че» и «Бежит речка по песку», особенно вторая, сохраняется в репертуаре старшего поколения до настоящего времени¹.

До последнего времени встречается и такая редкая песня, как о восстании декабристов. Содержание ее менее доступно было крестьянству. События, в ней описанные, вызывают удивление исполнителей; они показаны как что-то противоестественное, противозаконное. Симпатии остаются на протяжении всего повествования на стороне царя. Невозможно согласиться с исследователем этой своеобразной и по-своему правдивой вещи, который доказывает, что это произведение «в значительной мере отошло от традиционных представлений о царе, признало закономерной борьбу с ним, выразило сочувствие к деятельности революционеров»². Текст песни опровергает это положение.

С англичанкой царь кумился,
Россеюшку хотел (взять) сдать.
В непоказанное время
Царя требует Синод.
Царь недолго собирался
На почтовых лошадях,
Своему брату Александру
Скору весточку послал:
«Ой ты, братец, ты мой свет,
Поезжай ты за мной вслед,
Придадут мне скорою смерть».
Князь недолго собирался
На почтовых лошадях.
Подъезжает он к Синоду,
Часовым он честь отдал.
И спросил: «Не прошел ли белый царь?»
Часовые друг на дружку
Переглянулись и сказали:
«Царь не прошел».
Один солдатик чернобровый,
Черным глазом он повел

¹ Фольклор Саратовской области. Составила Т. М. Акимова, под ред. А. П. Скафтымова. Саратов, 1946, № 19.

² Л. Домановский, Освободительное движение первой четверти XIX в. в народном творчестве. Автореферат кандидатской диссертации. Л., 1954, стр. 4.

И сказал: «Тут царь прошел!»
Входит он в Синод:
На коленях царь стоит¹.

Вариант, записанный в наши дни, отличается большей стройностью и выдержанностью ритма. Разговор царского брата (имена в песне спутаны) с часовыми более выразителен своею нарочитою зашифрованностью. Приведем конец песни:

Ко Синоду подъезжает,
Часовым он честь воздал:
— Ой, скажите, часовые,
Не проходил тут офицер?
Друг на друга посмотрели
И сказали: «Никак нет».
А как один драгун бравый
Черным глазиком повел!
— Офицерик здесь прошел².

В отличие от произведений, рассказывающих об истории народных масс, песня о декабристах не обладает ясностью и твердостью авторских позиций. Народу далеки и непонятны действия заговорщиков, изображенные в песне. Вопреки приказу, отданному часовым (о чем можно догадаться по их поведению), они робеют и не сразу решаются сообщить о том, где находится царь: «Друг на друга посмотрели и сказали: «Никак нет». Активным лицом, наделенным авторской симпатией, оказывается «драгун бравый», который сохраняет верность царю: он «черным глазиком повел». Крестьяне—исполнители песни как бы отказывались судить о политических событиях, переданных в песне, но выражали скорее преданность царю, чем восставшим «сенаторам»³. Начальная формулировка «Царя требуют в Синод» (несомненно, Сенат) поражает народное воображение своею невероятностью. Исключительность секретного события подчеркивается тем, что совершается оно «в

¹ Архив Саратовского обл. музея краеведения. Запись А. Ф. Земсковой из с. Б. Сестренки Балашовского уезда Саратовской губернии 1919 года.

² Фольклорный архив филологического факультета Саратовского университета. В дальнейшем: Фольклорный архив. Запись 1958 г. от Масловой А. З. 78 лет из с. Симоновки Свердловского района. Запись В. К. Архангельской.

³ Н. Е. Ончуков в работе «Песни и легенды о декабристах» правильно трактует содержание этой песни. См. «Звенья», кн. 5, 1935.

непоказанное время», что царь «недолго собирался на почтовых лошадях». Все это не согласуется с представлением народа о царе. Совсем другое видим мы в песнях о Разине и об удалцах, действия которых против крепостнических порядков были народу ясны и вызвали полное сочувствие.

ПЕСНИ О КРЕПОСТНИЧЕСТВЕ

Саратовские антикрепостнические песни. В последние годы крепостничества, когда возмущение народа прорывалось вспышками то в одном, то в другом районе, все нарастая, чувства недовольства и протеста отражались в народных песнях все более открыто и откровенно. Складывался новый цикл песен, выражавших боевые революционные настроения крестьян. Тема воли получала в этих песнях уточненное общественно-историческое содержание. Саратовское Поволжье, в силу особенно жестоких форм эксплуатации барщинных крестьян, сохранило большое количество произведений, рисующих достигший предела классовый антагонизм. Ноты возмущения несправедливостью, жалобы и угрозы проникали в традиционные известные песни, существенно меняя их содержание. Создавались и новые произведения, обличавшие крепостнический строй. Слагался новый песенный цикл.

В песнях о крепостничестве выделяются три группы произведений: 1) старые тексты, дополненные мотивами критического характера, 2) новые сатирические и обличительные песни, рисующие горестное положение барщинных крестьян и дворовых, 3) памфлеты полуфольклорного—полулитературного происхождения, создававшиеся, можно думать, самодеятельными поэтами из крестьян. Произведения всех трех видов были давно известны в народе, записывались же они редко в силу бытовой цензуры, а также и потому, что собиратели искали прежде всего старину и к произведениям, не всегда достаточно художественным, раскрывавшим пороки современного положения, относились пренебрежительно. Большинство вещей антикрепостнического цикла было записано после реформы. Нередко они всплывают в памяти певцов и в наши дни.

В советское время было записано несколько переосмысленных текстов старой весенней хороводной песни о воле. В традиционной песне выражалось требование свободы девушкам, пока они еще не вышли замуж и не попали в вечную кабалу в патриархальной семье. Эта песня стала дополняться стихами, вносящими более глубокий и широкий смысл в понятие воли.

Нынче воля миновалася,
С черной грязью перемешалася,
С черной грязью, с придорожною,
Со дорожною, со колесною...¹

В другом варианте говорится, что воля ушла от кабалы в волжское низовье—знаменитый приют всех беглых, казаков и бурлаков, где еще мог человек, пренебрегши законом, добиться личной свободы. Содержание песни сомкнулось с лирикой удальцов.

...Ушла волюшка наша да вниз по Волге,
Ох, да по широкой реке долгой...²

Других средств борьбы за политические права, кроме стихийной мести и побегов от помещика, народ себе не представлял. Герои удалых песен привлекали симпатии народа, понизовая вольница манила не романтикой, а подлинными действиями против крепостников и представлялась единственным пристанищем самостоятельности и воли.

В некоторых песнях звучали жалобы на трудности барской работы. Та же весенняя песня в одном варианте, записанном в советское время, дополнена такими стихами:

Прошла наша весна красная
Не в чести, не в радости,
Во девичьей во красе.
Подходит к нам лето теплое,
Погонят нас во чисто поле
Осот полоть, белы руки колоть³.

Чаще всего стихи социально-протестующего характера включались в песни рекрутские, солдатские, бурлацкие и другие, отличающиеся более широкой общественной тематикой,

¹ А. Н. Мордовцева и Н. И. Костомаров. Русские народные песни, стр. 101, № 20.

² Фольклор Саратовской области, № 74.

³ Фольклорный архив Саратовского университета. Запись В. К. Архангельской, 1956 г., в с. Вязьмино.

чем песни женские. Так, в Саратовском Поволжье было записано несколько вариантов старой рекрутской песни, дополненной сатирическими стихами.

Расхороша наша барыня,
Что Арина-то Ивановна!
Разорила село теплое Пилюгино,
Раздала крестьян в солдатушки,
Во молоденьки рекрутики.
Охотнички наперед идут,
Невольнички позадь тянутся,
Охотнички песню взгаркнули,
Невольнички слезно всплакнули,
Свою сторону вспомянули:
Сторона-ль моя, сторонушка,
Гулливая наша, прохладливая¹.

Обычно эта песня об «охотничках» и «невольничках» начинается с изображения «наторенной солдатиками» бесконечной дороги, по которой идут закованные в кандалы новобранцы. Картина наводила на самые горестные размышления. Традиционный зачин с его показом душевного состояния рекрутов в самом обобщенном плане сменился сообщением о конкретных фактах крепостнических отношений. Помещица Пилюгина сверх полагавшихся ей многих молодых ребят «забрила в солдаты», получив за них вознаграждение деньгами и тем разорила село. Песня с горькой иронией говорит о бесправии и несправедливости.

Другой вариант той же рекрутской песни переделан настолько, что от нее сохранился только зачин.

Мимо лесуку, мимо темного,
Мимо садику зеленого
Пролегла-то легла здесь дороженька;
Шириной-то она не широкая,
Долиной-то конца краю нет.
Да никто-то, никто по ней не прохаживал,
Только шли—прошли молодые ребятушки,
Они гурьевы крестьянушки.
Идучи-то они становилися,
Во единый круг они сходилися,
Во едину думу думали:

¹ Фольклор Саратовской области, № 39. Запись А. Н. Лозановой, 1925 г.

«Село-ты село Катериновка,
Отчего ты, село, разорилось?»
—Оттого село, от барщины,
От больших господ, начальников,
От Гурьева приказчика.
Как отбили земли добрые,
Земли добрые, хлебободные¹.

В песнях о крепостничестве заметно стремление отойти от норм устоявшейся поэтики фольклора с ее символической образностью, с ее специфическим способом обобщенного изображения героев и событий, с ее эмоциональностью и вниманием главным образом к изображению психологического состояния постоянного и обязательного для определенного социального положения человека. В песнях о крепостничестве, наоборот, народ стремится запечатлеть конкретные факты столкновений с помещиками, указать место действия и точные имена социальных врагов. В них видна как бы нарочитая «прозаизация» картин действительности, что не могло вызвать интереса у собирателей романтического толка. В сочинении «Бунт Стеньки Разина» Костомаров таких вещей не помещал.

В песнях о крепостничестве сформировались свои общие места («loci communes»), постоянные песенные формулировки, отражающие главные проблемы эпохи, главные темы, раскрываемые этим кругом произведений: бесперспективность дальнейшего существования обнищавшей деревни и отчаяние людей, лишенных всяких человеческих прав.

Пропали наши головы
За боярами голыми,
За бурмистрами разбойниками,
За приказчиками мошенниками².

В таких словах выражен крик отчаяния несправедливо забриваемых рекрутов, измученных барщинных крестьян и дворовых³. В песнях Саратовского Поволжья общим местом стал мотив жалобы и возмущения помещиком, разорившим село чрезмерными поборами. «Разорил нашу сторону злодей

¹ Фольклорный архив. Запись В. К. Архангельской, 1957 г., в с. Бязмино Петровского района от П. М. Мироновой 70 лет.

² Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия, вып. 2, ч. 2, М. 1929, № 2329.

³ Русская баллада. — 1936, стр. 402. Библиотека поэта. Большая серия. П. В. Шейн. Великорусс. СПб., 1898, № 853.

барин господин», или «Отчего ты село разорилось? Оттого село, от барщины, от больших господ...» или «Расхороша наша барыня... Разорила село теплое Пилюгино» и т. д. В полном соответствии с общим стилем песен о крепостничестве это общее место точно выражает главную мысль произведений, не облекая ее в живописно-образные формы, наоборот, придавая ей буднично-прозаический деловой вид. Не устремленность к идеалу, к свободе, а возмущение реальным положением, неволей выражают песни о крепостничестве. Народ стремится быть документально точным в своих обвинениях.

Отступая от старых традиций, все же народ нередко к ним обращается, используя их в новых вещах. Особенно частыми оказались случаи обращения к поэтическим традициям песен удалых, которые понимались, как своеобразный голос социального протеста. Замечательные по силе выраженного в них чувства народного гнева произведения были записаны Д. Л. Мордовцевым в 50-е годы XIX века.

Архивные разыскания Д. Л. Мордовцева о выступлениях саратовских крестьян против крепостного гнета. Д. Л. Мордовцев приехал в Саратов в 1854 году после окончания историко-филологического факультета Петербургского университета со степенью кандидата. Он сразу включился в саратовский кружок, близко сойдясь с Н. И. Костомаровым и А. Н. Пасхаловой, на которой женился. Мордовцев нашел в кружке людей, близких ему по демократическим взглядам. По-видимому, он оказался под некоторым влиянием Костомарова. Но, по собственному признанию, он был «многим обязан» своей дружбе с А. Н. Пыпиным, с которым учился в Саратовской гимназии. Пыпин способствовал сближению Мордовцева с Чернышевским, о котором он всегда отзывался восторженно¹. В саратовском кружке сформировались научно-публицистические интересы Мордовцева.

С 1856 года он начинает работать в Саратовском губернском правлении и одновременно становится редактором неофициальной части местной газеты. По делам службы ему часто приходится выезжать в районы для собирания разнообразных сведений о жизни и быте населения. В «Саратовских губернских ведомостях» появляются многочисленные публи-

¹ П. Юдин. Мордовцевы в Саратове.—«Исторический вестник», 1907, III, А. Н. Пыпин. Мои заметки. СПб., 1910; Н. И. Костомаров. Автобиография. М., 1922; Г. Ф. Самосюк. Д. Л. Мордовцев.—В кн.: Русские писатели в Саратовском Поволжье. Саратов, 1964, стр. 75.

кации Мордовцева: очерки, статьи, фельетоны и сочинения беллетристического характера на темы статистические, этнографические, исторические и бытовые¹. Печатался Мордовцев и в центральной прессе.

В истории края Мордовцева привлекали главным образом события, вызванные подъемом политической активности народных масс: выступления крестьян, мстивших помещикам, крестьянские войны и восстания. Общественное внимание привлекали такие его публикации, как «Заметаев», «Атаман Брагин», «Понизовая вольница», «Самозванец Богомолов»² и другие, рассказывавшие о бурных событиях народной жизни низового Поволжья. («Медведицкий бурлак», «О разбойниках в Саратовской губернии прошлого столетия» и др.). Некоторые из очерков выросли позже в самостоятельные издания. В 60-х годах Мордовцев начинает печатать свои очерки о русском земстве и статьи о народных движениях в «Отечественных записках», в журнале «Дело» и других прогрессивных органах; вызывая яростные нападки реакционной печати.

Особый интерес для фольклористов представляют записи подлинных рассказов, песен и преданий в публикациях Мордовцева. Большой материал, отражающий настроения саратовских крестьян накануне реформы, составил целую книгу «Накануне воли», подготовленную Мордовцевым к печати, но так и не увидевшую света. Об истории этой книги подробно рассказывает А. Н. Пыпин в «Моих заметках».

«В пятидесятых годах был поднят в Саратове вопрос об очистке местных архивов, другими словами, о массовом уничтожении старых «ненужных» дел. Д. Л. ...питал исторические интересы, особенно интерес к народно-бытовой истории, знал цену архивных документов и сумел спасти большую долю «ненужных» дел от уничтожения. Он извлек из них обширный материал, из которого и составила упомянутая книга. Архивные бумаги губернского правления именно заключали в себе целый ряд дел о крестьянских бунтах (прежде всего про-

¹ Мордовцев в «Саратовских губернских ведомостях» в 1856 — 1857 гг. опубликовал очерки: Опыт собирания материалов для нравственной статистики; Статистические сведения о посаде Дубовка; Город Балашов; Данные для статистического описания Камышинского уезда; Очерки заводского и фабричного производства в г. Кузнецке и его уезде и др.

В 1858 — 1859 годах в той же неофициальной части «Саратовских губернских ведомостей» печатались очерки Мордовцева о Сарепте, о Камышине, о Петровске, об истории Саратова и др.

² Эти очерки Мордовцева печатались в газетах «Русский дневник», «Русская газета» и др.

стных мирных жалобах крестьян к высшему начальству на невыносимые жестокости многих помещиков, жалобах, которым помещики и однородные с ними чиновники давали квалификацию бунтов). К сожалению, книга Мордовцева не увидела света: по решению особого совещания министров она была уничтожена. Но это был исторический материал величайшего интереса, материал в своем роде единственный в нашей литературе. Этот материал доставлял одно из поражающих и наглядных доказательств необходимости освобождения крестьян, одно из простых и разительных объяснений того нравственного возбуждения, на каких опиралась, особенно в молодых поколениях, лихорадочная жажда преобразования. Книга Д. Л. не имела никакого публицистического намерения: это простой сборник дел, производившихся в губернском правлении и доходивших иногда до третьего отделения Собственной канцелярии и до высочайшей власти.

Сборник чисто документальный, иногда даже сухой, но по существу дела это одна из самых страшных книг, какие являлись в нашей литературе»¹

Книга Мордовцева «Накануне воли» не получила известности. Но многие материалы из нее были опубликованы в очерках и рассказах и сконцентрированы в позднейшей работе: «Страдные страницы из прошлого на Руси»². В ней приводятся разнообразные случаи жестокого обращения помещиков с крестьянами, истязаний и принуждений к непосильным работам, которые вызывали озлобленность народа, готовность мстить и любыми путями вырваться из страшной неволи. Одной из самых постоянных форм протеста, достигших накануне реформы невероятных размеров, было бегство от помещиков. Убегая от своего господина, крестьянин подвергал себя всевозможным опасностям, жил впроголодь, опасался быть пойманным каждую минуту и вновь быть отосланным к помещику, да еще и жестоко наказанным. Казалось, только совершенно нетерпимое положение могло заставить решиться на побег. И все же побег не прекращались, а, наоборот, усиливались вплоть до самой реформы. Разорявшиеся помещичьи хозяйства приходили в еще больший упадок. Правительство принимало самые решительные меры для ловли беглых, для предупреждения побегов и водворения пойманных беглецов

¹ А. Н. Пыпин. Мои заметки. — «Вестник Европы», 1905, февраль, стр. 475.

² Д. Л. Мордовцев. Полн. собр. соч., т. XLV, СПб., 1910.

помещику. В 30-е годы XIX в. в Саратовском Поволжье был устроен специальный кордон для задержания беспаспортных людей, пробиравшихся в низовье. «Саратовские губернские ведомости» в каждом номере помещали сведения о задержанных полицией подозрительных людях, перечисляя при этом детально все внешние приметы и возраст каждого. Но остановить стихийное движение было так же невозможно, как мечту о воле и борьбу за нее.

В сборнике Мордовцевой и Костомарова было напечатано немало популярных в ту пору песен о беглых, о скитаниях по степным южным окраинам, о смерти на чужбине¹. Вот одна из них. Затерявшийся в далеких степях одинокий бродяга видит страшный сон:

Будто я лежу, разудаленький, на дикой степе,
Мне постелюшка, доброму молодцу, ковыль травка постелена,
Изголовьице мне, разудалому, бел горяч камень лежит,
Одеяльце мне, добру молодцу, темна ночка надо мной.
Мои белы ноженьки лежат вдоль дороженьки.
Мои белы рудушки врозь разложены,
Кудри мои русые буйным ветром разнесло,
Очи мои ясные желтым песком засыпаны,
Тело мое белое черны вороны клюют,
Сквозь моих частых ребер трава-мурава растет,
Ретивое мое сердечушко змея лютая сосет²

Герой другой песни, беглый рекрут, ищет приюта на Волге:

Изшел Волгу-матушку из конца в конец,
Не нашел нигде отца с матерью,
Отца с матерью, молодой жены.
Лишь нашел я одну степь широкую³.

В традиционных песнях о беглых постоянны обращения к степной траве с просьбой пустить их ночевать и скрыть от погони. И всегда в таких песнях слышны жалобы, желание вызвать сочувствие к своему бедственному положению.

Иначе звучат песенные памфлеты, обнаруженные Мордовцевым в бумагах архива губернского правления. В этих про-

¹ А. Н. Мордовцева и Н. И. Костомаров. Русские народные песни, стр. 68, 77, 83, 89.

² Там же, стр. 77—78; то же, «Саратовские губернские ведомости», 1854, № 30; то же, рукописный сб. Пасхаловой, разряд XXXVI, папка 58, № 81.

³ А. Н. Мордовцева и Н. И. Костомаров, стр. 89.

изведениях выражена готовность к борьбе. Герои не признают себя ни в чем виновными, убегая от помещика. Наоборот, они требуют ответа от них самих за все унижения и обиды. Можно думать, что песенные памфлеты сочинялись письмено, а не устно.

Дворовым пензенского помещика Дурова, Никитой Удаловым, бежавшим от барина в 1841 году и действовавшим в Саратовской губернии, в «Люзанском лесу», т. е. около татарского с. Елюзани, где он скрывался со своим отрядом, была сочинена песня, типичная для этого жанра.

Сим письмом, пущенным в Люзанском лесу,
Я моему барину повинную несу.
И всенижайше тебя уведомляю,
Что я доселе твоих милостей не забываю
И вскорости сам у тебя в гостях побываю.
Извини, что чернила у меня в лесу нету,
Чтобы оным написать тебе грамотку эту,
Только я из превеликой к тебе любви
Не пожалел своей горяченькой крови,
Кою ты из меня не всю высосал
И жилы из меня не все вытянул,
Что я тебе и на деле докажу,
Когда тебя на острый нож посажу,
А дом твой по ветру пушу.
Как ты меня без ничего оставил,
Когда под красную шапку поставил.
Остаюсь твой повар Никита,
В солдаты забранный,
И хоть льком шитый,
Да вышел из меня купец именитый.
Месяца и числа, живши в лесу с волками, не знаю,
Год же сей последним в твоей жизни называю¹.

По сообщению Мордовцева, опубликовавшего этот документ, письмо было подшито к делу о Никите Удалом. Оно написано не чернилами, а каким-то составом, который сочинитель письма называет своей кровью.

Повар Никита — автор этого письма — тип настоящего удальца-мстителя своему угнетателю-помещику. Рассердивши чем-то барина (по письму неизвестно, чем именно), он чуть было не попал в солдаты, но бежал и скрылся в лесу. Озлобленный и ожесточенный, он собирается мстить.

¹ Д. Л. Мордовцев. Полн. собр. соч., т. XLV, стр. 165.

В делах канцелярии Саратовского губернатора Люзанский лес упоминается часто как место становищ и укрытия беглых, которые в официальных документах именовались всегда разбойниками. В 1833 году в этом лесу скрывался отряд беглых крестьян, взволновавший всех окружающих помещиков. «Ходили слухи, — пишет Мордовцев, — что шайкой заправляют беглые из Сибири и из военной службы помещичьи крестьяне. Ожидалось мщение помещикам, которым некогда принадлежали разбойники»¹. Местные власти разработали сложную инструкцию для поимки этого отряда. Предлагалось устроить кордонную цепь в районе сел Погорелого, Чирчима и Верхней и Средней Елюзани. Целый месяц стояла сторожевая линия, состоявшая из пикетов. В каждом пикете был вооруженный солдат и четверо обывателей, которые должны были иметь при себе какое-нибудь оружие: «пики, рогатины, дубинки и прочее». Но выловить шайку было трудно потому, что в каждом селе у беглых были доброжелатели или родственники. А в пикеты наряжались те же крестьяне, которые не могли не сочувствовать несчастным.

Никита Удалой набрал такую шайку в начале 40-х годов и действовал в Кузнецком уезде, на границе с Пензенской губернией, скрываясь в том же Елюзанском лесу. Крестьяне часто видели беглых «разбойников» на хороших лошадях. Рассказывали, что они отнимали у проезжих провизию. В лесу у них был стан из плетеной мазанки с лещью. Атаман Никита Удалой хотел отомстить погубившему его помещику. Свою угрозу он изложил в «Письме», которое и было найдено Мордовцевым в архиве².

Перед нами типичная картина стихийного протеста, единичного выступления, каких было очень много перед реформой. Письмо удалого Никиты — это голос проснувшейся личности, заявивший о своих правах, потребовавший справедливости. Острое чувство личности сближает беглого Никиту с героями удалых песен. В «Письме» нет особой широты проблематики, речь идет о судьбе одного человека, но судьба эта типичная для всех крепостных.

Для нас представляет особый интерес то своеобразие в образе героя, в содержании письма и его стиле, какое ставит это произведение как бы между удалой лирикой и антикрепостническими песнями. Герой его — тот же удалец. Он такой

¹ Д. Л. Мордовцев. Полн. собр. соч., т. XLV, стр. 280.

² Там же, стр. 280—285.

же беглый человек, порвавший со своей средой. Он так же вынужден скитаться и промышлять на большой дороге. Существование его так же тяжело и полно опасности. Но у него нет сомнений в правоте своих действий. Он не готовится к ответу, а сам призывает к расплате своего мучителя, обещая ему всадить острый нож, а дом его пустить по ветру. И в этом отношении его действия прямо противоположны действиям героев таких удачных песен, как «Сирота», «Дубровушка» и др. Различие чрезвычайно знаменательно. Удачные песни сложились в такое время, когда еще не было и не могло быть мысли о возможности изменения положения народа. «Письмо» Никиты, наоборот, написано тогда, когда назревшие изменения чувствовались всеми, когда единичные выступления против крепостного строя становились массовыми и непрерывными, и каждый из крестьян сознавал, что морально его поддерживают все остальные. Идеал воли был уже не напрасной мечтой, а близкой возможностью.

Но при существенном различии все же в «Письме» удалого Никиты много общего с удачными песнями. Идеал вольной жизни в нем так же представляется, как жизнь вдали от центра и от властей на Нижней Волге. Так же нередко в удачных песнях герои ищут спасения от господской кабалы в саратовской степи.

«Письмо» Никиты ближе стоит к антикрепостническим песням. В нем конкретно показана крепостническая действительность, взаимоотношения крестьян с помещиками. И так же его содержание посвящено критическому осмыслению жизни. «Письмо» отличается от этих последних только большей эмоциональной силой и решительностью действовать, в то время как в большинстве песен барщинных крестьян слышатся только жалоба и отчаяние.

«Письмо» — чисто литературное, письменное произведение, вышедшее из-под пера грамотного дворового, привычного к канцелярскому стилю. Показательны в его тексте такие обороты, как «всенижайше тебя уведомяю», «оним», «сим» и некоторые другие. Знакомство с книжным языком сказывается в правильном употреблении деепричастия «живши с волками» и т. д.

Вместе с тем в стиле «Письма» широко представлена живая разговорная народная речь с ее специфическими словами и оборотами, пословицами и поговорками. Напомним некоторые из них: «милостей твоих не забываю», «под красную шапку поставил», «лыком шитый», «купец именитый», «по ветру

пушу», «жилы вытянул», «в солдаты забритый» и т. д. Эта струя разговорного народного языка перебивает канцелярско-писарскую речь, являясь доминирующей стилевой его особенностью. Стиль произведения очень близок к юмористическим и сатирическим вещам раешника. Стих в нем построен по принципу раешного стиха с неравносложными строчками и конечной фонетической рифмой.

Сочетание фольклорных и литературных элементов, близость «Письма», с одной стороны, к традиционным удалым, а с другой — более новым антикрепостническим песням свидетельствует о том, что это произведение создано в последний этап крепостничества. Автор широко пользуется иронией и сарказмом, характерным приемом удалых сатирико-юмористических песен. Он называет себя иносказательно «именитым купцом», а не беглецом и разбойником. Напоминая барину о притеснениях и жестокостях, он называет их его «милостями». «Письмо» сближается с сатирико-юмористическими песнями типа «Усов», «Рыболовничков» и обличительной стороной содержания. Но сравнительно с этими песнями произведение Никиты значительно глубже, идейно осознанней и острее. В песне об «Усах» больше юмора, чем сатиры, действие героев там осознается прежде всего как удайство и в гораздо меньшей степени как месть. Никита же руководствуется только одним стремлением — наказать жестокого барина, защитив тем самым свое человеческое достоинство. Сравнительно с песней об «Усах» это произведение отражает гораздо более высокий уровень общественного сознания автора.

Беглые понимали, что крепостничество приходит к упадку, и возбуждали крестьян к активным действиям. Атаман одного из таких отрядов Григорий Аввакумов, нападавший на помещичьи усадьбы в начале 40-х годов XIX в., говорил «Дураки вы, мужики, гнете спины перед барями напрасно; если бы все господские крестьяне обзавелись ружьями да сели бы на лошадей, то и господ бы в заводе не было». Сам же он хвастался своей свободой и удалью¹.

Действия всех таких удалцов были воодушевлены исключительно жаждой мести и жаждой вырваться на волю. В 40-е годы около Саратова беглые дворовые люди устраивали «охоту» на помещичьи усадьбы. Эта охота была вызвана тем, что помещики совершенно недостаточно отпускали дворовым людям «месячины», т. е. месячные нормы продуктов. И вот бег-

¹ Д. Л. Мордовцев. Полн. собр. соч., т. XLV, стр. 284.

лые дворовые устраивали «охоту за месячиною» или, как они называли, «крестины месяца», так как свои экспедиции они производили в темные ночи перед новолунием. И таких голодных людей, добывавших силой себе пропитание у помещиков, на которых они работали, тоже называли разбойниками и также ловили и жестоко наказывали¹.

Стихотворные послания и песни создавались повсеместно. Содержание их более или менее однородно, различаются описания принудительных мер, применявшихся помещиками. Некоторые из сохранившихся произведений были сочинены еще в XVIII веке. У саратовских крестьян таких рукописных вещей, несомненно, было известно значительно больше, чем их обнаружено Мордовцевым. Широкой распространенности стихотворных сатир препятствовала политическая и бытовая цензура. К тому же, сочинялись они по поводу определенных случаев и так же могли постепенно забываться, как вытеснялись из памяти новыми заботами изображенные в этих произведениях события. Некоторые из них, записанные в свое время, застревали надолго в частных и областных архивах и только значительно позже обнаруживались исследователями. Так, в бумагах саратовской ученой Архивной комиссии в начале XX века была найдена «Жалоба экономических крестьян на земский суд», относящаяся, по-видимому, к XVIII веку². Авторы этого «жалобного письма», обращенного к «небесному царю», просят у него защиты от притеснений, творимых судебскими чиновниками в деревнях экономических крестьян. Стиль этого произведения, стоящего на грани литературы и фольклора, отличается теми же чертами конкретных характеристик и описаний, натурализмом бытовых деталей, как и стиль всех других антикрепостнических песен и памфлетов.

Жалоба саратовских крестьян на земский суд

Всепресветлейший и милостивый творец,
Создатель небесных и словесных овец!
Просят слезно нижайшие твари,
Экономические крестьяне.
А о чем, тому следуют пункты:

¹ Д. Л. Мордовцев. Полн. собр. соч., т. XLV, стр. 285.

² П. Юдин. Жалоба экономических крестьян на земский суд. — «Русский архив», 1908, № 9, стр. 215—217.

2-е

...Теперь же известно всему свету,
 Что от исправника и секретарей житья нам нету.
 По повелению их головы, сощные вору
 Поминутно делают поборы.
 Поступают с нами бесчеловечно,
 Чего неслыхано было вечно.
 Прогневали тебя, небесного царя,
 Что имеем у себя
 Исправника дурака,
 Вора заседателя,
 А плута секретаря,
 Как разорили нас в конец,
 Не оставили ни кур, ни овец...

3-е

Суди, владыко, по человечеству,
 Какие же мы можем быть слуги Отечества?
 До того дошли, что нечем и одеться?
 А в праздник больше нечем разговеться...
 ...Едим мякину вообще с лошадьми,
 Какими же можем назваться людьми?
 Стали убоги и нищи
 И лишились человеческой пищи.
 Не имеем у себя пищи иной,
 Как только мякины свиной...

5-е

...Жены наши крестьянские
 На себе таскают из лесу дровишки.
 К Рождеству Христову суд за должное ставит
 Всем приказным и солдатам велит Христа славить.
 Как рассыпаются, как волки под селами,
 Есть ли чего не дать, то приезжают судьи и сами.
 Тогда-то свиных туш, птиц, поросят
 Многи подводы нагрузят,
 Говорят, что так водится по их правам,
 А нам, бедным, и разговеться даром.

6-е

А как настанет весна,
 Тогда затевают жены наши красна¹.

¹ Красна — ткацкий станок с начатым тканьем.

Исправнику, заседателям и приказным,
Чтоб не быть бабам нашим праздным,
С каждого домишка до полпуда выдать льнишка,
А сверх того чести
Собирают по фунту шерсти,
Каков бы ни был пожиток,
Но со двора по мотку ниток...
...Не стерпя такого тиранства, всем известного,
Принуждены просить тебя, царя небесного,
Осуди их за такие погрешности,
Да наслаждаются всеми прелестями в бездне;
А мы, восчувствуя от них свободу,
Принесем чистые сердца в жертву всевышнему богу¹.

Литературная история песни «Как за барами житье было привольное». Наибольшую известность из песен о крепостничестве получило сатирическое стихотворное произведение «Как за барами житье было привольное». Оно было найдено Д. Л. Мордовцевым в том же саратовском архиве, в деле о мещанине Абутине, подстрекавшем крестьян к бегству. Это дело датируется самым началом 40-х годов XIX в.² В 1911 г. песня была перепечатана Н. Л. Бродским³, после чего широко вошла в научный оборот.

В советское время в Куйбышевской области фольклорной экспедицией Государственного литературного музея и Союза советских писателей был найден этот же текст, но с дополнительной второй частью, сильно отличающейся от первой и к тому же явно нефольклорной по происхождению⁴. Но и эта вторая запись также была включена исследователями в фонд народного творчества, что еще требует значительного обоснования.

Н. Л. Бродский справедливо признал саратовскую песню «пропагандой бродяжничества, побега от господ, волной жизни и разбоя» в предреформенные годы. Действительно, по силе народного протеста против феодального рабства, по глубине осознания общественной обстановки и художественного

¹ «Русский архив», 1908, № 9, стр. 215—217.

² Д. Л. Мордовцев. Полн. собр. соч., т. XLV, стр. 226.

³ Н. Л. Бродский. Крепостное право в народной поэзии. — В сб.: «К воле», Универсальная библиотека, 1911, стр. 73, №№ 506—507; то же — сб. «Великая реформа», 1911, т. IV.

⁴ Волжский фольклор. Составили В. Ю. Крупянская и В. М. Сидельников. М., 1937, стр. 80, стр. 195.

обобщения это стихотворение является наиболее смелым и выразительным из всех произведений, посвященных критике крепостничества.

- Как за барами житье было привольное,
Сладко попито, поедено, похожено,
Вволю корушки без хлебушка погложено,
Босиком снегу потоптано.
5. Спинушку кнутом попобито,
Нагишом за плугом спотыкалися,
Допьяна слезами напивалися,
Во солдатушках послужено,
Во острогах вить посижено,
10. Что в Сибири перебывано,
Кандалами ноги потерты,
До мозолей душа ссажена.
А теперь за бар мы богу молимся:
Божья перква— небо ясное,
15. Образа вить — звезды частые,
А попами волки серые:
Что поют про наши душеньки,
Темный лес—то наши вотчины,
Тракт проезжий — наша пашенька.
20. Пашем, пашем мы в глухую ночь,
Собираем хлеб не сеявши.
Не цепом молотом—слегою,
По дворянским по головушкам
Да по спинушкам купеческим.
25. Свиснет слегушка¹ — кафтан сошьет,
А вдругорядь—сапоги возьмет,
Свиснет втретью — шапка с поясом,
А еще раз — золота казна.
С золотой казной мы вольные.
30. Куда глянешь, — наша вотчина,
От Коздова до Саратова,
До родимой Волги-матушки,
До широкого раздольица,
Там нам смерти нет, ребятушки!²

Поэтическая структура этой песни почти не отличается от песен удалых. В ее стилевом оформлении много общего с ге-

¹ Д. Л. Мордовцев. Полн. собр. соч., т. XLV, стр. 226.

² Слегá — толстая длинная жердь.

роико-романтическими удалыми песнями и с сатирико-юмористическими.

С первой группой ее объединяет идеализация вольной жизни, удалства и разбоя; все это рисуется символически. Леса, укрывающие беглецов, называются их вотчиной, владением, в котором они действуют как полные хозяева. Разбойничество уподоблено молотье, которая доставляет им и одежду и золотую казну. Каждый удар слегу добывает новые богатства. Эти символы построены по типу образов удалых песен, в которых добывание героями богатств показывается как шитье дубовой иглой, или как «легкая пашенка», или как взмах весла, кистеня или просто руки. Достаточно одного такого жеста, чтобы взять корабль, сбить караван и захватить в плен девуцу. Но не самый разбойничий промысел привлекает героев. Главное для них — воля, а эту волю им дает золотая казна. Символический образ легкого добывания дорогой нарядной одежды — кафтана, сапог и шапки с поясом — напоминает общее место удалых песен, встречающееся в нескольких сюжетах.

Уж мы пьем, едим на Волге все готовое...
Цветно платье носим припасенное...

В саратовской песне «Как за барами» это общее место получает особое раскрытие и объяснение.

В традиционных женских песнях символическими образами служат явления природы. В песнях солдатских встречаются символические картины из области трудовой деятельности народа. То же самое мы наблюдаем и в удалых песнях и, в еще большей степени, в приведенной выше саратовской. Показывая разбойничество как пахоту, как сбор урожая и молотье, народ как бы пытается оправдать промысел на большой дороге, свой побег от мирной сельской жизни и привычного труда, но труда подневольного, который герои променяли на зазорное, но свободное от всякого порабощения занятие. Анализируя песню о «Сироте», Н. Я. Аристов признал в ней горькую насмешку над честным и усердным трудом, когда этот труд по обстоятельствам жизни остается непроизводительным до самой жалкой степени. В песне «Как за барами житье было привольное» мы в картинах пашни и молотье не видим насмешки. Здесь скорее выражение несбыточной мечты получить с помощью честного крестьянского труда в условиях крепостничества какую-либо выгоду, в то время как разбойниче-

ство приносит героям обогащение. Горькая ирония над своей судьбой кроется в этом символическом образе.

Ирония широко применена во всем тексте песни. С горькой иронии она начинается, когда герои вспоминают о жите «за барами». «Привольное жите», «сладкое питье и еда» оказываются злой насмешкой над действительной нуждой, холодом, голодом, жестокими истязаниями и наказаниями. И в дальнейшем вся песня построена на контрастах, на противопоставлении желаемого с действительным. В этом отношении она полностью совпадает с поэтическими принципами композиции удалых сатирико-юмористических песен¹. Особенно близка по построению саратовская песня к замечательной сатире XVIII в. из сборника Чулкова «У дородного доброго молодца». Страшная нищета, холод и голод, нагота и босота, бесправие и унижение сталкиваются в обоих этих произведениях с мечтой о лучшей и вольной жизни. Но в песне XVIII в. идеальная жизнь представляется такому герою, который не видит выхода и не способен найти его. И эта безнадежность мечтаний с ужасающей истиной выяснилась при столкновении идеала с подлинной действительностью.

В песне «Как за барами жите было привольное» четко осознаны причины народных бед и подневольного существования. Герои готовы вступить в борьбу со своими классовыми врагами. Идейная основа этого произведения совершенно отличается от песни XVIII в. Идейное отличие проявляется и в языке произведений. Песня XVIII в. «У дородного доброго молодца» передана такими синтаксическими конструкциями, в которых отсутствует активно действующее лицо.

У дородного доброго молодца
Много было на службе послужено...
...С шелепом² за свиньями похожено,
Много цветного платья поношено,
По-под оконью онуч было попрошено.
И сахарного куса поедено,
У ребят корок отымано³.

Неопределенно-личная форма действия употреблена на протяжении всей песни.

¹ Т. М. Акимова. Народные удалые песни сатирико-юмористического характера. — «Ученые записки Саратовского госуниверситета», т. 67, 1959, стр. 5.

² Шелеп — плеть.

³ М. Д. Чулков, ч. III, № 150.

Первая часть песни «Как за барами», в которой описывается безвольное существование у бар, передана такими же синтаксическими оборотами.

Сладко попито, поедено, похожено,
Вволю корушки без хлебушка погложено,
Босиком снегу потоптано,
Спинушку кнутом побито...
...Во острогах ведь посижено,
Что в Сибири перебивано и т. д.

В этой жизни герои не были вольны, и они не показаны здесь как самостоятельно действующие, активные люди.

Но вторая половина песни построена совершенно иначе. Здесь герои полны самостоятельности, активной деятельности и волевого напряжения. И эта вторая часть, где изображается жизнь героев на воле, передана системой личных предложений. Различие прошлой подневольной жизни со свободным теперешним состоянием героев обозначается в песне отчетливо словами: «А теперь...». Прошрое же, противопоставленное этому настоящему, обозначалось не менее отчетливо:

Как за барами житье было...

Так, подчеркнутыми формулировками противопоставляет песня идеальную свободу крепостной неволе. Вторая половина песни совершенно различается и со старыми удалыми песнями. Идеализация вольной жизни в удалых песнях является результатом несколько неясного порыва к воле, который был прямым ответом на крепостной гнет, народную неволю. Но народ—создатель этих произведений, и герои песни решали художественную проблему так широко, что не указывали на социальную обусловленность своего существования. Самое понятие воли в лирических удалых произведениях обозначалось неопределенно.

Другое дело песня «Как за барами житье было привольное». Это сатирическое произведение по всему своему строю ближе к сатирико-юмористическим песням, хотя в нем дается не изображение частного конкретного случая, но общее положение народа и его угнетение на последнем этапе феодализма. В песне «Как за барами» отражен более высокий уровень народного сознания. Вольная жизнь беглых крестьян и их разбойничество здесь социально осмыслены. Герои песни, «ребятушки», стремятся к вольной жизни не только потому, что не могут больше терпеть «привольного житья за барами».

Они идут в «разбойники», чтобы бороться с крепостным строем, с утверждающим его классом помещиков. Вот почему их слегушка молотит

По дворянским по головушкам
Да по спинушкам купеческим.

На место неопределенно осознаваемой героини вольного удалства старых песен здесь выдвигается классово осознанная мечь и призыв к борьбе. Революционный характер песни «Как за барами житье было привольное» коренным образом отличает ее от традиционных удалых песен. В ней нет еще ясно осознанных социальных перспектив и конечных целей борьбы. Но призыв к борьбе в ней звучит совершенно ясно и отчетливо.

Несмотря на большую стилевую общность с удалыми, песня «Как за барами» значительно от них отличается и по форме. В ней много таких книжных оборотов, сложных метафор, которые вовсе не свойственны старинной народной лирике. Достаточно указать на такие выражения, как «до мозолей душа осажена» или иронический символ из церковно-религиозной области:

А теперь за бар мы богу молимся;
Божья церква—небо ясное,
Образы вить—звезды частые,
А попами—волки серые,
Что поют про наши душеньки.

Не только удалым песням, но и вообще всей необрядовой русской народной лирике чужды образы из церковного мира. Да и слишком сложна эта символическая картина. Она создана головой, а не чувством, и это совершенно отличает ее от фольклорных традиционных поэтических средств лирики.

Песня «Как за барами житье было привольное», созданная значительно позже удалой лирики, пронизана отчетливою, ясною мыслью, логически связана во всех составных элементах и эпизодах и создает впечатление очень умной, вполне художественной и цельной вещи, стилизованной под традиционные удалые песни.

Кто мог быть автором этого произведения? По-видимому, какой-то грамотей, писец или попович, или грамотный из дворовых, а возможно, что и сам Абути́н. Но его авторство может показаться сомнительным потому, что текст песни написан иным почерком, чем список крестьян, которые давали Абутину согласие на побег. В его бумагах был найден такой список

с заголовком «Реестр», в который он вносил имена, фамилии и приметы каждого, изъявлявшего желание уйти от помещика. Абути́н соблазнял крестьян обещанием легального переселения на какую-то «линию», на «вольные земли». В своем «реестре» он отмечал и сумму, полученную им в задаток, соответственно материальным возможностям каждого.

По «реестру» можно видеть, как велика была жажда крестьян освободиться от крепостной зависимости. Для них достаточно было любого слуха, любого обещания, чтобы поверить и бежать от помещика. В «реестре» Абутина числятся целые семьи, упоминаются и старые люди, и молодежь, и дети. Среди других назван Иван Петров Серегин 78 лет, слепой и с сухой левой ногой. Вряд ли он заботился о себе, когда решил бежать со всей своей огромной семьей: четырьмя семейными сыновьями, с внуками-подростками, ожидавшими рекрутской очереди, девушками, внучками и малыми детьми; вероятно, он заботился о потомстве. Среди молодежи в «реестре» названа пара дворовых—сенная девушка и повар; числится Авдей Безродный с такими приметам: волосы русые кудрявые, глаза черные, лицо белое, рост высокий; можно думать, что этому молодому работнику, круглому сироте, вероятно кандидату в рекруты, нечего было терять в селе у помещика, а в бегах он мечтал найти вольную жизнь и, значит, свое счастье.

Суммы, полученные Абутиным в задаток, были очень неодинаковые. От одних он получил «лобанчик», т. е. золотой, сумму промадную для крепостного; от других—рубль или полтину, а то и натурой, «меру овса».

По паспорту этот ловкий человек, поживившийся грошами, накопленными кровным трудом, значился Сергеем Васильевичем Абутиным, зарайским мещанином, исключенным из духовного звания. Он сумел воспользоваться настроением крестьян. Для того чтобы отвести от себя всякие подозрения, Абути́н разъезжал по саратовским селам в виде мелкого деревенского торговца и одновременно вел свою пропаганду.

В бумагах этого дельца и был найден список песни «Как за барами житье было привольное». Язык песни отличается многими особенностями южно-русского диалекта, что изобличает возможность происхождения ее сочинителя либо из Рязанской, либо из некоторых сел Саратовской губернии. Такие особенности языка, как «вить», «сеямши», «слёгушка» могли быть свойственны «зарайскому мещанину» Абутину. Ему же можно было бы приписать создание символических картин из

области церковно-обрядового быта: «попами—волки серые», «образы—звезды частые» и т. д. Но сомнительно, чтобы человек, «исключенный из духовного звания», употребил слово «церква» вместо литературного «церковь», которое слишком хорошо ему должно быть знакомо. Таким образом, авторство Абутина для этой песни кажется сомнительным. Несомненно только одно, что сочинена песня кем-то из грамотных людей, хорошо знакомых с традиционной народной песней.

Куйбышевский текст песни «Как за барами житье было привольное» трудно признать вариантом. Это буквальное повторение саратовской песни только с присоединением конца, существенно меняющего все содержание. Конец песни состоит из 12 стихов, которые добавлены на место 10 последних стихов саратовского оригинала.

Куйбышевский текст в первых 24 стихах представляет собою перепечатку из сочинения Мордовцева. Он отличается некоторыми деталями, главным образом в морфологических формах, от того текста, который был опубликован Бродским. Транскрипция, данная Бродским, утвердилась и стала привычной, так как из его статьи песня перепечатывалась в вузовских и школьных учебниках, в массовых популярных изданиях¹. Н. Л. Бродский устранил некоторые диалектные формы («вить»; «слёгою»; «церква»; «сеямши»), заменив их литературными. Но одновременно он употребил несколько слов; стилизованных под народную речь: «поохотено»; «поглотано», «трак» вместо: «похожено», «погложено»; «тракт» и др. Новый конец совершенно изменил все произведение. Приведем его:

25. Вы укройте, леса, нас, станишников,
Напон, река, беглых каторжников,
А ты степь ли, степь наша ровная,
Ты носи коней глаже скатерти.
Мы задумали дело правое,
30. Дело правое, думу честную:
Мы царицу, шлюху поганую,
Призадумали с трону спихивать.
Мы дворян-господ—на веревочки,
Мы дьяков да ярыг—на ошейнички.
35. Мы заводчиков—на березаньки,
А честных крестья—на волю вольную.

¹ В хрестоматии В. И. Василенка и В. М. Сидельникова, 1954 г. Н. Л. Бродский поместил свою статью в переработанном виде и песню «Как за барами» дал в транскрипции Мордовцева.

Новый конец песни, начиная с 25 стиха, не оставляет сомнений в его литературном и очень позднем происхождении¹. Единственная запись этого произведения в устном исполнении не позволяет судить о том, было ли оно распространено в народе даже и в советское время, т. е. вскоре после его сочинения. А между тем как раз куйбышевский текст получил широкое бытование в научной литературе². Постоянно приводилась песня «Как за барами» либо в саратовском, либо в куйбышевском текстах в школьных хрестоматиях для шестого класса, и это составило ей чрезвычайную популярность. Ю. М. Соколов в своем учебнике по фольклору не дает ее, не дает ее

¹ Конец Куйбышевского текста представляет собою песню, сочиненную С. Злобиным. Она опубликована в первом издании повести «Салават Юлаев», М.-Л., 1930, стр. 143. Песню исполняет Пугачев и его приближенные.

«И Пугачев первый, не дожидаясь согласия товарищей, затянул: Голубая степь, леса темные, реки быстрые, воды чистые...

Казаки подхватили стройно:

Вы укройте, леса, нас, станишников,
напой река, беглых каторжников...
А ты, степь ли, степь наша ровная,
Ты носи коней глаже скатерти...
Мы задумали дело правое,
дело правое, думу честную:
Мы — царицу, шлюху поганую,
призадумали с трону спихивать...
Мы дворян — господ — на веревочки,
мы дьяков — да ярыг — на ошейнички
мы заводчиков — на березаньки,
а честных крестьян на волю вольную.

Генералы смолкли, снова затянул один Пугачев, отчаянно мотая в такт вздохмаченной пьяной головой:

А коли придет покориться нам,
сложим головы непокорные
под катов топор, под страшный удар,
сложим буйные, ах да головушки...

Хор подхватил и яростно грозно закончил:

Голубая степь, реки чистые,
леса темные, горы крепкие...
Ой жги, бей, жги — говори, говори!
Мы задумали думу честную,
думу че-е-стную-у...

угрюмо и грозно прогудел хор и смолк.

² Сб. Русская революционная поэзия XIX в. Л., 1937, стр. 195—196 и 217 — 218; Пугачев в Среднем Поволжье и Заволжье. Куйбышев, 1947, стр. 17 и 31; Очерки по истории русского народного поэтического творчества, т. II, кн. I, Изд. АН СССР, 1955, стр. 44; А. М. Новикова. Русские народные песни. М., 1957, стр. 648; Исторические песни. 1951, стр. 271. (Библиотека поэта. Малая серия).

и Н. П. Андреев в хрестоматии, составленной в то же время. Но в «Очерках по истории русского народного поэтического творчества» Академии наук она снова появляется как типичная антикрепостническая песня о беглых¹, а конец куйбышевского текста обозначается как песня о восстании Пугачева².

Куйбышевская стилизация под пугачевскую песню еще более искусственна и нарочито «сделана» в псевдонародном стиле, чем саратовская. В ее словаре избылируют элементы, совершенно несвойственные традиционной народной песне. Такие слова, как «ярыги», «заводчики», употреблены в ней в новом значении, нехарактерном для классического фольклора. «Заводчик», в старом значении,—это владелец и одновременно рабочий и конюх конского завода, а не промышленного предприятия, «Ярыга» или «ярыжка», по старой песенной лирике,—это «бедняк», «босяк». Он никак не мог относиться в народном сознании к одному социальному лагерю с господами и их слугами-чиновниками, названными в песне старинным словом «дьяки». В народной песне ярыга—это бурлак.

Не водись, мой сын, со бурлаками.

• Со бурлаками, со ярыгами.

*Эпитеты в куйбышевском тексте совершенно не соответствуют постоянным эпитетом фольклорной лирики. Самое же главное—политическая идея песни отличает ее от всех антикрепостнических произведений дореформенного времени³.

Приходится сожалеть, что в нашей фольклористике утверждается такая модернизация, пропагандируется искаженное представление о традиционном фольклоре и тем самым об отраженном в нем общественном сознании народа периода крепостничества.

Обращение авторов памфлетов и песен о крепостничестве к традициям песен удалых свидетельствует о том, что народ рассматривал вновь создаваемые сатирические произведения как продолжение идей старой лирики. Удаливость и разбойни-

¹ Очерки по истории русского народного поэтического творчества, т. II, кн. I, стр. 77—78.

² Там же, стр. 44.

³ О неискренности стилизации под фольклор в этой песне. См.: Т. М. Акимова. Пушкин о народных лирических песнях. — «Ученые записки Саратовского госуниверситета», т. XXXIII, 1953, стр. 30; а также — Т. М. Акимова. Докторская диссертация. Народные удалые песни в устном бытовании и в художественной литературе XVIII—I-й половины XIX в. Саратов, 1964, стр. 633—651 (машинопись), а также автореферат того же названия. Изд. АН СССР, 1964, стр. 27.

чество, изображенные в старых песнях, народ воспринимал как выражение особой формы противодействия феодально-крепостническому строю. Вот почему идейно-образные традиции удалых песен использовались антикрепостническим фольклором, особенно выразительным по чувству классовой непримиримости и гнева. Но в новых песнях идеи традиционной лирики удалцов продолжены в новом содержании. Герои удалых песен осознали себя виновными перед феодальным законом, хотя и оправдывали свой самовольный побег из неволи тем, что высшим идеалом признавали самостоятельную вольную жизнь. Противоречивость чувств вызывало сомнение в своей правоте, а незаконность их положения в феодальном обществе усугубляла эту трагедию конфликтом социальным.

В песнях антикрепостнических этой осложненности сюжетных положений нет. Никита Удалой, авторы и герои песни «Как за барами житье было привольное» выступают как сознательные борцы, и в оценке своего поведения у них не возникает никаких сомнений, никаких противоречий. Но, превосходя старые песни по отчетливости идейного содержания, песни-памфлеты уступают традиционной лирике в эмоциональной глубине и красоте формы. Песни антикрепостнические всю силу эмоций направляют на критику крепостничества. Песни удалые показывают жертв этого общества, но одновременно выражают страстную мечту о положительных идеалах жизни и рисуют эти идеалы, хотя и неопределенно, но с необычайной эмоциональной силой. Неопределенность эмоциональных порывов и глубина чувств удалых песен привлекали к ним поэтов-романтиков и романтически настроенных собирателей, в том числе и далеко стоящих от прогрессивной передовой науки своего времени.

Очерки Д. Л. Мордовцева о прошлой и современной жизни населения Поволжья и особенно о крестьянских политических движениях производили громадное впечатление на широкие читательские круги. Они поражали не революционностью общественно-политических позиций автора (об этом не могло быть речи), но отвечали настроениям прогрессивной общест-венности документальностью фактов и помещенных в них фольклорных произведений. Собранные воедино и напечатанные в 1890 году, они произвели впечатление страшного свидетельства о положении народа в предреформенное время. Книга эта была запрещена и изъята. Пыпин справедливо называет книгу «Накануне воли» «страшной», но определяет ее как «сборник чисто документальный, иногда даже сухой». Тексты

архивных дел, рассказы, слухи, предания и песни, обильно размещенные на страницах этого сборника, раскрыли такие стороны жизни народа, мимо которых многие раньше проходили равнодушно. Пыпин подчеркивает особую точность передаваемых Мордовцевым народных настроений. «Среди крестьян возникали какие-то нелепые, фантастические слухи о существовании благословенных земель, где можно занять сколько хочешь земли, без податей, без помещиков, без начальства, на Дарье-реке, в Анапе; никакие убеждения помещиков не могли их разуверить. Нагружали скарб на телеги и с женами, с детьми ехали искать этих земель. Бежали в «Одесту»,—портовый город нуждался в рабочих»¹.

В шестидесятых—начале семидесятых годов Мордовцев печатал свои историко-беллетристические сочинения в прогрессивных органах: «Отечественные записки», в журнале «Дело» и других, подвергаясь бесконечным злобным нападениям реакционных критиков. «Русский вестник» возмущался публикацией его сочинения «Русские государственные деятели прошлого века и Пугачев», а также его книгой «Политические движения русского народа, Гайдаматчина». Рецензент издевался над самым названием книги: «...неужели Г. Мордовцев усматривает какое-нибудь политическое значение в таких личностях, как те многочисленные лже-Петры, которые появлялись до и после Пугачева, или, наконец, в простых разбойничьих атаманах, каковы Заметаев и Брагин или как атаманша Груня?... Мордовцев видит во всех поименованных лицах представителей протеста «народа» против существующего порядка... Но не называйте всех этих движений «политическими движениями!» Он почитает себя историком «народа», но, как видно, «народ» в его глазах—это исключительно те люди русской земли, которые выпускают рубашку сверх портов. Что же такое остальные люди той же земли, люди, бреющие бороды? Он знает одних гултаев, одну голытьбу, ее инстинкты и стремления, ее радости одни заслуживают внимание нашего автора»².

«Неужели это демократия?—продолжает рецензент.—Неужели это разумная любовь к народу?»... «покинув большую столбовую дорогу истории, он забрался слишком далеко в глушь и вступил на такой путь, который вредит ему даже

¹ А. Н. Пыпин. Мои заметки. — «Вестник Европы», 1905, февраль стр. 475—476.

² Б. Ш. Политические движения русского народа. Исторические монографии г. Мордовцева. т. I, 1871. — «Русский вестник», 1870, № 9, стр. 342 — 343.

в чисто научном отношении...». Особенно возмущается рецензент тем, что Мордовцев использует фольклор как исторический источник. «Он обратил особое внимание на местные предания, на изустные рассказы, на сказки и песни, касающиеся изучаемых им предметов, и они окрасили яркою поэзией некоторые из его рассказов. Но обратил слишком мало внимания на источник другого рода»¹.

Такого же характера отзыв о сочинении Мордовцева «Русские государственные деятели прошлого века и Пугачев», печатавшемся в 1868 году в «Отечественных записках», дал «Русский вестник» в июне 1869 года².

На сочинения Мордовцева было обращено внимание министра внутренних дел. Губернатору Галкину-Врасскому было сообщено о его неблагонадежности, а публикации в радикальных журналах были признаны «по направлению не соответствующими нахождению Мордовцева на службе». В справке из Главного управления по делам печати указывалось, что сочинение Мордовцева 1867 года «Самозванцы и понизовая вольница» отличается тенденциозностью, что Пугачевщину автор признает естественным следствием всего строя русской истории. В беллетристике конца 60 — начала 70 годов Мордовцев «проводит мысль, что подобные явления вроде Пугачевщины возникали... вследствие того, что народу невыносимо было жить, что ему даже не было дано возможности не умирать с голоду». «Любимой темой его многолетних исторических трудов были народные разбои и мятежи», которые он называл «политическими явлениями», внушая публике, что им и надобно быть, так как они вызывались стеснением народной свободы и всякими насилиями сильных над слабыми»³. Мордовцев вынужден был оставить должность правителя дел канцелярии губернатора и выехать из Саратова.

В конце жизни общественно-политические взгляды Мордовцева значительно поправились. Но в период деятельности в Саратове он находился под несомненным воздействием пере-

¹ Б. Ш. Политические движения русского народа. Исторические монографии г. Мордовцева. т. I, 1871. — «Русский вестник», 1870, № 9, стр. 344.

² Д. А. Анучин. Граф Панин — усмиритель Пугачевщины. — «Русский вестник», 1869, июнь, стр. 382.

³ Саратовский областной архив, фонд 1221, опись I, экземпляр хранения 41, дело № 155. (Переписка о Мордовцеве и его сочинениях. Письма за 14 июня 1872 г. Хвалынский; 20 июня 1872 г. С.-Петербург и др.).

довых людей шестидесятых годов, в том числе и Чернышевского. Своими трудами этого времени он утвердил в широкой публике представление о политической активности народных масс и особой сосредоточенности народных движений в Нижнем Поволжье.

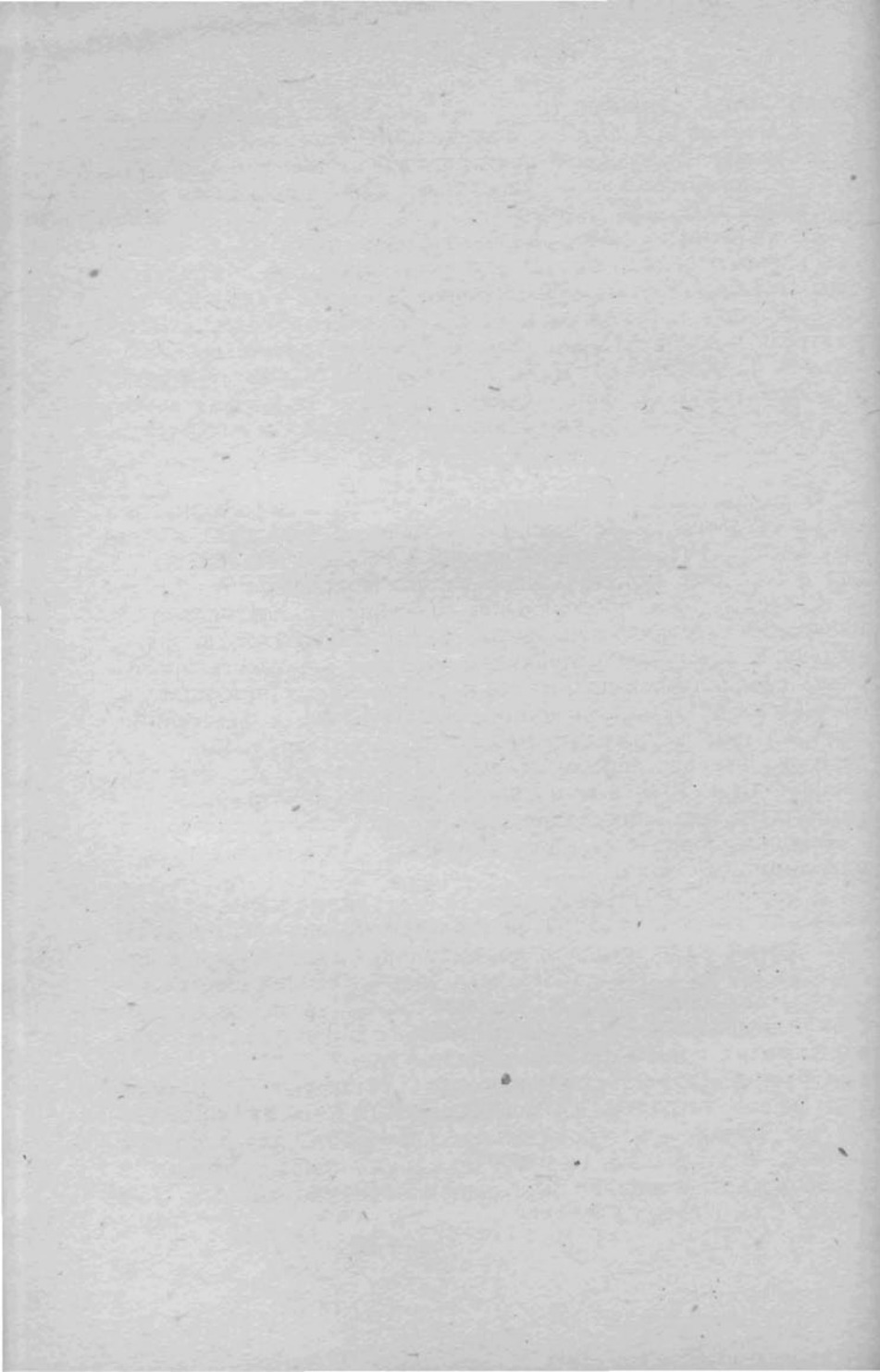
Одновременно с Мордовцевым очерки и рассказы об ужасах крепостничества печатали другие этнографы и беллетристы, особенно из лагеря народников. Интерес к жизни волжской вольницы, бурлаков и разбойников сохранялся в литературе и в конце XIX и в начале XX вв. Достаточно вспомнить В. Г. Короленко, В. А. Гиляровского и многих других. На этой тематической площадке надолго своеобразно сошлись обе поэтические стихии — фольклор и литература.

*
* *

Общественные настроения крестьянства в дореформенное время получили своеобразное отражение в разинских и удалых песнях. Устремленность героев к свободе выразилась в них с большой эмоциональной силой. Покоряющий поэтический лиризм этих произведений сочетался с неясностью и неопределенностью высказанной в них мысли, что вызвало, наряду с всеобщим признанием высокой художественности, очень неодинаковое понимание и разноречивое истолкование их смысла поэтами, критиками, собирателями и издателями. Нередко тексты удалых и разинских песен появлялись в печати значительно переосмысленными и литературно отредактированными. Книжные и художественные «биографии» некоторых из них оказывались далеко не соответствующими подлинному оригинальному содержанию, сохранявшемуся в народном исполнении.

В народном бытовании разинские и удалые песни не оставались неизменными. Утратив характерный для текстов XVIII века уточненный историзм содержания, они получали в вариантах и новых текстах XIX века более глубокий общественно-протестующий смысл и в значительной части сошлись с произведениями антикрепостнического характера, воспринявшими их идейно-стилевые традиции.

Образ волжского удалыца занял заметное место в художественной литературе XIX века, пройдя путь от романтического злодея или героя-одиночки до борца за народную свободу. В этом последнем содержании образ Разина и удалыца был воспринят революционными народниками 70-х годов.

**РАБОЧИЕ И РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ПЕСНИ
В САРАТОВСКОМ ПОВОЛЖЬЕ**

ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ПОЭЗИИ САРАТОВСКОГО ПОВОЛЖЬЯ

Во второй половине XIX века связи литературы с фольклором становятся более прочными и постоянными. Особенно это заметно на песнях общественно-политического и революционного содержания. Жанр революционной песни сложился первоначально в литературе. Первыми агитационными песнями революционного характера были произведения, сочиненные еще в 1824 году декабристами. В широких массах крестьянства они не получили распространения. Идеи борьбы с самодержавием были тогда чужды народу. Об этом свидетельствуют созданные в народной среде песни о революционном выступлении самих декабристов — «Царя требуют в сенат» и песня о смерти Александра I. Все их содержание говорит о том, что народное сочувствие остается на стороне царя, а не на стороне дворянских революционеров.

Политические идеи агитационно-сатирических песен Бестужева и Рылеева привлекали внимание не широких масс народа, а городских кругов интеллигенции, учащейся молодежи. Саратовский адвокат И. Я. Славин в своих неопубликованных мемуарах, хранящихся среди бумаг ученой Архивной комиссии, вспоминает о том, каким образом в 60-е годы политическая пропаганда проникала в гимназическую среду: «Ходили в рукописях стишки декабриста Рылеева... «Император русский, на нем мундир прусский» и т. п.), Михайлова, сосланного в Сибирь и умершего там, и другая нецензурная литература». Но увлекались ею единицы, «которые по временам занимались перепиской подобных нецензурных и либерально-пикантных произведений»¹. В интонации Сла-

¹ И. Славин. Минувшее — пережитое, т. I, стр. 32. Государственный архив Саратовской области (в дальнейшем ГАСО), ф. 407, ед. х. 6269.

вина, когда он пишет о революционных настроениях, всегда слышится неприязнь. Но в 60-е годы фрондирующую молодежь, действительно, увлекало другое: «Гораздо большее впечатление,— пишет Славин,— производила и имела огромное влияние на многих подростков тенденциозная беллетристика и критика 60-х годов. Мы переживали медовые месяцы базаровщины («Отцы и дети» Тургенева), социалистического трактата в виде антихудожественного романа Чернышевского «Что делать?», писаревщины... Читали мы Добролюбова и Белинского, хотя тот и другой были изъяты из ученической библиотеки вместе с Писаревым... Саратовская гимназия слыла за политически неблагонадежную не только потому, что в ней некоторое время в 50-х годах был преподавателем Н. Г. Чернышевский, но еще и потому, что Каракозов, покушавшийся на жизнь Александра II 4 апреля 1866 года, был саратовский дворянин и саратовский гимназист»¹.

Со времени Чернышевского оппозиционные настроения, революционные традиции в Саратове не умирали. Не случайно в литературе об общественных движениях в Саратовском Поволжье нередки утверждения о том, как положительно было воздействие великого демократа на гражданские чувства его земляков. «Благодаря влиянию Чернышевского, о котором остались в Саратове самые светлые воспоминания, в саратовском обществе было более чем в других поволжских городах людей либерально и даже радикально настроенных», — писал И. Майнов о 60 и 70-х годах XIX века². Оно было и продолжительным. Описывая настроения прогрессивной интеллигенции конца XIX—начала XX столетий, Г. Саар свидетельствует: «... в некоторых слоях саратовской интеллигенции сохранились предания о временах расцвета «Земли и Воли» и «Народной Воли», когда в Саратове были довольно крупные группы активных революционеров народнического толка... Помнили и Чернышевского, умершего в Саратове в 1889 году...»³.

Народники привили тот революционный фермент, который «оказался настолько живучим, что движение продолжало

¹ И. Славин. Минувшее — пережитое, т. I, стр. 32.

² И. И. Майнов. Революционные кружки в Саратове. СПб., 1906, стр. 6.

³ Г. Саар. Саратовская промышленность в 90-х и в начале 900-х годов. Саратов, 1928, стр. 3.

развиваться само собой, уже без воздействия со стороны и скоро перешло в рабочую среду»¹.

В народном творчестве XIX столетия заметным идейно-художественным явлением стали рабочие песни. За сравнительно короткую свою историю (с конца XVIII в.) рабочая песня освоила свою тематику, но не успела выработать собственной оригинальной формы. Те ее художественные принципы, которые указываются исследователями как специфические — сюжетность, натуралистическая описательность² — действительно присущи ей, но они были известны и антикрестьянскому крестьянскому творчеству.

В конце XIX—начале XX вв. рабочая песня попала в поток революционного профессионального искусства, и в сущности песнями пролетариата становятся революционные песни поэтов-народников и социал-демократов, которые распространялись без имен авторов и служили материалом для многочисленных переделок, вошедших в устный обиход.

В пролетарский период революционного движения рабочие и агитационные песни стали и достоянием деревни.

Судьбы революционной поэзии в народе — лишнее свидетельство того, как идеи революции и социализма овладевали массами. Значение ее в революционном воспитании трудящихся масс России исключительно велико.

Партия большевиков во всей полноте использовала революционную песню и пролетарскую поэзию как одно из самых массовых средств агитации и подготовки социалистической революции. В. И. Ленин употребляет выражение: «пропаганда социализма рабочей песней»³. Он писал, что всюду «раздается дружная пролетарская песня о близком освобождении человечества от наемного рабства» и ее распространению не могут помешать «никакие полицейские придирки»⁴. Евгения Потье, автора «Интернационала», он назвал «одним из самых великих пропагандистов посредством песни», а «Интернационал» — всемирной пролетарской песней⁵.

¹ И. И. Майнов. Революционные кружки в Саратове, стр. 8.

² С. Г. Лазутин. Рабочая песня в русском народном песнетворческом процессе. — В сб.: Устная поэзия рабочих России, «Наука», М.-Л., 1965, стр. 21.

³ В. И. Ленин. Развитие рабочих хоров в Германии. — Полн. собр. соч., т. 22, стр. 276.

⁴ Там же.

⁵ В. И. Ленин. Евгений Потье. К 25-летию его смерти. — Полн. собр. соч., т. 22, стр. 273, 274.

Непреходящее значение «Марсельезы» отметил Ф. Энгельс¹. Горький удачно раскрыл причину того, почему она перешагнула временные и национальные границы и стала одним из гимнов пролетариата: «В ней звучало железное мужество, и, призывая людей в далекую дорогу, дорогу к будущему, она честно говорила о тяжести пути»².

Известно, что «Правда» часто представляла место стихотворениям рабочих, рассказывающим правду об их труде и жизни, а также революционным песням.

В первых социал-демократических саратовских газетах статьи экономического и политического характера неизменно сопровождались близкими им по теме стихотворениями и песнями³. Это стало прочной традицией, которую подхватила и профсоюзная саратовская дореволюционная печать,—такое большое значение придавалось художественному слову.

Песни борьбы пролетарского периода революционного движения, как правило, были продуктом творчества революционной интеллигенции. В разное время создаваемые, они всегда предназначались для приобщения народных масс к борьбе за лучшую жизнь против крепостничества и деспотизма. Но не сразу эта поэзия дошла до тех, кому она адресовалась: признание массами революционного творчества пришло только в конце XIX—начале XX веков, особенно же во время революции 1905 года, когда в ряды борцов за социальную справедливость встали миллионы. В эти годы агитационная поэзия воспринималась трудящимся людом с жадностью. Больше того, революционные песни нередко подвергались переработке. Создавались вновь многочисленные сатиры.

В Саратовском Поволжье рабочая и революционная поэзия в свое время не записывалась совершенно. В 70 и 80-е годы «Саратовский листок» и «Саратовский дневник» помещали материалы, описывающие нравы и обычаи, народные поверья и т. д. Корреспонденты писали о живучести в самом Саратове и особенно в деревнях многих старых обычаев, «подчас диких». Публиковались тексты традиционных песен, преданий и легенд.

¹ Ф. Энгельс. Письмо к Шлютеру от 15 мая 1885 г.—К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, Госполитиздат, т. 36, стр. 269.

² М. Горький. Мать. Собр. соч., ГИХЛ, т. 7, стр. 332.

³ Песенный материал в большевистской печати предреволюционных лет подобран и проанализирован в кн. С. И. М. Дрейдена «Музыка — революции», изд. «Музыка», М., 1966.

Во 2-й половине 80-х годов внимание корреспондентов заметно переключается с «живой старины» на «новые песни» — саратовскую «матаню», что было выражением повсеместного интереса к новому жанру. Частушка на многие годы поселится на страницах периодической печати. Но подборка и интерпретация новых песен неизменно демонстрировали ее якобы примитивность и безнравственность, обусловленную падением народных нравов. Такое предвзятое отношение к частушке как продукту городской капиталистической «культуры» исключало соби́рание ее и серьезное изучение. Только в 1893 году в защиту новых песен выступит Викторин Арефьев, Саратовский народовец. Его полемическая статья о саратовской матане шла вразрез с господствовавшим тогда взглядом на частушку как на выражение падения нравов и угасания народного искусства. Арефьев реабилитировал народ и частушку в глазах общественности, доказывая, что «матаня» — следствие не безнравственности молодежи, а изменившихся экономических и бытовых отношений, что она одинаково характерна и для города, и для деревни. Успех «матани» Арефьев справедливо видел в возможности выразить насущные интересы всего народа, откликнуться на «злобу дня»¹. На первых порах социальная тематика в «матанях» давалась через призму личных невзгод и неурядиц: горькая жизнь доводит девушку в городе «до позора, до стыда».

Авторов газетных статей и очерков интересует вопрос о быстром распространении новых песен и об известности саратовской «матани» в Астрахани², об изменившемся после реформы положении крестьянки, а также и то, как это представлено в песне³. Они пересказывают содержание работы Г. И. Успенского «Фабричная поэзия»⁴ и т. д.

Все эти статьи вводят в атмосферу борьбы вокруг вопросов о народном бытии в самом широком смысле этого слова. Их авторы обращаются к фольклору не за экзотикой, не в этнографических или украшательских целях, — в нем справедливо видели отражение нравственной жизни народа, судьбой которого была по-настоящему озабочена интеллигенция.

¹ Н. А-ф-въ. Новые народные песни. — «Саратовский дневник», 1893, №№ 285—286.

² «Саратовский дневник», 1893, № 100.

³ «Саратовский дневник», 1894, № 64.

⁴ «Саратовский дневник», 1894, № 105.

Народные песни и частушки оказались благодарным материалом для суждений о духовной жизни простолюдина, о глубине перемен, захвативших и сферу искусства народа, то есть фольклор был уже не «живой стариной», а показателем перемен в русской жизни, и не столько публикацией, сколько аргументом в суждениях. К сожалению, текстов новых рабочих песен в газетах не приводится.

Целый период в собрании народного творчества ознаменованный участием широкого круга людей и многими изданиями местного фольклора, составила деятельность Саратовской Ученой Архивной комиссии. Запись устных памятников старины комиссия считала главной своей задачей, и члены комиссии — историки, археологи, чиновники, помещики, учителя — записывали «живую старину», почти не интересуясь современным им творчеством народа и теми проблемами, которые поднимались газетами. Это не значит, что Архивную комиссию не интересовала социальная проблематика в фольклоре. Многие из ее членов собирали и публиковали предания о Разине¹. П. Л. Юдин напечатал рукописную «Жалобу крестьян царю небесному на земский суд»² XVIII века. Именно он по горячим следам событий собрал несколько сатирических стихотворений — переделок времени первой русской революции и включил их в свою работу о революции 1905 года в Саратове³. Н. Ф. Хованский написал во многом примечательную книгу «Помещики и крестьяне Саратовской губернии»⁴. Она не имеет прямого отношения к фольклору, но воссоздает атмосферу крепостнического быта в Поволжье. В ней много устных рассказов доведенных до отчаяния крестьян о господах, бурмистрах, о насильственной выдаче замуж крепостных девушек, об «искании свободы» от помещиков и т. д. Эти рассказы извлечены и отобраны из дел Канцелярии саратовского губернатора, куда в свое время они были занесены с точностью: с диалогами, живой речью. Члены комиссии систематически собирали, обрабатывали и печатали в своих

¹ Б. В. Зайковский. Бугор Стеньки Разина. — «Труды Саратовской ученой архивной комиссии», вып. 23, 1903, А. С. Мадурев. Вновь записанные легенды о Стеньке Разине. — «Труды Второго областного съезда 1903 года 10—20 августа», Издание Тверской ученой архивной комиссии. 1906.

² «Русский архив», 1908, № 9, стр. 215—217.

³ Работа не опубликована. ГАСО, стр. 407, ед. хр. 1365.

⁴ Н. Ф. Хованский. Помещики и крестьяне Саратовской губернии. Саратов, 1911.

«Трудах» различные архивные материалы, связанные с историей местного края, и таким образом они становились известными широкому читателю¹. Среди неопубликованных материалов Архивной комиссии имеется тетрадь с записями преданий и рассказов о временах крепостного права. В 1892 г. со слов односельчан и по заданию комиссии их выполнил И. Белокуров, крестьянин с. Ириновки Тепловской волости Саратовского уезда².

В 1910 г. по анкете Архивной комиссии производился сбор экономических, бытовых и фольклорных материалов по уездам губернии. Фольклорно-этнографическая часть этой анкеты содержала вопросы и о старинных песнях, и о современных песнях молодежи. Добросовестные ответы некоторых исправников приносили в комиссию интересные сведения и материалы. Любопытно, например, сообщение о том, что в 1911 г. мордва пела песни «нового происхождения»: «Варяг», «Солнце всходит и заходит»³. Приводились образцы «новых песен» — матань, а также подборки пословиц, среди которых немало и на социальные темы: «Корова на дворе, а квас на столе». «Закон, как паутина: шмель проскочит, а муха запутается», «Отдай душу в ад, будешь богат», «Бога-тому человеку целый век масленица, а бедному — великий пост», «Богатый орет, как немазаное колесо, и то хорош, а бедный скажет и умно, да пусты его карман и гумно», «Бедного человека одни зайцы боятся»⁴.

Так Архивная комиссия все больше от «живой старины» поворачивается к действительной жизни, а произведениям и материалам социальной проблематики ее члены всегда отдавали много внимания. В годы реакции нелегко было осуществить такой поворот. В 1911 г. в комиссии обсуждался вопрос об организации при университете Института изучения природы и истории Саратовского края. При рассмотрении его программы было решено, что предметом ученого исследования должно стать прошлое Среднего и Нижнего Поволжья. Изучение же текущей хозяйственной жизни края, как «тесно связанной с общественными взаимоотношениями его

¹ См. напр.: Ф. П. Коновалов. Материалы из архива мировых посредников Аткарского уезда. — «Материалы по крепостному праву, Саратовская губерния», издание Саратовской губернской ученой архивной комиссии, 1911.

² ГАСО, ф. 407, ед. хр. 4169.

³ ГАСО, ф. 407, ед. хр. 6254, 1911.

⁴ ГАСО, ф. 407, ед. хр. 5854, 1910.

слоев, желательно отсрочить, иначе затормозится появление такого учреждения...»¹. В 1918 г. Архивная комиссия, «выбитая общими событиями из колеи», жила «с тревожными чувствами за свою участь, со скудными, все уменьшающимися материальными средствами»². При этом она сделала все возможное для спасения от гибели и расхищения саратовских архивов. В списке государственных архивов, которыми вскоре комиссия завалила свои помещения, значится 22 названия, в том числе важные для истории общественных движений архивы Жандармского управления, Судебной палаты, временно-каторжной тюрьмы.

Надо сказать, что местные архивы Жандармского управления, Канцелярии губернатора, Охранного отделения и других обследовались лишь применительно к политическим событиям в губернии и почти не обследовались фольклористами. А между тем в делах этих учреждений встречаются материалы большой научной значимости, которых уже не получишь «из уст», вследствие безвозвратно ушедшего времени. В них немало рукописных текстов песен и стихотворений, песенников, листовок с песнями. Не только распространение, но и хранение их квалифицировалось тогда как политическое преступление. На виновного в этом — интеллигента, рабочего, крестьянина — заводилось дело, велось дознание, чтоб установить источник получения «преступного» произведения. Обнаружение во время обыска революционного стихотворения было свидетельством политической неблагонадежности российского гражданина, и он нес наказание за интерес к такого рода литературе. «Дела о песнях» велись с таким же тщанием, как и дела о распространении нелегальных газет, листовок, брошюр. Так, в 1916 г. у рабочих лесной пристани г. Царицына урядник «нашел записки» с двумя «стихотворениями». Одно — «Крестьянская марсельеза» («Отпустили крестьян на свободу»). Другое — студенческая песня «От зари до зари». В последнем позавидовавший студентам Николай-святой со своей службы у бога увольняется:

Люди в церковь идут, богу свечки несут,

А Никола святой похмеляется.

В связи с обнаружением этих песен было начато дело. В «Представлении» прокурору саратовской Судебной палаты

¹ ГАСО, ф. 407, ед. хр. 5871, 1911.

² ГАСО, ф. 407, ед. хр. 5964. Отчет о деятельности Саратовской губернской ученой архивной комиссии за 1918 год.

«стихотворения» расценивались как преступные и опасные: «одно с призывом к бунтовщическому деянию, а второе кощунственного содержания». В результате дознания было выяснено, что обе песни некий солдат «по имени Василий», бывший здесь на излечении в больнице, вписал в записную книжку одного из рабочих пристани. У последнего их переписали другие рабочие. Так как в больнице лечилось несколько солдат с именем Василий и все они разъехались, то полиция перенесла поиски виновного в места службы солдат (его так и не нашли)¹.

В отдельных случаях в делах сохранились целые тетради, записные книжки или пачка листов, заполненные революционными песнями и гимнами (чаще всего они принадлежали учителям). Когда «вещественного доказательства» — тетради — в деле нет², надежным источником сведений и ее содержания для исследователя становится протокол обыска, как правило, содержащий описание отобранных материалов. В нем со всей добросовестностью перечисляются песни, вписанные в тетрадь, а нередко цитируются места, показавшиеся блюстителю порядка особенно крамольными. Случается, что название песни в протоколе сопровождается определением: «известная», «тенденциозная», «преступная».

Помимо рукописных материалов, в делах можно встретить песни и стихотворения в виде листовок, размноженных на гектографе. Иногда текст в листовке сопровождается нотами.

- Гектографировались целые песенники, причем не только в Саратовской, но и уездными организациями РСДРП, учащимися учебных заведений, — нужда в доступном для широких масс агитационном материале была велика.

А. М. Новикова, исследовавшая революционную поэзию, справедливо подметила, что если в 60—70-е гг. XIX ст. подпольные сборники главным образом печатались за границей, то в 900-е годы, наряду с заграничными изданиями, широкое распространение имели и небольшие по объему песенные сборники местных социал-демократических организаций, издавав-

¹ ГАСО, ф. 9, оп. 1, ед. хр. 5793, 1916.

² По приговору Судебной палаты они часто подлежали уничтожению. Кроме того, отобранные при обысках «улики» отправлялись на хранение в особое помещение при Жандармском управлении, где их скопились коробки, тюки. Этот склад не сохранился.

шиеся в самых различных русских городах¹. При этом необходимо уточнить, что именно различные виды местных изданий были главным источником приобщения народных масс к агитационной поэзии. Их было много, они были доступнее всех других.

Саратовский комитет РСДРП и его группы на местах, а также организации социалистов-революционеров неоднократно печатали песенники и типографским способом (нелегально). Трудно сказать с точностью, как много было таких изданий. Судя по сохранившимся из них и по материалам протоколов, отдельные песенники были со значительным количеством стихотворений, песен и гимнов.

Ветер революции заносил в Саратовское Поволжье и издания комитетов РСДРП других краев (например, армавирского, самарского). Центральные нелегальные песенные издания также попадали в Саратов и даже в уезды. Например, известный «Первый сборник революционных песен», издания «Вещего Баяна» встречается в делах Жандармского управления.

Первые местные социал-демократические газеты («Саратовский рабочий», «Рабочая газета»), вопреки своим названиям, имели вид журналов с десятками страниц. Печатались они на гектографе нелегально. Среди материалов этих газет много места отводилось песенным и стихотворным произведениям революционной тематики, в том числе известного саратовского поэта — революционера А. Богданова, а также рабочих промышленных предприятий.

Саратовские социал-демократические газеты периода первой русской революции помещали на своих полосах революционные стихотворения и песни. «Пролетарская борьба» напечатала известное произведение А. А. Богданова «Песня пролетариев»². Или в одном из номеров газеты «За волю и землю» статья «Предсмертная песня» о расстреле в Кроунштадте мятежных матросов, заканчивалась песней «Мы сами копали могилу свою». При этом говорилось, что матросы поют ее на мотив «Вы жертвою пали»³.

¹ А. М. Новикова. Революционные песни XIX века в эпоху массового рабочего движения.—«Ученые записки Московского областного педагогического института», 1956, т. X, Труды кафедры русской литературы, вып. 2, стр. 155.

² «Пролетарская борьба», 1905, № 1.

³ «За волю и землю», 1906, № 2. Песня принадлежит Тану-Богаразу.

Таким образом, архивы губернских учреждений хранят материалы, представляющие большой интерес для исследователей революционной поэзии. Эти материалы явились основным источником для суждений об истории революционной поэзии в Саратовском Поволжье: ее объеме, степени известности отдельных сюжетов, времени широкого вхождения поэзии в общественный быт города и деревни, а также способах ее распространения, — все это вырисовывается из материалов дел с достаточной полнотой и объективностью.

П. Г. Ширяева, много занимавшаяся историей рабочего и революционного творчества, справедливо считает записи до-революционные и советского времени двумя основными источниками изучения рабочей и крестьянской поэзии¹. Архивные материалы, несомненно, должны быть отнесены также к числу источников первостепенного значения: в них немало текстов, печатных и рукописных, непосредственно связанных со своим временем и социальной средой. Данные архивов в соединении с полевыми записями позволяют рассмотреть раздельно историю бытования революционной поэзии в городе от ее истории в деревне. Такое разделение оправдано тем, что есть известная специфика в отборе деревней песен как рабочих, так и революционных.

Настоящая работа основана главным образом на материалах саратовских архивов, связанных с революционным движением прошлого. Прежде всего это архивы саратовского губернского Жандармского управления и Охранного отделения. Песенные и стихотворные тексты, сохранившиеся в делах этих архивов, часто являются вариантами уже известных произведений. Для многих сюжетов революционных песен сколько-нибудь значительных вариантных различий не будет: литературное их происхождение, письменный способ распространения обусловили большую устойчивость текстов. Особенности бытования новых песен, а также общность классовых чувств, волновавших народные массы, мешали проникновению в тексты песен черт местной жизни. Не случайно изучение революционных песен ведется в общерусском плане. Однако задача накопления материалов да к тому же связанных непосредственными узами со своим временем, несмотря на наличие фундаментальных сборников, еще далеко

¹ П. Г. Ширяева. Народное творчество революционной эпохи. — В кн.: Русское народное поэтическое творчество. Очерки по истории народного поэтического творчества второй половины XIX — начала XX века. АН СССР, М.-Л., 1956, т. II, кн. 2, стр. 331.

не решена. Новые варианты революционных песен могут явиться важным звеном в творческой истории отдельных сюжетов, уточнении времени и степени их известности.

Фольклор Саратовского Поволжья сравнительно полно собран в его классических жанрах. Что касается революционной поэзии, распространенной среди саратовского трудового люда, то о ней можно судить лишь в общем плане на основе общерусских данных¹. Между тем были такие периоды в жизни трудящихся, когда агитационная литература и песни борьбы удовлетворяли не только социальные, но и художественные запросы народа.

АГИТАЦИОННАЯ ПОЭЗИЯ В САРАТОВЕ В КОНЦЕ XIX—ПЕРВОМ ДЕСЯТИЛЕТИИ XX ВЕКОВ

«Тенденциозные» песни народников. Начало революционной поэзии в Саратовском крае было положено нелегальными изданиями и агитационной деятельностью семидесятников, которые, решив, что пропаганда не должна быть мимолетной и скоро проходящей², основывали в деревнях поселения. В Саратове они создали кружок пропагандистов с задачей организовать рабочих для будущего восстания. Здесь действовал центральный кружок партии «Народной воли». Художественные произведения и особенно песни рассматривались как наиболее верный путь к сознанию простолюдина: до народников никто не использовал так широко художественное слово в агитационных целях. Известно, что для многих из народовольцев стихи были доступным средством для выражения своих идеалов и их продвижения в массы. Стихотворно-песенное наследие народников ни по объему, ни по распространенности и революционному эффекту несравнимо ни с чем.

Саратовские пропагандисты собирались по субботам в доме на Ильинской улице, читали новые революционные издания, а «нередко пелись и революционные песни, которые были слышны далеко на улице»³. Агитационные песни народников в сборниках и в списках разносились по деревням. Это были известные песни: «Из-за матушки за Волги» (Н. Огаре-

¹ Несколько революционных песен, бытовавших у саратовских крестьян, напечатано в сб. Фольклор Саратовской области. Составлен Т. А. Акимовой под ред. А. П. Скафтымова. Саратов, 1946, стр. 176—182.

² А. П. Прибылева-Корба и В. Н. Фигнер. Народоволец Александр Дмитриевич Михайлов, М., 1925, стр. 10.

³ И. И. Майнов. Революционные кружки в Саратове, стр. 10.

ва), «Барка», «Дума кузнеца», «Дума ткача» (Синегуба), «Ослушная песня», «Славься, свобода и честный наш труд», «Разговор мужиков с царем» неизвестных авторов и др¹. При обысках и арестах у пропагандистов, помимо тетрадей с «крамольными» песнями, отбирался «Сборник новых песен и стихов» (Женева, 1873). Из произведений этого сборника «Доля» Д. Клеменца, созвучная думам обездоленного крестьянства, фольклоризовалась и дожила в саратовских селах до наших дней². «Вещественные доказательства» — печатные народнические пропагандистские издания и тетради с песнями — в делах не сохранились.

Пропаганда народников не пропала даром: в первой половине 80-х годов крестьяне многих саратовских сел читали на сходках революционные прокламации, оказывали систематическое противодействие властям при сборе выкупных платежей, захватывали спорные земли³.

Идеи народников, однако, не нашли в крестьянстве той поддержки, на которую рассчитывали их пропагандисты. Не привилась и поэзия, несмотря на ту инициативность, с которой она распространялась. Время этой поэзии в лучших ее образцах придет позже, когда она действительно станет народной. Но, по справедливому наблюдению В. Г. Базанова, народники привили фольклору современные мотивы, создали «массовую народную поэзию»⁴.

Народническая саратовская интеллигенция 80-х годов продолжала искать сближения с рабочими, и в своей агитационной работе она использовала опыт и особенно литературу предшественников. Агитационными песнями этого времени оставались народнические: «О Волга—мать, река моя родная», «Вставай, поднимайся, рабочий народ» П. Лаврова. Последняя, как свидетельствует видный народник И. Майнов, пелась на мотив, сочиненный «одним из саратовцев»⁵.

Но пока революционные песни — достояние интеллигенции. Так будет еще и в 90-е годы, когда в Саратове, как и всюду после голодного 1891 года, снова ожили народнические тенденции и делались попытки сплотить местных рево-

¹ ГАСО, ф. 53, ед. хр. 14, 4874; ед. хр. 3, т. III, 1875.

² Об этом см. ниже.

³ Из рапортов саратовского губернатора и прокурора в Министерство юстиции. «Крестьянское движение в России в 1881—1889 гг.» — Сб. документов. М., 1960, стр. 242, 377, 812 и др.

⁴ В. Базанов. Илья Муромец — крестьянский революционер. — «Русская литература», 1963, № 1, стр. 168.

⁵ И. И. Майнов. Революционные кружки в Саратове, стр. 21.

люционных деятелей, сгруппировать радикально настроенную молодежь¹. В одном из кружков «самообразования», объединившем семинаристов, гимназистов, студентов и крестьян, пели песни тех же народников: «То не пыль столбом валит — жандармерия катит», «На банкеты, на пиры не хватило нам казны»². Настроения саратовской общественности этого времени хорошо выражены в диалоге, имевшем место в Народной аудитории. Председатель «Общества изящных искусств» сожалел о том, что «далеко не вся интеллигенция пришла на чтения почтить день избавления народа от ярма»³. В ответ он услышал от крестьянина из с. Русский Камешкир Кузнецкого уезда: «Сняли хомут барский, да надели хомут царский»⁴.

В пропагандистской практике «новых народовольцев» конца века по-прежнему важное место занимала поэзия семидесятников («Утес» Навроцкого, «Дума ткача» Синегуба). Но наряду с ними переписывался «Орел-меценат» Щедрина. Время брало свое, и особые надежды «новые народовольцы» возлагали прежде всего на рабочих, «так как они больше других классов населения сплочены между собою и, находясь в тяжелых материальных условиях, они являются людьми, всегда более склонными ко всякой пропаганде против существующего образа правления»⁵. Но среди них живучи были прежние народнические идеалы, о чем свидетельствует следующее стихотворение из дела о «новых народовольцах», стихотворение, своей революционной символикой призывов, упоминанием «Степана» близкое семидесятым годам.

Вперед

Дружно, братья, мы народу
Наши силы посвятим,
К достижению свободы
Средства все употребим.
Пусть народ наш спит глубоко,
Убаюканный царем,
Успокоенный попами

¹ О. П. Меньшиков. Охрана и революция. К истории тайных политических организаций в России. Часть I. Годы реакции 1885—1898. М., 1925, стр. 121—123.

² ГАСО, ф. 53, ед. хр. 102, 1894. Текстов нет.

³ Имеется в виду 19 февраля 1861 г.

⁴ ГАСО, ф. 53, ед. хр. 102, 1894.

⁵ ГАСО, ф. 53, ед. хр. 22, т. 1, 1898.

И придавленный штыком.
Смело мы в среду народа
Свет науки принесем,
Спящих мы от сна разбудим,
Силы к жизни призовем.
И народ тогда восстанет
Против демонов лихих,
Как бывало при Степане,
За святыню прав своих.
Смело, братья, за свободу,
За народ... вперед!
Свет к народу, а с народом
На царя — вперед!

Так, в период реакции новые поколения революционеров своих песен не создавали; идейные преемники народников, они пользовались их агитационной литературой. Один из «новых народовольцев», у которого были отобраны две тетради «с революционными и тенденциозными», по квалификации протокола, стихотворениями, объяснил в показании, что он выписывал их собственноручно из нелегальных изданий «по сочувствию к развиваемым в стихотворениях революционным идеям»². Переписал он «Тюремные видения», «Жизни вольной впечатленьям», «Арест», «Песнь торжествующей свиньи», «Студенческую жизнь», «Послание в Сибирь», «Сон», «Веселая жизнь»³.

Подлинно новая поэзия будет создана социал-демократами. Но и в их революционной практике народнические песни займут почетное место, особенно на первых порах. Члены первой саратовской социал-демократической рабочей группы, по донесениям филеров, «затвердили» песню «Отречемся от старого мира». В трактире они распевали песни: «Ткачи», «Укажи мне такую обитель», «Дубинушку», популярные еще у народников. При обысках, наряду с такими новыми рабочими песнями, как «1 Мая», у них отбирались стихотворение П. Якубовича «Кузнецы», роман Степняка-Кравчинского «Домик на Волге»⁴.

Политическая поэзия в первых социал-демократических изданиях и кружках. Саратовские рабочие в конце XIX в. делали только первые шаги в организованной борьбе против

¹ ГАСО, ф. 53, ед. хр. 22, 1898.

² ГАСО, ф. 53, ед. хр. 22, 1898. Тетрадей в деле нет.

³ Перечислены в протоколе.

⁴ ГАСО, ф. 53, ед. хр. 95, т. 1, 1899.

произвола хозяев. В «Хронике саратовской жизни», напечатанной в газете «Саратовский рабочий», этом первом издании местной социал-демократической группы, писалось тогда о том, что Саратов отдален от ядра рабочего движения, но и здесь «по краям горизонта уже поигрывают зарницы, а порой слышится глухой рокот». «Глухой рокот» — это пусть мелкие, но успешные выступления экономического характера рабочих железнодорожных мастерских — и завода Беринга. «Прошло, должно быть, и для Саратова время, когда рабочий молча переносил насмешку и оскорбление, когда он брал, что дают, и не протестовал, будучи обкрадываем... Пришли другие времена, повеяло новым духом». В это время первой своей задачей саратовские социал-демократы считали сплочение рабочих: силы надо черпать «в тесном союзе друг с другом»¹. За «Хроникой» следовало исполненное революционной символики известное стихотворение Якубовича «Кузнецы» с его призывным последним куплетом:

Так и вы, друзья народа,
Кузнецы земли родной,
Стойте бодро в дни невзгоды
У горна борьбы святой!
Пусть грохочет непогода:
Молот наших мышц и дум
Счастье выкует народа,
Волю-долю... Дзиль-дзиль-дзиль.

Действенная идейная роль народнических песен в борьбе рабочих была очень велика и неоспорима, — справедливо пишет А. Н. Новикова².

В том же номере «Саратовского рабочего» впервые было напечатано стихотворение неизвестного автора «Прогнили основы, и рушиться зданье сегодня иль завтра должно», которое потом вошло в другие революционные издания:

Прогнили основы, и рушиться зданье
Сегодня иль завтра должно,
Бессильны его поддержать все старанья,
Свой век отслужило оно.
Преданье осталось: строители зданья
В работе своей вековой

¹ ГАСО. «Саратовский рабочий», 1899, № 2, гектографированное издание.

² А. М. Новикова. Роль и значение революционной литературной песни в рабочем фольклоре. — В сб.: Устная поэзия рабочих, стр. 73.

Цементом скрепляли его основание,
Пропитанным кровью людской.
Но время тяжелой своею рукой
Весь дом расшатало почти.
Приходят рабочие дружной толпой,
Чтоб ветхое зданье снести.
То смехом, то стоном в ушах раздается
Удар по стене вековой.
Обломок летит — и кровь алая льется:
Работник упал молодой.
Падет и еще не один под ударом
Обломков стены вековой...
Да, верно, тот дом был построен недаром
На крови горячей людской!

Весь материал этого номера един идейно и стилистически: символика, связанная с темой нарастания борьбы с царизмом, знамя которой должен взять рабочий класс, пронизала и статьи, и «подпирающие» их стихотворения.

Другой орган саратовских социал-демократов этого времени — «Рабочая газета» — не отступала от практики «усилить» свои статьи революционными песнями и стихотворениями. Несомненно, им придавалось огромное пропагандистское значение. Немаловажной задачей статей и агитационных произведений конца XIX — начала XX вв. было воспитание человеческого и гражданского достоинства рабочего люда. Мысль о том, что трудящийся — это титан, создатель всех материальных ценностей, звучит в песнях «Кто кормит всех и поит», в «Песне пролетариев» А. Богданова, гимне «Беснуйтесь, тираны» Г. Кржижановского и др. Саратовские социал-демократические издания начала века, обращаясь к рабочим, внушали, что пора покончить с таким положением, когда они, строители дворцов, живут в конурах, производители продуктов, не пользуются ими. Статья на такую близкую рабочему человеку тему заканчивалась длинным «Стихотворением», принадлежащим, по-видимому, перу поэта из рабочих и разрабатывающим ту же мысль: «труд наш не для нас»:

... * * * * *
...Веселятся дармоеды
За чужим столом.
Как же им не веселиться?—
Мы молчим и ждем¹ и т. д.

¹ «Рабочая газета», 1901, № 2, апрель.

Разоблачение тирании самодержавия, призыв к объединению для борьбы с ней, убежденность в грядущей победе неизменно подкреплялись стихотворениями. При этом известные тексты несколько переделывались, а порой существенно дополнялись. Так более чем вдвое увеличилось, а главное революционизировалось в начале XX ст. стихотворение А. Плещеева «По чувствам браться мы с тобою», ставшее песней. Оно сопровождало статью «Рабочей газеты» того же содержания:

По чувствам браться мы с тобою!
Мы в искупленье верим оба.
И будем мы питать до гроба
Вражду к бичам страны родной!
Придет пора, настанет час,
И встанут спящие народы!
Святое воинство свободы
В своих рядах увидит нас.
Плотнее же в ряды сомкнемся
И отразим врага не раз!
Счастливого конца дождемся,
Победа будет и для нас.
Не жалко нам расстаться с жизнью,
Да мы, друзья, и не живем,
А лишь являемся машиной,
Другим богатство создаем.
Смелее же, друзья, вперед!
Бодрей беритесь за дело,
Свобода впереди нас ждет,
Восторжествует наше дело!
Придет пора, настанет время,
Младые силы подрастут,
Вскричат орлы, и цепь насилия
Железным клювом расклюют¹.

Примеров подобного «подкрепления» газетных статей, листовок на политические темы уже известными стихотворениями или сочиненными вновь много — это типичный прием революционной пропаганды рубежа веков.

Среди произведений революционной тематики, пропагандируемых саратовской нелегальной печатью, особо следует от-

¹ «Рабочая газета», 1901, № 6, август. Песня была популярна в революцию 1905—1907 гг.: она часто попадала в песенники этого времени (ГАСО, ф. 53, ед. хр. 12, т. 1, 1906).

метить стихотворение профессионального революционера и поэта А. А. Богданова. В течение нескольких лет он жил в Саратове, участвуя в работе саратовской организации РСДРП. Несколько лучших произведений А. А. Богдановым написано во время пребывания его в Саратове. Известное стихотворение «Первое мая (1902 года)» было его откликом на саратовскую демонстрацию 5 мая 1902 г. Оно распространялось в списках при подготовке к маевкам 1903 года¹. Здесь А. Богданов написал новый текст «Дубинушки» («Эту песню не сам я собою сложил»), впервые напечатанный без имени автора в саратовской «Рабочей газете». В саратовской тюрьме он написал стихотворение «Узник», которое было опубликовано в 1906 году в местной «Нашей газете». В 1905 г. тоже в Саратове он написал второй вариант «Песни пролетариев» под названием «К борьбе, пролетарий! К оружию, голодный». Известно, что «Песня пролетариев» А. Богданова была вольным переложением польской революционной песни. В саратовском варианте 1905 г. Богданов, можно сказать, русифицировал текст, введя в него намеки на дальневосточные события, на расстрел демонстрации у Зимнего дворца, он ввел дополнительный куплет с призывом к оружию, к борьбе и победе:

Пробудитесь, собирайте дружины с любовью,
Под знаменем красным клянитесь — кто смел.
Клянитесь, клянитесь, что купите кровью
Святую свободу и лучший удел.
Клянитесь, что царство тиранов погибнет,
Что близится век справедливый, свободный².

Эти изменения, безусловно, продиктованы новым временем. Стихотворение было напечатано в социал-демократической газете «Пролетарская борьба» 15 июня 1905 г.

Для политического воспитания членов социал-демократического рабочего кружка В. Костровского широко привлекались художественные произведения. По донесениям филеров, кружок Костровского ставил целью «распространение среди рабочих преступных изданий». Он установил связь с селами, куда переправлял социал-демократическую литературу. Если

¹ Революционная поэзия (1890—1917). Вступ. статья, подготовка текста и прим. А. Л. Дымшица. Изд. 2, Л., 1954, стр. 553. (Библиотека поэта. Большая серия).

² А. А. Богданов. Избранное. Саратовское Областное государственное изд-во. Составили В. М. Черников и Н. Л. Богданова. Вступ. статья и комментарии В. М. Черникова. 1951, стр. 61—62.

судить по списку произведений «для читателей среднего развития»¹, в кружке рабочие читали романы революционных демократов, народников, а также книги популярного у последних саратовского писателя Д. Мордовцева: «Политические движения русского народа», сочинения о Разине и Пугачеве. Одним из мест сборов членов кружка был Зеленый остров на Волге, где ими пелись революционные песни. Наряду с другой нелегальной литературой Костровский предназначал для размножения на гектографе «Сборник революционных песен».

У членов этого кружка большим вниманием пользовались стихотворения еще народнического периода, которые и отбирались при обысках. Учитель из крестьян Кузьма Кожаев, работавший в школе грамоты близ Саратова, хранил в рукописи сатирическое стихотворение, приписываемое П. Л. Лаврову и датированное 1855 годом:

Когда он в вечность удалился,
Наш незабвенный Николай,
К Петру апостолу стучался,
Чтоб отпер ему двери в рай.
— Ты кто? — спросил его апостол.
— Как кто? Я царь российский — Николай
— Ты царь? Так подожди немножко,
Ты знаешь, в рай узка дорожка.
— А это что за сброд?
Бояре иль простой народ?
— А это — россияне,
Твои бездушные крестьяне,
Они все по миру пошли
И нищими к нам в рай взошли.
«Так вот что!» — думал Николай.
И пишет сыну: «Милый Саша!
Тяжка на небе участь наша.
Коль подданных своих ты любишь —
Богатством их ты только губишь.
А если хочешь их спасти —
Так всех их по миру пусти!»²

Список стихотворения несет следы упрощения и переосмысления (вместо «дворяне» — «крестьяне»), свидетельствующие о бытовании его в устной практике. Кожаевым оно

¹ Отобран у токаря завода Гантке. ГАСО, ф. 53, ед. хр. III, 1900 г.

² ГАСО, ф. 53, ед. хр. III, 1900.

было переписано дважды, видимо, для распространения. Отрывки из стихотворений М. Михайлова, Добролюбова, Некрасова, текст Богораза «Не божий здесь алтарь и не роскошный трон» имеются в бумагах, отобранных у Кожаева.

Рабочий М. Иванов в течение ряда лет переписывал разные стихотворения, как правило, пропагандируемые еще народниками. Среди них: Н. Огарева «Искандеру» («О! Если б ты подумать только мог!»), «Утес» Навроцкого, почти полностью совпадающий с авторским текстом, но с добавочным куплетом:

Но прошла старина, и что в те времена
Лишь мятежною вспышкой казалось,
То теперь решено, но не все, а одно
И надолго вопросом осталось¹.

Слесарь завода Шиллера Трусов, раздававший рабочим брошюры революционного содержания, вписал в тетрадь стихотворения: «Царь-голод», «Вольный рабочий», «Размышления у парадного подъезда». Отдельно, на листок с хозяйственными расчетами, явно по памяти внесена им «Дубинушка», — переделка мужественной, пророческой песни, связываемой с именем А. А. Ольхина.

«Дубинушка» имеет на редкость содержательную и сложную биографию. У этой песни была широчайшая популярность и долгая жизнь. Начало ее — на Волге, у бурлаков, импровизировавших двустушья с припевом «Эх, дубинушка, ухнем», необходимым для организации трудовых усилий². Такие же близкие к трудовой «Дубинушке» куплеты слагались и для развлечения бурлацкой артели в пути. Для бурлацких припевок органична была социально-бытовая сатира:

Мы подачей работали,
В году праздников не знали,
Ах, ну, ох ты мне,
В году праздников не знали,

¹ ГАСО, ф. 53, ед. хр. III, 1900. После слов: «А в постыдном бою с мужиком-палачом он сложил свои буйные кости».

² Е. Гиппиус. «Эй, ухнем», «Дубинушка». История песен. Советский композитор, М., 1962.

А вот село Козино,
Много девок свезено,
Ах, ну, ох ты мне,
Много девок свезено¹.

Под именем «бурлацкой» «Дубинушка» жила в саратовских деревнях и использовалась на работах при постройке плотин, на масленках. При этом в куплеты ее неизменно включались сатирические элементы бытового содержания:

Вот мордвин
Да сунь-подвинь,
Да у-у-ухнем.
Вот хохол
Да шел, попер
Да у-у-ухнем!...²

Золотая наша рота
Тащит черта из болота.
Ой, дубинушка, ухнем
Ой, зеленая, подернем,
У-у-у... Идет, идет.
У тетушки у Матрены
Иступились веретены.
Ой, дубинушка, ухнем,
Ой, зеленая, подернем.
У-у-у... Идет, идет³.

В практике поэтов демократического направления — В. И. Богданова, Л. Н. Трефолева — были попытки сложить сюжетные песни типа народной «Дубинушки». Их литературные опыты оказались удачными в том смысле, что стихотворения этих поэтов стали известными песнями: «Дубинушка» Богданова получила «певческое распространение в революционных кружках во многих народных редакциях» с середины 1870 года⁴, одноименное стихотворение Трефолева печаталось в дешевых изданиях для народа и вошло в его репертуар⁵. Благода-

¹ Ф. Н. Родин. Опыты восстановления бурлацкой песни по несколькими вариантам. — «Труды Нижне-Волжского Областного Научного Общества Краеведения», Вып. 35, ч. 5, Саратов, 1928, стр. 13, 16.

² Н. Ольгин (Слепцов). В порядке вещей. Деревенские очерки. — «Саратовский дневник», 1890, № 191. Песню поет артель, ремонтирующая господскую плотину.

³ Горожанин. Деревенские письма. Письмо второе. — «Саратовский дневник», 1893, № 223. Поют рабочие, надевая ремень на шкив.

⁴ Е. Гиппиус. «Эй, ухнем», «Дубинушка». История песен, стр. 25.

⁵ Записывалась как песня в саратовских селах экспедициями 50-х годов.

ря Богданову, «Дубинушка» вошла в среду интеллигенции и скоро стала революционной песней¹. Широко известен был и другой ее литературный текст — «Барка» Д. А. Клеменца. В 1885 г. к теме «Дубинушки» обратился адвокат А. А. Ольхин. До недавнего времени он считался автором революционной «Дубинушки», получившей повсеместную известность. В последние годы найдены тексты 70-х годов, с четверостишьями, совпадающими с ольхинскими. Е. Гиппиус утверждает, что в знаменитой революционной «Дубинушке» Ольхину может принадлежать лишь одно-два четверостишья. Основным же ее источником является фольклоризовавшийся, обросший новыми строфами текст Богданова². Надо сказать, что Ольхин не исключал для себя такой путь создания произведений для масс: известно, что он просил товарищей «доставлять ему песни, поющиеся между фабричными, чтобы переделывать их в революционные»³.

Время конца XIX и особенно начала XX ст. в истории революционной поэзии характеризуется необычайным расцветом песен-переделок. Собранием таких переделок известных песен и стихов на политический лад порой становились целые песенники⁴.

Показательно то, что материалом для переделок всегда служили литературные песни и стихотворения. Традиционная крестьянская поэзия, даже с темами общественного протеста, изживала себя как поэзия борьбы. Она оказалась непригодной и для переработок, хотя ее образцы еще не утратили своего социального содержания. Революционная поэзия — это прежде всего поэзия профессионалов-революционеров, а также творчество рабочего класса, исполненное в традициях революционной поэзии XIX в.

В делах Жандармского управления Саратова есть немало вариантов «Дубинушки». Причем основой для переделок всегда служил текст, приписываемый А. А. Ольхину. В одних редакциях, явно адресуемых крестьянам, говорилось о веко-

¹ Е. Гиппиус. «Эй, ухнем», «Дубинушка». История песен, стр. 16.

² Там же, стр. 20, 21.

³ Вольная русская поэзия второй половины XIX века. Изд. 2. Вступ. статья С. А. Рейсера. Л., 1959, стр. 798. (Библиотека поэта. Большая серия).

⁴ Напр., Сергей Галанский. Свободные песни 1906 г. (памяти родных поэтов). Т-во «Вольная типография», СПб., 1907. Здесь: «Не говори, что Дума все сгубила», «В полном разгаре жестокость свирепая», «Ранняя осень. Свободы забыты» и др.

вых крестьянских нуждах и бедах. Таков именно текст в бумагах слесаря из крестьян Трусова. В нем налицо прямое обращение к мужику:

Спишь ты, русский мужик,
Позабыв о желанной свободе¹
среди полей и лесов,

Были и такие вариации, которые творчески объединяли два произведения А. Ольхина — «Дубинушку» и «У гроба». Так, в 1903 г. в записной книжке заведующей аткарской библиотекой Чернавиной был обнаружен сводный текст с окончанием, заключающим в себе, по определению протокола, «преступные места». Вспоминалась гибель тысяч русских солдат под Плевной 30 августа 1877 г., в день именин Александра II. Неподготовленное наступление предпринял брат царя:

Именинный пирог из начинки людской
Брат подносит державному брату,
А в равнине степной буйный ветер разнес,
Разметал он мужицкую хату...
На князей и бояр, на царей и цариц
Народ создан рабочей скотиной,
Вместо правды в судах, вместо школ и больниц
Щедры платят ему лишь дубиной и т. д.

В протоколе говорилось, что «Дубинушка» в записной книжке Чернавиной начинается обычными словами: «Много песен слышал я в родной стороне». Внимание ротмистра привлек конец песни, по-видимому, новый для него, который и был им процитирован². Куплеты о Плевне («Именинный пирог из начинки людской») были включены в какой-то уже поздний момент биографии этой замечательной песни и в дальнейшем закрепились в ней³. «Дубинушка» распространялась устно и была действительно массовой революционной песней. В ней переставлялись строфы, варьировались отдельные строки, может быть, приспособляясь к определенной местности. Во всяком случае, такая локализация места как «А в равнине степной...» очень показательна для саратовского Поволжья.

¹ ГАСО, ф. 53, ед. хр. 111, 1900. Первые два куплета, начинающиеся слова: «Много песен слышал я в родной стороне» и «Иностранец-хитрец, чтоб работе помочь» — близки авторским.

² ГАСО, ф. 53, ед. хр. 91, 1903.

³ «Дубинушка» с такими же строками и в эти же годы была отображена у 17-летнего псаломщика с. Русский Камешкирь Кузнецкого уезда. (ГАСО, ф. 53, ед. хр. 110, 1904).

В переделках «Дубинушки» 1905 года (и позже) счет царизму увеличивался: военные поражения на Востоке, расправы с недовольными, конец терпению и расплата трудящихся с угнетателями, — рабочий класс дописывал в этой песне историю царизма и своей борьбы с ним:

...Сколько сил молодых на равнинах чужих
Уложили «владыки народа»!
Посмотрите, как много убогих, нагих —
То о «благе народном» забота!
Перебили солдат, потопили весь флот —
Эх ты, матушка-Русь, расступися!
Для любимцев царя создавай вновь оплот,
Выворачивай мощну, не скупись!¹ и т. д.

Новые куплеты в других текстах касались острых моментов внутренней политической жизни:

«На Руси на святой жандармерии рой,
Рой шпионов летает, как туча»...²
«Что ни день, что ни час, издавая приказ,
Царь врагов себе наживает...»³

Редкий песенник не включал «Дубинушку». Случалось, что она, разрастаясь, занимала несколько листов, иногда до 24 строф. Требования художественности или просто поэтической грамотности отступали перед задачами злобы дня. Побуждаемый событиями времени, губернский или даже уездный издатель песенника, отпечатанного на гектографе, без труда мог сочинить добавочные куплеты в стиле «родной дубины». «Досочинение» известных революционных песен, особенно в начале века и в революцию 1905 г., было столь же распространенным явлением, как и процесс их переделок: безызвестные поэты стремились усилить агитационный эффект песен.

Варьирование текстов революционных песен в списках и разного рода местных изданиях первого десятилетия XX в. — факт творческой жизни агитационной поэзии профессионалов в широких слоях народа, поднявшегося на борьбу.

¹ ГАСО, ф. листовок. Напечатана на гектографе с нотами и двумя припевами: «Эх, дубинушка, ухнем!» и «Эй, пора, пора народу добывать себе свободу, свободу, свободу!»

² ГАСО, ф. 53, ед. хр. 12, т. 1, 1906.

³ Там же.

Как правило, все, кто в разное время брался за «Дубинушку» для частичной ее переработки или создания нового текста, не могли уйти от первоначального идейно-стилистического пафоса песни: новая редакция или оригинальный текст неизменно говорили о страданиях народа в настоящем и пророчествовали об ином его будущем. В этом же плане выдержана и талантливая вариация на тему «Дубинушки», которую впервые напечатала в 1902 г. саратовская социал-демократическая «Рабочая газета». Она принадлежала А. А. Богданову:

Эту песню не сам я собою сложил,
И не деды ее мне пропели.
Нет, ту песню принес ко мне ветер с могил,
Где останки товарищей тлели.
Тише, вслушайтесь в звуки фабричных свистков,
Лязг цепей, крик безвольных, бесправных рабов,
Плач детей беспризорных, голодных,
Стон и скрежет проклятий народных...
Через Польшу, Финляндию, Дальний Кавказ,
Вплоть до тундры, где день безнадежно погас,
Стон за стоном несется, как в буре морской,
За волною волна, за прибоем прибой.
Стон за стоном... На шахтах, полях, рудниках,
У плавильных печей, за станками,
Надрываясь в тяжелых бессменных трудах,
То—рабочие идут рядами...
И пред ними впереди, кандалами звеня,
В путь Сибири холодной
В ожидании близкого лучшего дня,
Идут вестники жизни свободной.¹

В чисто пролетарской переделке «Дубинушки»—«Машиношке»—решительный перевес взяла тема возмездия царизму. В Саратовской губернии «Машиношка» распространялась в листовках, по-видимому, гектографируемых и с рукописей: тексты в листовках варьируются в отдельных выражениях, в чередовании куплетов.

За годами года проходили чредой,
Изменилась родная картина;
И дубина с сохой отошла на покой,
Их сменила царица—машина!

¹ ГАСО, «Рабочая газета». Издание Саратовского Комитета РСДРП, 1902, январь, стр. 23—24. Гектографированное издание.

Эх, машинушка, ухнем!
Эх, железная, сама пойдет!
Наладим да смажем, да пустим!¹

Старый строй разрушал капитал-властелин,
С корнем рвал он дворянские роды,
Мужиков и ребят из родных палестин
Гнал на фабрики, верфи, заводы.

Где дворянская жизнь, что лилася рекой?
Уж не гнутся на барщине спины.
Правит Русью купец золотою рукой,
Мужиков превратил он в машины.

Знать, английский урок не пропал — пошел впрок,
Поумнел наш российский купчина;
Лишь рабочий порой восклицает с тоской:
«Тяжелее сохи ты, машина!»

Но наш царь не сплюшал: он купца обласкал,
И купец ему ныне опора,
А наш русский мужик и к машине привык,
Его грабит купецкая свора.

Но страшись, дерзкий царь! Мы не будем, как встарь,
Безответно носить свое горе,
А, как в бурю волна, пробуждаясь от сна,
Люд рабочий бушует, как море!

Мы разрушим вконец твой роскошный дворец,
Только пепел от трона оставим,
И порфиру твою мы отыдем в бою
И порежем ее на знамена!

Без дворян и бояр очутился наш царь,
Кто поддержит тебя, сиротина?
Кто опорой тебе будет в новой судьбе?
Кто заменит тебе дворянина?

Фабрикантов-купцов—твоих верных сынов,
Мы, как ветер, развеем по полю.
И на место вражды да суровой нужды
Установим мы братскую долю!²

¹ Повторяется после каждого куплета.

² ГАСО, ф. листовок. Листовка напечатана Балашовской группой РСДРП на гектографе в декабре 1905 г.

И в более поздних перепечатках содержание «Машинушки» оставалось прежним. Усиливались угрозы трону, варьировались эмоциональные оценки угнетателей.

А наш русский мужик и к машине привык,
Его гложет продажная свора¹.

Таких значительных вариаций, какие испытала «Дубинушка», «Машинушка» не знала. Жизнь «Дубинушки» была долгой и творчески-интенсивной. Народническая песня, она с течением времени стала пролетарской, получив признание в массах много позже своего рождения².

Художественная литература и публицистика в революционной борьбе. В формировании гражданских чувств и убеждений интеллигентной молодежи на рубеже веков огромная роль принадлежала художественной литературе. В делах Жандармского управления встречаются письма, отобранные при обысках. Следствию редко удавалось установить имена авторов корреспонденций. Но круг их общественных интересов вырисовывается из писем с достаточной определенностью. Большое место в посланиях занимают сообщения о приобретенных и прочитанных книгах, советы о том, что читать и как прочитанное «приложить» к жизни. Чехов в одном из писем оценивается как писатель, хорошо передающий настроение общественного ума и сам проникнутый этим настроением, а деревня, изображенная в его повести «В овраге», разбиралась с точки зрения ее соответствия действительной жизни и несоответствия народническим представлениям: «Чехов с высоты своего художественного объективизма изображает нам современную деревню, в которой нет ничего, кроме печалей и вздыхания да еще громкого нравственного хрюканья тех, у которых и «кожа-то мошенническая». Из этих писем видно, что Щед-

¹ ГАСО, ф. листовок.

² В истории «Дубинушки» были попытки использовать известность этой революционной песни в борьбе против «крамольников». В августе 1906 г. какая-то саратовская реакционная организация отпечатала листовку с «Дубинушкой». В ней утверждалось, что теперь в родную песню русского народа «новое что-то закралось»: это «злодеи», у которых нет ничего дорогого, «свое туда вставили слово». И новую «Дубинушку» поет не народ, «на работе себе помогая»,

Нет! Толпа ее в диком безумстве поет
Под влиянием вражьих наветов,
Когда против царя и отчины идет,
Против божьих священных заветов!

ГАСО, ф. 53, ед. хр. 12, т. VII, 1906, л. 86.

рин, с его трезвым взглядом на трудности, ожидающие революционера на стезе пропагандистской работы, пользуется у молодежи большим авторитетом. Цитации произведений Щедрина прямо говорят о пересмотре новым поколением революционеров народнических иллюзий, о готовности их к большим трудностям и испытаниям на пути к массам. «Сказать человеку толком, что он человек, — на одном этом предприятии могут изойти кровью сердца. Дать человеку возможность различать справедливое от несправедливого — для достижения этого можно душу свою погубить», —сылается неизвестный адресат на Щедрина¹.

Использование в широких масштабах художественной литературы в целях агитации начато было народниками-пропагандистами. В работе их преемников, последующих революционеров и социал-демократов, эта традиция укрепилась. «В дело» пошли прежде всего произведения народнических писателей. Ртищевские учителя, например, давали железнодорожным рабочим читать «Домик на Волге» Степняка-Кравчинского. Один из рабочих, табельщик Петр Кошкин, на допросе утверждал, что рабочие считали такие книги более понятными². «Домик на Волге» был отобран при обыске у одного из членов первой социал-демократической рабочей группы³.

Массы потянулись к политическим знаниям, к «запрещенной» литературе. Вкус к ней был уже воспитан той «демократической дешевой брошюрой», о доступности которой писал В. И. Ленин: «Желанное для одного из старых русских демократов «времечко» пришло. Купцы бросали торговать овсом и начинали более выгодную торговлю — демократической дешевой брошюрой. Демократическая книжка стала базарным продуктом. Теми идеями Белинского и Гоголя, которые делали этих писателей дорогими Некрасову — как и всякому порядочному человеку на Руси — была пропитана сплошь эта новая базарная литература»⁴.

Еще в начале XX в. удивительное разнообразие представляет образовательная и агитационная литература социал-демократов: Марко-Вовчок и Островский, Шелгунов и Чернышевский, Степняк-Кравчинский и Михайловский, Костомаров и Мордовцев, Щедрин и Бельтов, Бакунин и Каутский обна-

¹ ГАСО, ф. 53, ед. хр. 42, г. I, 1900—1901.

² ГАСО, ф. 53, ед. хр. 108, 1900.

³ ГАСО, ф. 53, ед. хр. 95, т. I, 1899.

⁴ В. И. Ленин. Еще один поход на демократию. — Полн. собр. соч., т. 22, стр. 83.

руживаются и значатся в списках для самообразования рядом с Марксом и Энгельсом. Это омешение отражало и трудные поиски революционной мысли, и широту экономических, политических, морально-этических и художественных интересов самих социал-демократов.

Среди бумаг дела «О проверке хранящихся при управлении вещественных доказательств, отобранных у разных лиц с 1905 года» (ГАСО, ф. 53), есть письмо некоего А. Болдырева от 19/VI-1905 г. к саратовскому потомственному почетному гражданину В. Репникову. Оно раскрывает, с какой непосредственностью воспринимались художественные произведения в то время. В чтении их видели практическую пользу. «Советую тебе прочесть одну статейку из журнала «Знание» под заглавием «Страна отцов» Гусева-Оренбургского, — писал А. Болдырев. — Замечательная современная вещичка, мастерски описанная, так что, если начнешь читать, то и не оторвешься, хоть кол тебе на голове теши. Демонстрации рабочих, забастовка, бунт на ярмарке, речи попов, сцены из их жизни — все это так художественно изложено, что поневоле заставляет поддаваться подобному же чувству и принести свою малую лепту. Если ты не читал, то советую тебе немедленно достать...».

Статьи Чернышевского и русских критиков XIX в., произведения Маркса и Энгельса, художественное и публицистическое творчество писателей-народников входят в круг чтения группы А. Альтовского, на первых порах именовавшей себя социал-демократической. В конце XIX в. учащиеся саратовских учебных заведений собирали многолюдные нелегальные и легальные вечера. В полицейских донесениях говорилось о том, что «наиболее энергичные из учащихся образовали революционный кружок, назвав себя членами саратовской социал-демократической группы», что революционная интеллигенция «счеvidно задалась целью принять все меры к большому сосредоточению и изысканию средств к поддержанию господствующего теперь социал-демократического направления, признавая одно его лишь вполне целесообразным в борьбе с правительством»¹. Интересно то, что, несмотря на критику народнической тактики, художественные произведения народников и особенно поэзия, как доступная массам, оставалась на вооружении революционеров.

¹ ГАСО, ф. 53, ед. хр. 42, т. I, 1900—1901.

При обысках у членов этой группы отбирался, например, «Утес» Навроцкого. У студента механико-технического училища В. Герлиха было изъято гектографированное стихотворение М. Михайлова, известное под названием «Народовольческого марша».

Надо думать, что только в среде учащихся имели хождение такие стихи, как революционная переделка старой студенческой песни:

Раз студенты толпой
Возвращались домой
Тихо.
А жандармский нахал
Их за то отхлестал
Лихо...

Жандарм советует студентам не бунтовать:

Ну-ка будьте умней,
За ученые скорей
Гоже!

19 февраля 1900 г. сходка в частной квартире привлекла до 60 человек молодежи. В жандармской «справке» сообщалось о том, что участники ее пели песню, в которой были слова «Что наш царь Романов правит барку на мель, а мы дадим барке ходу и побросаем бояр в воду», с припевом «Ух, дубинушка, ухнем!» Речь идет о «Барке» Д. Клеменца, пользовавшейся известностью среди революционной молодежи². По признанию одного из участников вечеринки, здесь пелись и другие песни: «Дубинушка» с революционными куплетами, «Назови мне такую обитель», «Отречемся от старого мира»³. В донесениях о сходках полиция неизменно фиксирует исполнявшиеся песни: для властей они — доказательство неблагонадежности. Часто это песни, воспринятые от предшествующего периода.

Стихотворения и песни периода русско-японской войны и революции 1905 года. Сатиры. Песни к солдатам. События внешней и внутренней жизни России — позорная война, затеянная царским правительством с Японией, и созыв Государственной думы — вызвали к жизни целый цикл стихотворений,

¹ ГАСО, ф. 53, ед. хр. 42, т. I, 1900—1901.

² ГАСО, ф. 53, ед. хр. 42, т. II, 1900—1901.

³ Там же.

главным образом, сатирических. И война, и новые политические учреждения должны были отвлечь массы от революционной борьбы. Сатирические стихотворения с их меткой оценкой и разоблачением бездарных и проворовавшихся царских генералов и министров — замечательное свидетельство того, какой высокой степени достигло развитие не только революционного сознания передовой русской интеллигенции, но и трудящихся масс. Стихотворения были показателем близорукости правительства, пытавшегося повернуть внимание масс к внешнеполитическим вопросам или либеральным реформам.

Саратовский мещанин Иван Касаткин вписал в свою тетрадь-альбом рифмованную присказку сатирического характера, вскрывающую такие «порядки» в армии, да и в стране, при которых немисливо выиграть войну: «Японец ростом мал — зато сытостью взял. Одежда у него с иголки, амуниция — сейчас с полочки. А у русского солдата на коленях заплата. И щеки у него ввалились, потому что русские командиры пищей поскупились. О японском солдате заботятся, как о родном брате: у него хлеб, мясо и чай, хоть отбавляй, рыба и рис. А у наших — только мука после крыс. Да еще торговец-христородавец, трехутробный мерзавец в муку песку подсыпает. А начальство-то хоть и знает, его не обидит, оно будто глядит и не видит: у начальства глаза золотом замазаны, хаборами руки связаны. А комендант так расчисляет на солдате: сколько казенного добра пропадет, все равно убьют, хунхузы обдерут»¹.

Вероятно, это редкая присказка записана в альбом во время войны, в период поражений русского правительства.

В эти же годы в стиле литературных сказок XIX в. было сложено стихотворение — сатира «Витте край наш подымал и себя не забывал», высмеивающее всех незадачливых генералов — участников обороны Порт-Артура: адмирала Алексеева, генерала Куропаткина и др. В Саратове, судя по материалам, оно распространялось рукописным путем².

Сатирической переделкой известного лермонтовского «Бородина» является текст, извлеченный из рукописи П. Л. Юдина «Саратовская революция 1905 года». Юдин указывал, что стихотворение доставлено ему 30 января 1905 г.

¹ ГАСО, ф. 407, ед. хр. 6598.

² ГАСО, ф. 53, ед. хр. 341, 1906; ед. хр. 9, т. III, 1908. Близкий вариант под названием «Герои» имеется в рукописи П. Л. Юдина о революции 1905 года в Саратове, с пометкой «1905 года» (ф. 407, ед. хр. 1365).

Скажи-к, дядя, ведь недаром,
 Подобно ракам и омарам,
 В душе с отвагой, в сердце с жаром
 Мы пятились назад?
 И что при каждой новой схватке
 Мы от японцев без оглядки,
 Но «в полном боевом порядке»
 Бежим, бежим во все лопатки,
 Пускай их целят в зад.
 Ну что ж, мой друг, чего же проще?
 Ведь мы надеялись на мощи,
 С утра ходили до полночи,
 Мы по местам святым.
 И клали низкие поклоны,
 А вместо пуль для обороны
 Везли с собой одни иконы,
 Подвел нас Серафим!¹

Юдин собрал и другие «нелегально распространявшиеся произведения» сатирического свойства, вроде «Письма Микадо к русскому императору» с предложением заключить мир на таких невозможных для России условиях:

.
 Дай попов мне пару трезвых,
 Двух чиновников дай честных,
 Двух студентов дай небитых,
 Двух солдат в одежде, сытых,
 Грамотных дай мужиков,
 Два села без казаков...
 И конец тогда борьбе,
 Все, что взял, отдам тебе.

В ответных письмах царь предлагает ему то, «чем богат»: Ухтомского—адмирала, Орлова—генерала, Муравьева—оратора и любого губернатора, Кирилла и Бориса... Но «в ответ сказал Микадо: «Этой сволочи не надо»².

Пародирование воображаемой переписки царя с его внешними и внутренними врагами — распространенная в это время форма осмеяния русского самодержца. Обмен письмами состоялся якобы между царем и «обществом» в связи с неудавшейся попыткой правительства обсудить на съезде депу-

¹ ГАСО, ф. 407, ед. хр. 1365.

² Там же.

татов от 34 земских губерний создавшееся положение и изыскать способы к улучшению внутреннего состояния России (с 6 по 9 ноября 1904 г.). Резолюция этого съезда повергла Николая в негодование:

Как у нас в городке,
На Неве на реке

Ника

Из себя вышел вон,
Ножкой топает он

Дико.

И кричит: — Ей же, ей,
Им не дам, хоть убей,
Воли.

Будет все, как и встарь,
Аль я больше не царь
Что ли?

Я повластвую всласть
И не сделаю власть
Мою куцой.

Прикажу все снести
И не дам завести
Конституций.. и т. д.

«Общество» отвечало ему:

Ох ты, царь Николай!
Ты на земство не лай,
Ишь, задорник!
Ты б их слушал совет,
А ругня—не ответ:
Ты не дворник.

Лучше земцам внемли:

Они люди земли
Нашей.

А не то... путь иной
К немцам с сыном, женой
И мамашей¹.

Пародирование церковных жанров — распространенный способ создания сатир в начале XX века. Так, в «Молитве» уничтожающую характеристику получило самодержавие, пра-

¹ ГАСО, ф. 407, ед. хр. 1365. Эта сатира была напечатана в 1905 г. Самарским комитетом РСДРП в сб. «Песни борьбы». В январе 1906 г. он был отобран в Саратове у пензенского крестьянина при обыске (ф. 53, ед. хр. 12, т. VII).

вославие и армия. Исправник, отобравший ее у поселянина из Сызмарской губернии Николая Фидлера в январе 1906 г. в своем донесении в Жандармское управление обращал внимание на то, что «Молитва» «крамольного направления и пасквильного содержания, в коей затрагивается особа его императорского величества, весь царствующий дом, министры в крайне кощунствующих словах»¹. Другой ее рукописный текст был обнаружен у пензенского крестьянина Ивана Макеева, задержанного в том же году в г. Петровске:

Господи, помилуй,
Царя Николашку,
Жену его Сашу,
Мать его Машу,
Трепова—генерала,
Макарова—адмирала,
Победоносцева—секретаря,
Алексея—моряка,
Владимира—provokatora,
Княгиню Елизавету
И всю сволочь эту.
Булыгина—министра,
Иоанна—митрополита,
Иоанна—иезуита,
Кропоткина—хвата,
Небогатова—фата,
Витте—победителя,
Полицию—грабителя,
Казачков—палачей
И других сволочей.
Воздай им, Господи,
И бедную Россию
Не покинь. Аминь².

В машинописном варианте Фидлера упоминается известный в Поволжье мракобес-архиепископ «Черносотенник Гермоген»³.

Официальный гимн того времени «Боже, царя храни» пародировался в одноименной сатире, которая в Саратове распространялась в виде гектографированной листовки и была отобрана у крестьян.

¹ ГАСО, ф. 53, ед. хр. 12, т. VII, 1906, л. 413.

² ГАСО, ф. 53, ед. хр. 12, т. VII, 1906, л. 422.

³ ГАСО, ф. 53, ед. хр. 12, т. VII, 1906, л. 413.

Боже, царя храни!
Деспоту долгие дни
Ты испощли...
Сильный жандармами,
Гордый казармами
Царствуй на страх сынам
Руси бесправной!
Царь православный,
Царствуй на страх глупцам...
Враг просвещения,
В царстве хищенья
Мирно живи.
Всех, кто свободу
Ищет народу,
Бей и дави.
Твой голодающий,
Вечно страдающий
Бедный народ
В храмах моления
Благословения
Все тебе шлет!
Но время настанет,
Солнце проглянет—
Разбудит борцов.
Пользуйся временем,
Царствуй над племенем
Жалких рабов!...¹

Сатиры на царя, распространившиеся в Саратове и губернии, были свидетельством полного исчезновения из сознания рабочих царистских иллюзий. «Рухнувшие и потопленные в народной крови надежды на «батюшку царя» сменились прозным гневом и ненавистью к нему. Многочисленные сатиры на царское правительство, ставшее достоянием всех трудящихся, раскрывают изменения в мировоззрении трудящихся масс, происшедшие в ходе событий революции»².

Необходимо особо остановиться на сатире «Что за странная чепелость». В начале XX в. она распространилась в руко-

¹ ГАСО, ф. 53, ед. хр. 12, т. III, 1906, л. 360.

² В. И. Чичеров. Песни и стихи пролетариата в период массового рабочего революционного движения (1890—1907 гг.). Русское народно-политическое творчество. Материалы для изучения общественно-политических воззрений народа.—«Труды института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая», т. XX, АН СССР, М., 1953, стр. 187. (Новая серия).

писях и через песенники. Текст ее, как и большинства сатир этого времени, анонимен.

Что за странная нелепость:
От Петра до наших дней
В Петропавловскую крепость
Возят мертвых лишь царей.
Но дождемся перемены,
Доживем до дней иных:
В Петропавловскую крепость
Повезем царей живых.
Лучезарная свобода
Уж нам шлет свои лучи,
Волей грозного народа
Сгинут скоро палачи.
Будет весело нам житься
И в России и везде.
Будет весело трудиться,
Будет счастье на земле¹.

По данным В. А. Кравчинской и П. Г. Ширяевой, песня «Что за странная нелепость» сначала кончалась словами: «В Петропавловскую крепость повезут царей живых». Вторая же часть песни, считают они, была сочинена накануне Октябрьской революции. К этому мнению присоединился и А. И. Нутрихин, комментируя сатиру². Эти суждения об истории ее текста ошибочны. Уже в 1905 г. в песне звучала уверенность в близкой победе трудящихся. Эта вера обусловилась размахом революционного движения.

Другим объектом сатирического осмеяния были создаваемые и распускаемые одна за другой государственные думы. Одно из стихотворений о бесполезности думских решений, с которыми царь не считается, находится в уже упомянутом рукописном песеннике Ивана Касаткина.

Собирались однажды люди думные,
Говорили там кум-куму речи умные,
И решили же без шуму — словопрения,
Благо ведало в России население,
И крестьянские руки все рабочие
Не губили бы от скуки псы охотные.

¹ ГАСО, ф. 53, ед. хр. 12, т. I, 1906. Из гектографированного песенника, найденного в Вольске ночным караульщиком 11 февраля 1906 г.

² Песни русских рабочих (XVIII—начала XX века). М.-Л., 1962, стр. 272. (Библиотека поэта. Большая серия).

А даров бы Русь святая всем отвесила,
Всем от края да до края было б весело.
Из-за столов все тут вставали люди думные,
Молодежь заплясала пляски шумные,
И в ладоши паки-паки все тут хлопали...
Прискакали же казаки — всех их слопали¹.

У помощника присяжного-поверенного Григоровича, наряду с другими революционными песнями, отобрали при обыске сатирическую «Ой, полна-полна тюрьма пред Думою», которую, по его словам, он сохранил со студенческих лет². Такие стихотворения-сатиры создавались интеллигенцией. Они имели хождение прежде всего в городе.

Другая сатира касается 3-й Государственной думы, начавшей действовать в период пореволюционной реакции, военно-полевых судов, гонений на профсоюзы, засылки провокаторов в рабочие организации.

Дума наша Дума,
Дума наша третья,
Облегчи без шума
Бремя лихолетья.
От палат до хаты
Ободри всех здраво
И не шей заплаты
На свободу, право!

Этот текст тоже попал в альбом Касаткина. Интересно, что в эти годы он вписывает в тетрадь такие изречения, которые были знаменем тревожного времени: «В голове, что хочешь, носи, а язык помолчать проси», «У дверей кабака все между собой друзья, а у темничных дверей мало братьев и друзей».

Русско-японская война и события 1905 года оставили особенно заметный след в развитии революционной поэзии. Сатирические стихотворения рождались как следствие переделок известных произведений. Знакомые ритмы и мелодии помогали быстро ввести в общественный оборот новые злободневные проблемы, дать оценки действиям правительства. Известное и не раз используемое революционерами стихотворение Фета «Шепот, робкое дыханье» пригодились для воспроизведения пореволюционной обстановки в России.

¹ ГАСО, ф. 407, ед. хр. 6598.

² ГАСО, ф. 53, ед. хр. 9, т. III, 1908. Текста в деле нет.

Пушки, пулеметы,
Голод, нищета,
Родина, за что ты
Небом проклята?
Полковники, офицеры
Города берут
Свиты генерал[ов]
Мужиков дерут.
Обыски, аресты,
Ссылки и тюрьма,
Бойни, манифесты
И тюрьма — чума¹.

Время «неправды», реакции и расправ представлено в традиционной форме «газеты с того света»:

Пришла газета с того света,
Новая молва из ада:
Какова грешным награда?
— Правда сгорела, истина охромела,
Честность и верность в отставку пошла,
С попами, с дьяками познакомилась...².

«Газета с того света» в сатирическом тоне повествовала о гибели моральных ценностей: любви, честности, веры, совести, милосердия. Виновники этого прежде всего — господа, богачи, которые и наказываются в аду. «Под вашу скаредную душу разогрею олово вместо пуншу, а для ваших жирненьких тел есть во аде большой котел», — говорит бес «честным господам». Ростовщик слышит от него же: «Пора тебе в преисподней побывать, вот там узнаешь, как бедных обижать»³.

Сатира этого времени касалась и церкви — верной помощницы самодержавия. В 1902 г. в «Рабочей газете» была напечатана специальная статья «Поп», представляющая пастырей овец православных как «жадных пауков», присосавшихся к телу народа, а главное — как «стаю лжецов»: в одной руке поп держит крест и широко осеняет им своих друзей, «а другой грозит на рабочих и обещает божье наказание тому, кто только думает об изменении существующего несправедливого порядка, о торжестве справедливости на земле, а не на небе».

¹ ГАСО, ф. 407, ед. хр. 6598. Тетрадь Касаткина.

² Там же.

³ От Феоктистовой А. А., с. Елшанка, Хвалынского у., запись 1920 г. Фольклорный архив.

Этой теме посвящена и сатира о попе и черте («В церкви, золотом залитой»). Впервые напечатанная в 1899 г. в «Рабочей мысли», она затем вошла во многие нелегальные издания. В 1905 г. ее напечатал «Листок приказчиков» (правление саратовского социал-демократического союза приказчиков). Распространялась эта сатира и рукописно. Список ее был отобран при обыске у проживающего в Саратове вольского мещанина Романова. Арестованный утверждал, что списал стихотворение у своего хозяина-столяра¹. Саратовские социал-демократы разоблачали перед трудящимися истинное лицо служителей культа.

В укороченном виде, как песня, за которую наказывали, эта сатира помнится в саратовских деревнях до сих пор².

Уже с начала нашего века в Саратове и уездах распространялась хлесткая «Нагаечка». В протоколах обысков она именовалась «известным тенденциозным стихотворением»³. Одна из самых популярных революционных сатирических песен, она приспособлялась к разным событиям и жила в вариантах с разными припевами.

Приводимый текст общеизвестен и несет все признаки пореволюционного времени. В нем два припева: первый в научной литературе связывается либо с расправами со стачками 1901—1903 гг. в России⁴, либо с поражением революции 1905 года, знаменовавшем собой начало разгула полицейского террора⁵. Во всяком случае, припев о горькой участи России выражал послереволюционную ситуацию. Второй припев, встречающийся реже, призывал к сопротивлению насилиям.

Задумал наш Трепов царя удивить,
Пулей, нагайкой народ умирить.
Припев: Россия, Россия, жаль мне тебя,
Бедная, горькая участь твоя!
Послал он казаков по всем городам:
Бейте, рубите, награду вам дам!
Припев: Стыдно, товарищи, стыдно терпеть,
Стыдно, и терлим казацкую плеть.

¹ ГАСО, ф. 53, ед. хр. 110, 1903.

² См. ниже.

³ ГАСО, ф. 53, ед. хр. 108, 1900. Текста в деле нет.

⁴ В. И. Чичеров. Песни и стихи пролетариата в период революционного движения, стр. 178.

⁵ Песни русских рабочих (XVIII—начала XX века). Вступ. статья, подготовка текста и прим. А. И. Нутрихина. М.-Л., 1962, стр. 273. (Библиотека поэта. Большая серия).

Вот едет казак на рыжем коне,
Ружье за плечами, нагайка в руке.
И старых и малых пугает ружьем
— Бегите, спасайтесь, а нет—то убьем!
Старый и малый бегут от него.
«Борцы за свободу, убейте его!»
Настал для России несчастнейший год,
Плавает в крови угнетенный народ.
Народ увидал такой произвол,
Решил посадить эту свору на кол.
Царь испугался, издал манифест:
Мертвых на свободу, живых — под арест.
Свободу собраний солдатских штыков,
Свободу изданий бараньих голов¹.

Родившийся в революционные годы драматический сюжет «Солнце всходит и заходит» в короткое время стал родоначальником целого поколения сатир, показывающих, что ни террор, ни реформы не могли никого ни испугать, ни ввести в заблуждение относительно того, что царизм не имеет будущего. В переделке 1907 г. говорится о запертой в тюрьме воле, «стерегут ее войсками со штыками на плечах»:

Как хотите стерегите,
Но народ ее уж ждет,
Если сами не дадите—
Силой он ее возьмет.
Эх, Столыпин, ты Столыпин,
Что глумишься над страной?
Полно Русь тебе дурачить,
Про свободу песню пой...²

Имя Столыпина, недавнего саратовского губернатора, вешателя и автора закона об отрубках, саратовцам было знакомо лучше, чем кому-либо. Так что переделка эта для Саратовского Поволжья была полна конкретного содержания.

Обзор цикла сатирических стихотворений и песен, распространенных в Саратове в первое десятилетие XX века, можно завершить сатирой—проклятьем царю³.

В мае 1908 г. из кармана новгородского крестьянина Ива-

¹ ГАСО, ф. 53, ед. хр. 324, 1907.

² Там же.

³ Другие сатиры, обнаруженные в делах об агитаторах, действовавших в деревне, будут рассмотрены ниже, хотя, несомненно, начало их—в городе.

на Сударикова полицейские чины извлекли рукопись «нецензурированного стихотворения, начинающегося словами «Всероссийский император, царь жандармов и шпионов». Судариков показал, что рукопись ему дала кассирша винокуренных заводчиков, проживающая по ул. Ильинской в одном с ним доме. Саратовский текст—один из наиболее полных вариантов этого широко известного памфлета на Николая II: события 9 января, поражения в войне с Японией нашли в нем место. Соответственно усилились проклятья царю.

Всероссийский император,
Царь жандармов и шпионов,
Царь изменников, провокатор,
Составитель кандалов!
Всероссийский кровопийца,
Покровитель для дворян,
Для народа—царь-мучитель,
Царь—убийца—для крестьян.
Побежденный на Востоке,
Победитель на Руси,
Будь же проклят, царь-убийца
И залитый весь в крови!
И восстанет люд голодный,
Свергнет подлый он твой трон,
В пользу бедных и народа
Завоюет битву он!

Конечно, не только сатиры воспитывали политические чувства граждан. В различных социал-демократических изданиях печатались революционные гимны и близкие к ним стихотворения. В том же «Листке приказчиков» была помещена статья о росте сил пролетариата и об общей вражде к преступному царскому правительству. Утверждалось, что его нужно уничтожить и заключить всех грабителей и угнетателей в тюрьмы, выпустив оттуда борцов за свободу. Тогда над освобожденной страной взойдет яркое солнце свободы и правды. За статьей следовало исполненное революционного пафоса стихотворение «Вперед»:

Вперед, друзья, на подвиг славный!
Уж меркнет царская заря,
С восходом солнца трон державный
Падет, приспешников давя.

¹ ГАСО, ф. 53, ед. хр. 9, т. II, 1908.

Вперед, друзья, нас ждет победа!
Отвагой честною горя,
Мы вырвем власть у мироеда,
Сотрем деспотию царя.
Вперед, друзья, нас ждет свобода!
Взошла народная заря,
Долой мучителей народа,
Долой кровавого царя!
Вперед! С врагом в борьбе суровой
Назад не будем отступать.
Свой каждый шаг для жизни новой
Мы будем кровью выкупать.
Придет пора, и среди мира
Умолкнут брань и звон цепей,
И зазвучит приветно лира
Среди полей, среди степей.
Как солнце вешнее, свобода
Подвалы, тюрьмы озарит,
Цепь рабства русского народа
В ее лучах перегорит.
Взошла заря и ярким светом
С земли ночную гонит тень.
Вперед! Мы ждем тебя с приветом,
День новой жизни, светлый день!

В 1905 г. в Саратовском Поволжье распространилось близкое к гимнической поэзии того времени стихотворение «Призыв». Возможно, что оно жило как песня. Это произведение входило в большой (21 текст) гектографированный песенник, найденный ночным караульщиком в г. Вольске в феврале 1906 г.¹ Им заканчивался отпечатанный на гектографе «Приговор» крестьян деревни Петровки Балашовского уезда относительно малоземелья, бедности, темноты и невежества².

Нас много! Нас много!.. Вставайте же, братья,
Не надо ни слез, ни бесплодной мольбы...
Проклятье насилью, тиранам проклятья!
Мы долго страдали, вставайте же, братья,
И будем борцы—не рабы!

¹ ГАСО, ф. 53, ед.хр. 12, т. I, 1906.

² ГАСО, ф. 53, ед. хр. 12, т. III, л. 370, 1906 г. Вслед за «Приговором» крестьян были помещены два революционных произведения: «Призыв» и «Похоронный марш». Отобран у крестьян в апреле 1906 г.

Глядите, заря занялася свободы!
В ком сердце отзывно и ум не погас,
Кто весь исстрадался за черные годы,
Сходитесь, вставайте под знамя свободы—
И время и правда за нас!

Пусть кровь наша льется, пусть в злобе бессильной
Державный убийца нас смертью казнит,
Но рабства позором, но тишью могильной
Ему не сковать уже волюшки сильной
Того, кто отмщеньем горит...

За счастье народа, за свет и познание
Подыдем мы много мозолистых рук;
Проснулось работников—граждан сознание,
Довольно мертвящей нужды и страдания,
Довольно и крови и мук!

Что создано потом, что кровью омыто,
Над чем, надрываясь, не спали ночей—
Довольно вам, хищники, грабитель открыто,
Веками вы кровь нашу пили досыта
Под гнетом жестоких царей!

Нас много! Нас много!.. Вставайте же братья,
Не надо ни слез, ни бесплодной мольбы...
Проклятье насилью, тиранам проклятья!
Мы долго страдали, вставайте же, братья,
И будем борцы—не рабы!¹

Автор стихотворения неизвестен, впервые оно было напечатано в «Социал-демократе» в 1904 году². Последние перепечатки этого стихотворения, по неизвестным причинам, воспроизводят текст, первая строфа которого состоит из четырех, а не пяти строк, как все остальные³. Возможно, что в некоторых из ранних изданий этого произведения такое укорочение имело место (строка могла выпасть случайно). Но песенная практика уже в 1905 года исправила это ничем не оправданное нарушение строфики. Свидетельство того—саратовские и другие⁴ варианты времени первой русской революции.

¹ ГАСО ф. 53, ед. хр. 12, т. III, 1906, л. 370.

² Революционная поэзия (1890—1917), стр. 557.

³ Революционная поэзия (1890—1917), стр. 114—115; Русская революционная поэзия 1895—1917. Антология. Советский писатель, Л., 1957, стр. 363.

⁴ Вперед. Сборник стихотворений и песен. Составил М. Л. Ростов-на-Дону, 1905. Цитирую по сб. «Фольклор фабрично-заводских рабочих». Статьи и тексты. Под ред. проф. П. М. Соболева. Смоленск, 1934, стр. 101, № 34.

Призывного характера и стихотворение этого времени «Первое мая» («Время не терпит—дружней за работу!»). В символических образах вспыхнувшей зари, несущихся волн оно рисовало картину «народного мщенья»¹.

В эти боевые годы, когда нарастала волна революции, снова зазвучали некоторые из стихотворений 70-х годов. В песенниках можно встретить страстное в своей ненависти к деспотизму стихотворение Ф. Волховского «Кричи!». Стихотворение 1880 г. «И опять палачи!», написанное неизвестным автором по случаю казни народовольцев А. Квятковского и А. Преснякова, звало к топору, к борьбе «с шайкой врагов, за свободу, права человека»².

С событиями начала века соотносится целый ряд произведений, уже не переделок, а совершенно новых, оригинальных. Одни из них исторического плана, с ярко выраженным драматическим сюжетом (о кровавом воскресенье), в других—главным был агитационный заряд (солдатские песни).

Стихотворение «9 января» стало известно в Саратовском Поволжье уже в марте 1905 г.³ В связи с его обнаружением было заведено специальное «дело». Царицынский телеграфист переписал стихотворение с какой-то листовки, якобы подобранной им на улице. Обнаруживший стихотворение кондуктор представил его унтер-офицеру как «преступное», что, впрочем, осознавалось и самим телеграфистом. В посланном служебной почтой письме к другу он наказывал быть осторожным со стихами и никому не давать их списывать, если он «не хочет угодить туда, куда Макар не гонял пасты»⁴. Так, распространению песен способствовали люди, далекие от агитационной деятельности, но захваченные общим возбуждением. В деле о телеграфисте сохранился текст с первоначальным положительным изображением Гапона, провокаторская роль которого была выявлена позже. Став песней, стихотворение сильно сократилось, а имя Гапона было выброшено.

В одной из саратовских листовок этого времени 9 января 1905 г. называлось «великим днем», потому что теперь «русский народ без пощады осудил самодержавие»⁵. Возникшие

¹ ГАСО, ф. 53, ед. хр. 12, т. I, 1906.

² Там же.

³ Впервые напечатано в «Голосе труда», 1905, № 3.

⁴ Там же.

⁵ ГАСО. Типографский листок «Перед бурей» саратовского социал-демократического профессионального союза типографов, ф. листовок. № 405, без года.

по следам события стихотворения изображали расправу с безоружными рабочими у Зимнего как расстрел веры в царя, превращение его в глазах трудящихся масс из царя-заступника в царя-палача. В нелегальных саратовских изданиях, по-видимому, уже в 1905 г. было напечатано известное стихотворение «1905 год. 9 января, или кровавое воскресенье».

С наивной верою, с открытою душой
Мы шли к тебе, палач самодержавный,
Мы шли к тебе с горячею мольбой,
Чтоб внял ты голосу страны своей бесправной.
А ты, злодей, на брата выслал брата
С оравой пьяною своих офицеров,
И русский штык покорного солдата
Направил ты на братьев и отцов.
Меж тем, как мы за бедную Россию
Со стоном падали с проклятьем на устах,
С своей опричниной по нас ты правил тризну,
Гонимый трусостью в награбленных дворцах.
Чтоб подавить народные протесты,
Тюрьму и каторгу, штыки пустил ты в ход,
И кровью родины ты пишешь манифесты,
Зовя к себе поруганный народ!
Безумный царь бесправного народа!
Мы с просьбой больше не пойдем,
Пойдем с оружием. И с криками «Свобода!»
Сотрем тебя или умрем в борьбе,
Ты нас расстреливал—не жди и ты пощады,
Достанем мы тебя, как ты себя не прячь,
Падут твои сатрапы-казнокрады
И с ними—ты, безжалостный палач!¹

Стало песней стихотворение Щепкиной-Куперник «На родине» («От павших твердынь Порт-Артура»). Оно печаталось Сытиным в дешевых песенниках², но скоро попало и в революционные издания. Местные революционные организации размножали его на гектографах, стихотворение переписывалось от руки³ и до сих пор помнится в саратовских селах.

¹ ГАСО, ф. 53, ед. хр. 12, т. VI, 1906. Из гектографированного песенника, отобранного у кочегара парохода. Песенник без года. Стихотворение воспроизведено, несомненно, по памяти, с такими несообразностями, как: «сотрапы-конокрады».

² А. Якуб. Современные народные песенники.—«Известия ОРЯС», кн. I, 1914, стр. 81.

³ ГАСО, ф. 53, ед. хр. 6, т. IX, 1907.

Видимо, не случайно сюжет и композиция этого широко известного стихотворения были во многом повторены в рассказе Борисова «Безумие», напечатанном в местной легальной еженедельной газете «Волна»¹. Отвоевавшись «в чужой далекой Манчжурии», солдат возвращается в родное село. Но дома его никто не встречает, в избе он находит больного отца. Только он уцелел и рассказал, как «было не сладко» в деревне: «У нас здесь, сынок, тоже война, одних убивают и делают калеками, а других увозят». Солдат спрашивает с беспокойством: «Но где же мать моя? Где Иван, где Семка?» Оказывается, мать убили приехавшие «из города усмирители», когда крестьяне «порешили всем миром» взять помещичью землю. А братьев «заковали в кандалы». Отца стащили с полатей и так били, что он еле жив. Обезумевший от горя, солдат зовет собравшихся в избе односельчан на битву: «Умрем иль победим!» Он бьет в набат и всполаживает все село. Так действие в рассказе в какой-то степени повторяет сюжет стихотворения «На родине», но переносится в село. В диалоге солдата с односельчанами воспроизводятся деревенские события 1905 г.

Появившееся еще в начале 90-х гг. в революционных изданиях стихотворение М. Конопницкой «Вольный рабочий», повсюду распространилось лишь в начале 900-х годов². Именно в это время оно стало известно и в Саратовской губернии: текст его есть в деле о социал-демократической группе³. Оно печаталось и позже в саратовской «Рабочей газете»⁴.

С русско-японской войны и революционных событий 1905 года начинают свою активную жизнь и песни особого назначения — для агитации среди солдат. Более ранним произведением на эту тему, известным и Саратовской губернии еще до первой русской революции, было «Братцы, дружно песню грянем». Давнее стихотворение о польских событиях, печатаемое еще народниками в своих изданиях, оно в начале XX ст. было переосмыслено: вместо отказа «бить поляков» солдаты обещают не стрелять в рабочих и мужиков. Оно распространилось всеми нелегальными средствами — песенниками, ру-

¹ «Волна». Еженедельная социально-политическая, общественная и литературная газета, 1906, № 2. Ее редактором был социал-демократ П. Лебедев.

² В. И. Чичеров. Песни и стихи пролетариата в период революционного движения, стр. 177.

³ ГАСО, ф. 53, ед. хр. 111, 1900.

⁴ «Рабочая газета», 1902 год, январь.

кописно, гектографированными листовками — и прежде всего среди «нижних чинов» саратовского гарнизона и конвойных команд в уездах. Называлось оно при этом «Солдатской песней», «Песнюю к солдатам», «В добрый час». 18 декабря 1905 г. в губернское Жандармское управление пришло донесение о прокламации «Песнь к солдатам», появившейся в казармах конвойной команды г. Хвалынского¹.

В этот период активной борьбы масс возникли и новые произведения с героем-солдатом. В 1904 г. в связи с русско-японской войной народовольцем Ф. Волховским, находившимся за границей, была сочинена «солдатская песня» «Война» («Братцы, гонят нас далеко от родимой стороны»). В подзаголовке указывалось, что эта песня на голос «Было дело под Полтавой»². Идея песни — осуждение агрессии царского правительства и ненужность войны трудящемуся люду — сделала ее популярной. Ее вписал Иван Касаткин в свой альбом. Текст песни Ф. Волховского не подвергался почти никаким изменениям.

В предвидении революционных боев большевики стремились распропагандировать солдат и казаков, привлечь их на сторону народа. В 1906 году местный комитет РСДРП обратился к казакам, наводнившим саратовские деревни, со специальной прокламацией. Социал-демократы стремились разбудить в казаках гордость когда-то вольных людей, дававших прибежище беглым, а теперь ставших верными слугами чиновников и помещиков: «В угоду им пьете кровь крестьян и рабочих и грабите у них последний кусок хлеба, чтоб отдать его помещикам за стакан водки и за «спасибо» какого-нибудь генерала, упившегося кровью... Вольный степной конь становится покорной клячей». Казаки ведут позорный бой с народом, руки их обагрены не кровью врага, а кровью брата, и, если казаки будут умирать восставших, — позор им, как палачам³. Листовки обращали внимание и солдат на такую несообразность: они, сыны народа, вчера шедшие за сохой или стоявшие за станком, чтобы увеличивать «кровавым трудом богатства для кучки дармоедов и палачей», сегодня являются «главным оружием против восставшего народа». Листовки

¹ ГАСО, ф. 53, ед. хр. 195, 1905.

² Поэты-демократы (1870—1880-х годов). Вступ. статья, подготовка текста и прим. А. М. Бихтера. Изд. 3-е, М.-Л., 1962, стр. 255—256. (Библиотека поэта. Малая серия). В этом издании, кажется, впервые указан автор песни, до этого считавшейся анонимной.

³ ГАСО, ф. 53, ед. хр. 342, 1906.

обильно цитировали революционные гимны и часто заканчивались таким четверостишием:

Мы рабочью песню грянем,
Повернем штыки назад
И плечом к плечу мы встанем
С теми, кто наш кровный брат¹.

Песни о солдатах касаются той же темы преступности их борьбы с братом—рабочим и мужиком. Одно из таких произведений вписано покровским мещанином, рабочим винокуренного завода Григорием Черновым, в свою расчетную книжку под названием «Песня».

Стреляй, солдат, целясь верней,
Бей прямо в сердце, но не мимо,
Убей врага, не промахнись,
Такое зло недопустимо².
Стреляй, солдат, в кого велят,
Забудь отца, родного брата,
Забудь жену, забудь и мать,
Лишь помни «памятку» солдата.
Попы тебя благословят:
Убьешь отца—греха не будет.
Они не врут, коль говорят:
— Бог вашей службы не забудет.
В далекий край служить пошлют,
На родине вас не оставят.
Ружье, мундир вам там дадут
И быть машиною заставят.
Рабочих бить вас поведут,
Голодных убивать принудят,
По чарке водочки дадут
И этим совесть вашу купят.

¹ ГАСО, ф. 53, ед. хр. 12, т. VII, 1906. В листовке к казакам («Саратовский листок» Саратовского Комитета РСДРП) первые две строки четверостишья соответственно переделывались: «Удалую песню грянем, повернем коней назад». ГАСО, ф. 53, ед. хр. 12, т. VI, 1906. По наблюдениям А. Л. Дымшица, стихотворения, обращенные к солдатам, «строились всецело по принципу художественно-образного «пересказа» агитационно-публицистической литературы партии социал-демократов. (См.: А. Л. Дымшиц. Очерки по истории ранней пролетарской поэзии и рабочего фольклора.—«Ученые записки» Ленинградского гос. педаг. института им. А. И. Герцена. Кафедра русской литературы. Л., 1937, т. VIII, стр. 14).

² Для всех стрóf сделано обозначение, что последние две строки повторяются.

Крестьяне мрут по деревням,
Земли, работы, хлеба просят,
Но им, как дерзким бунтарям,
Штыки да пули все подносят.
Стреляй, солдат, коли штыком,
Кусай зубами, бей прикладом,
Но, убивая, не забудь,
Что бьешься ты с голодным братом.
Стреляй, солдат, коли смелей,
На родине уж в это время
Твою жену, твоих детей
Солдаты бьют без сожаленья¹.

Наконец, и песня «Постой-ка, товарищ, опомнись-ка, брат», с 1905 г. часто печатавшаяся в социал-демократических изданиях, встретила в деле о саратовском мещанине Василии Кольцове, забранном в нетрезвом состоянии: в то время полиция нередко делала подобные находки и возбуждала о них дела. Неясно, списал ли ее сам Кольцов со множеством ошибок или действительно, как он утверждал при допросе, нашел ее в лодке после того, как «катал по Волге публику», и взял листок, чтоб завернуть в него паспорт².

Тексты этих солдатских песен почти не подвергались варьированию, они отличаются поразительной устойчивостью. «Солдатская» тема была чрезвычайно популярна в революционном песнетворчестве. После революции 1905 г. на мотив популярного гимна были сложены «Солдатская марсельеза» и «Казачья марсельеза», которые также были известны в Саратовском Поволжье³.

«Марсельеза». Гимны социал-демократов. «Марсельеза» — песня исключительной судьбы. Под этим названием в России распространялась «Новая песня», сочинения П. Л. Лавровым в 1875 г. На долю редкой песни выпадала такая известность. Немногие из агитационных произведений обнаруживали подобную творческую силу. В нелегальных изданиях она часто называлась «Рабочей марсельезой». В донесениях жандармов она именовалась «русской марсельезой», «рабочей песней», «преступной» песней и чаще других упоминалась в де-

¹ ГАСО, ф. 53, ед. хр. 9, т. III, 1908 г.

² ГАСО, ф. 53, ед. хр. 9, т. II, 1908 г.

³ Наряду с другими солдатскими песнями обе эти марсельезы вошли в сб. «Песен борьбы и труда», изданный Поволжским Комитетом партии социалистов-революционеров в 1908 (ГАСО, ф. 53, ед. хр. 38, 1909).

лах о пении «тенденциозных» песен, о находках «нецензурированных» изданий или рукописных стихотворений.

14 июня 1902 г. начальник саратовского Жандармского управления доносил в Департамент полиции и прокурору саратовской Судебной палаты о том, что в ночь на 9 июня на улицах города полицией подобраны революционные прокламации, в том числе «Русская марсельеза»¹. У слесаря чугунолитейного завода Степанова при обыске взята написанная карандашом «Марсельеза» в двух экземплярах². В 1903 г. пением этой «рабочей песни» неожиданно для организаторов закончилось «юбилейное» — в честь 19 февраля 1861 года — собрание в Народной аудитории³. Она неизменно входила в издаваемые саратовским комитетом РСДРП сборники «Песен революции»⁴, значилась в списке «песен бунтовщиков» социалистов-революционеров⁵ и печаталась в их изданиях⁶. Ее несли в села: саратовский мещанин Федор Беспалов, живший с агитационными целями на мельнице в с. Глотовке Вольского уезда, переписал ее вместе с другими революционными песнями и стихами⁷.

Отречемся от старого мира!

Отряхнем его прах с наших ног!

Нам не нужно золотого кумира:

Ненавистен нам царский чергог.

Мы пойдем в ряды страждущих братьев,

Мы к голодному люду пойдем;

С ним пошлем мы злодею проклятья,

На борьбу мы его позовем.

Припев: Вставай, поднимайся, рабочий народ!

Иди на врагов, брат голодный!

Раздайся крик мести народной:

Вперед! Вперед! Вперед! Вперед! Вперед!

Богачи, кулаки жадной сворой

Расхищают тяжелый твой труд,

Твоим потом жиреют обжоры,

¹ ГАСО, ф. 53, ед. хр. 28, т. I, 1902 г.

² ГАСО, ф. 53, ед. хр. 102, 1903 г.

³ ГАСО, ф. 53, ед. хр. 49, 1903 г.

⁴ Песни революции. Издание Саратовского Комитета РСДРП, 1905. Здесь всего четыре песни. Второй сб. «Песен революции» с 14 текстами вышел без обозначения года.

⁵ ГАСО, СОО, ед. хр. 40, 1905.

⁶ Песни борьбы и труда. Издание Поволжского Комитета партии социалистов-революционеров, 1905.

⁷ ГАСО, ф. 53, ед. хр. 6, т. V, 1907.

Твой последний кусок они рвут.
Голодай, чтоб они пировали!
Голодай, чтоб в игре биржевой
Они совесть и честь предавали,
Чтоб смеялись они над тобой!

Припев.

Тебе отдых—одна лишь могила.
Каждый день недоимку готовь:
Царь-вампир из тебя тянет жилы,
Царь-вампир пьет народную кровь!
Ему нужны для войска солдаты—
Подавай же ему сыновей!
Ему нужны пиры да палаты—
Подавай ему крови своей!

Припев.

Не довольно ли вечного горя?
Будем дружно бороться зараз!
От Днепра и до Белого моря,
От Поволжья до дальний Кавказ.
На врагов, на собак — на богатых
И на злого вампира—царя!
Бей-губи их, злодеев проклятых —
Заблестит новой жизни заря!

Припев.

И взойдет за кровавой зарею
Солнце братства и вечной любви,
Хоть купили мы страшной ценою—
Кровью нашею—счастье земли.
И настанет година свободы,
Сгибнет зло, сгибнет ложь навсегда,
И сольются в одно все народы
В вольном царстве святого труда!

Припев!

В исследовательской литературе, посвященной истории этой песни, существует два мнения о ее месте в революционном движении. А Дымшиц утверждал, что «революционная социал-демократия лишь очень недолго могла привлекать» для агитационных целей лавровскую «Новую песню», что «уже с девяностых годов, то есть с самого появления классово-оформленной и становящейся на службу партии пролетарской поэзии в ней отчетливо выявляется стремление противо-

¹ С рукописи Ф. Беспалова, ГАСО, ф. 53, ед. хр. 6, т. V, 1907.

поставить лавровской «Марсельезе» свой, новый революционный рабочий гимн»¹.

В. Куриленков также считает, что революционизирование пролетариата и перевод «Интернационала» обесценили «Марсельезу»: «с разгромом революционно-освободительного движения и она уже не производила необходимого революционного впечатления на русских рабочих...»².

Другое мнение о месте гимна в практике русского революционного пролетариата высказано недавно: — «Марсельеза» была «самой популярной боевой гимнической песней первой русской революции» и пелась на баррикадах Красной Пресни, ее пением встречали питерские рабочие возвратившегося в Россию В. И. Ленина³. Это суждение полностью подтверждается саратовскими материалами, извлеченными из дел Жандармского управления как времени первой русской революции, так и последующих лет. В Саратовском Поволжье «Рабочая марсельеза» жила в городах и селах наряду с «Интернационалом» и служила источником для создания новых песен.

В аграрной Саратовской губернии широчайшей известностью пользовалась «Крестьянская марсельеза», которая часто обнаруживалась при обысках, особенно в деревнях⁴.

Второе по распространённости место среди гимнов принадлежит, пожалуй, «Варшавянке». Она входила в революционные песенники, ее часто переписывали. Под названием «Варшавский марш» она была отобрана у мещанина Романа еще в 1903 г. Он списал марш из книжки «Свобода», изданной в Женеве⁵. Один из лучших нелегальных песенников — «Первый революционный сборник» (изд. «Вещего Бояна») — включающий помимо «Варшавянки» и такие новые гимны, как «Интернационал», «Красное знамя («Слезам залит мир безбрежный»), «Вы жертвою пали», отбирался при обысках и в Саратове, и в уездах⁶. «Варшавянка» была одним из таких

¹ А. Дымшиц. О «рабочих марсельезах». Из истории пролетарской гимнической поэзии в России. — В сб.: Литература и фольклор. Гослитиздат, М., 1938, стр. 167.

² В. Куриленков. Большевистские традиции революционной поэзии. — В кн.: Революционная поэзия (1890—1917). 1950, стр. 8. (Библиотека поэта. Малая серия).

³ Е. Гиппиус, П. Ширяева. Рабочая марсельеза. — В сб.: Биографии песен, М., 1965, стр. 54.

⁴ Об этом см. ниже.

⁵ ГАСО, ф. 53, ед. хр. 110, 1903 г.

⁶ ГАСО, ф. 53, ед. хр. 5, т. VI, 1907 г.

популярных гимнов, который размножился на местах на гектографах без каких-либо отступлений от авторского текста¹. С 1906 г. в делах встречаются упоминания о пролетарском гимне Коца «Мы марсельезы гимн старинный»².

Лучшие агитационные песни характеризуются зрелостью политической мысли. Они сочинялись видными деятелями революционных движений, находящимися в авангарде борьбы с царизмом и сумевшими выразить еще не вполне отчетливые социальные устремления народных масс. Борющиеся пролетариат и крестьянство восприняли эти песни как свои.

Революционные песни распространялись и устным путем. Но преобладали письменные способы их продвижения в массы: рукописи, песенники, листовки, газеты. В этом причина большой устойчивости многих текстов, незначительного их варьирования.

Песни о расплате. В сферу революционной тематики входили и песни о расплате борца за свою деятельность ссылкой или смертью.

Одной из любимых песен была известная еще народникам «Пыльной дорогой телега несется». Ее не игнорировали революционные сборники, она гектографировалась³ и просто переписывалась. В начале века она цитируется в длинном списке «рукописных произведений», взятых при обыске у ртищевских учителей: «Пыльной дорогой телега трясется, в ней по краям два жандарма сидят» с припевом после каждого двустушия: «Сбейте оковы, дайте мне волю»⁴.

В этом же списке называется песня «На смерть Чернышева». Она значится и в списке «песен бунтовщиков»⁵ под названием «Замученный тяжкой неволей». Судьба ее в истории революционного движения примечательна. Она написана Мачтетом в 1876 г. по конкретному поводу — смерть молодого революционера Чернышева. Но сразу же была признана революционерами как их похоронный марш обобщенного звучания. Однако связанная с замыслом непосредственность обращения, реализованная в таких выражениях, как «Ты славную смертью почил», «Ты голову честно сложил» и пр., давала возможность приурочивать песню и к судьбе каждого кон-

¹ ГАСО, ф. 53, ед. хр. 57 и 165, 1906; ед. хр. 9, т. II, 1908.

² ГАСО, ф. 53, ед. хр. 57, 1906 г.

³ ГАСО, ф. 53, ед. хр. 57, 1906 г.

⁴ ГАСО, ф. 53, ед. хр. 108, 1900 г.

⁵ ГАСО, СОО, ед. хр. 40, 1905 г.

кретного борца за народное дело. Именно так индивидуально она не раз воспринималась и на саратовской земле. Например, песня печаталась в гектографированных песенниках под заглавием «На смерть Чернышевского»¹. Если песня и сохранила свое первоначальное название («Последнее прости»), то имя Чернышевского все же появлялось в подзаголовке. Переадресовка песни не меняла ее содержания².

В другом случае этим произведением под названием «На смерть борца» был закончен некролог о стойком революционере и известном саратовском фольклористе Викторине Арефьеве. «Рабочая газета» писала о безвременной смерти 27-летнего Арефьева. И далее: «Он до последнего вздоха принадлежал борьбе и в болезненном бреде видел себя борющимся с оружием в руках во время народного восстания, и с его смертью потеряно многое в борьбе с существующим строем. Вечная память тебе, дорогой, преданный друг наш. Пусть смерть нам служит залогом нашей борьбы»³. С текстом Мачтета автор поступил очень свободно и внес в него такие изменения, которые нельзя объяснить ошибками памяти. Куплеты «Не горе нам душу давило» и «Не злоба нас только душила» исключены совсем. Другие — осовременены, а конечные две строфы, по-видимому, досочинены:

.....
С тобой одна нам дорога:
Как ты, мы в остроге сгнем,
В борьбе за рабочее дело
И голод, и муки снесем.
Настанет блаженное время:
Из наших истлевших костей
Поднимется мститель суровый
И будет он нас посильней.
И той ожидая минуты,
Не будем, друзья, унывать,
Нет, будем как можно стараться
Усилить рабочую рать.
Прибавить борцов за свободу,
Сознание в них пробудить,
И в новой сознательной силе
Святое стремленье вселить!

¹ ГАСО, ф. 53, ед. хр. 12, т. 1, 1906 г. Песенник найден на одной из улиц Вольска и доставлен в Жандармское управление.

² ГАСО, ф. 53, ед. хр. 324, 1907.

³ «Рабочая газета», 1902, январь.

В делах Жандармского управления в 1905 г. и особенно в 1906 г. часто встречается другой текст «Похоронного марша» — «Вы жертвою пали в борьбе роковой». Он распространился наряду с другими революционными песнями, ставшими особенно популярными в это время. О том, какие песни пелись, говорит письмо от 30 декабря 1905 года, отобранное в Саратове у крестьянина деревни Александровки Саратовского уезда Филиппа Иванова и приобщенное к делу о нем. В письме содержалась такая просьба к неизвестному адресату: «... не можете ли вы мне написать, если можно, «Русскую марсельезу», «Похоронный марш», «Варшавянку», «Дружно, товарищи, в ногу», «Красное знамя» и т. д. А то знаете, приходится кой-где петь, а их, кроме «Вставай, поднимайся, рабочий народ», не знаю. Пожалуйста, напишите»...¹. «Похоронный марш» печатался в песенниках партии социал-демократов и партии социалистов-революционеров², переписывался от руки³. В 1905 г. его напечатала в виде отдельной листовки Балашовская группа РСДРП, а в 1906 г. — Кузнецкий кружок «Объединение». Им кончалась листовка «Приговор деревни Петровки Балашовского уезда» относительно малоземелья, темноты и бесправия крестьян⁴, целую пачку листовок с «Похоронным маршем», размноженных группой РСДРП на гектографе, полиция собрала на улицах Камышина в марте 1906 г.⁵. Среди многих списков и гектографированных воспроизведений этой песни, имеющихсЯ в делах Жандармского управления, не встретишь и двух таких, которые совпадали бы полностью. Они различаются не только тем, что одни из них короткие (в 5 строф), другие развернутые (в 7 и 8 строф). Варьируются отдельные строки и слова марша, и в этих вариациях — следы несомненной творческой работы над его текстом революционеров-агитаторов. В переделках конкретнее звучала тема страданий подвижников — борцов за народное счастье. В авторском тексте: «Вы отдали все, что могли, за него, за честь его, жизнь и свободу». В революционной практике: «Вы отдали все, что могли, за него:

¹ ГАСО, ф. 53, ед. хр. 112, т. II, 1906. Неизвестно, как попало это письмо к Ф. Иванову: оно адресовано не ему, а некоему Василию Михайловичу, и подписавший его Михаил Константинович указал свой саратовский адрес.

² ГАСО, ф. 53, ед. хр. 12, тт. I, VI, VII, 1906.

³ ГАСО, ф. 53, ед. хр. 12, т. VII, 1906.

⁴ ГАСО, ф. 53, ед. хр. 112, т. III, 1906, л. 370.

⁵ ГАСО, ф. 53, ед. хр. 112, т. III, 1906 г.

«молодость, жизнь и свободу». Вместо: «Порой изнывали по тюрьмам сырым, Свой суд беспощадный над вами» в песенниках печатали: «Года изнывали мы в тюрьмах сырых, Свой суд беззаконный над нами...».

Творческая жизнь «Похоронного марша» в среде революционного народа проявилась и в том, что при переписывании к нему сочинялись новые строфы, усиливающие мысль, заложенную в нем с самого начала: борьба рабочих принесет желаемые плоды, и это время не за горами:

Не бойтесь и верьте в успех вы борьбы,
Не будет у нас деспотизма,
Падет произвол, и восстанет народ,
Свободною станет отчина¹.

«Похоронный марш» был известен и в деревнях. В дальнейшем он утвердился в революционном обиходе².

Итак, с конца XIX в. агитационная песня, демократическая и революционная литература попадает в руки всех слоев населения города и деревни. Их известность — лишнее свидетельство того, что недовольство существующим порядком вещей стало всеобщим.

В общественном обиходе оказывается литература и поэзия от разных времен. Встреча их произошла потому, что именно на рубеже веков народ в массе приобщался к революционной идеологии, готовился к активной политической борьбе.

Но чем дальше, тем все больше на передовом фланге борьбы — у рабочих — оказывается революционная поэзия социал-демократов. Ее преобладание особенно ощущается после революции 1905 г., когда великорусский рабочий класс создал «могучую революционную партию масс», а «великорусский мужик начал в то же время становиться демократом, начал свертать попа и помещика»³.

1905 год — время особенно интенсивного проникновения революционной поэзии в массы.

В распространении рабочих и революционных песен едва ли не первостепенное значение имел рукописный способ. Революционные произведения переписывались из сборников, они клались на бумагу по памяти. Нередко и печатание, гектографирование песен шло с рукописей.

¹ ГАСО ф. 53, ед. хр. 49, 1907, л. 120.

² См., напр., ГАСО, ф. I, ед. хр. 9633, 9833 за 1916 г.

³ В. И. Ленин. О национальной гордости великороссов. — Полн. собр. соч., том 26, стр. 107.

В рукописях обращалось огромное количество произведений революционной тематики и разных жанров. Как правило, это была поэзия литературного происхождения. Теперь лишь она могла выразить возросшее общественное сознание масс. Распространяемые рукописно, по памяти революционные песни подвергались изменениям, служили материалом для новых произведений, то есть подчинялись законам жизни устного творчества.

ПОЭЗИЯ БОРЬБЫ В САРАТОВСКОЙ ДЕРЕВНЕ

Саратовская деревня на рубеже XIX—XX веков. В историю рабочей и революционной песни входит вопрос о бытовании пролетарской поэзии в крестьянской среде, вопрос, которым фольклористы почти не занимались. Предметом специального рассмотрения он явился только однажды и то как часть темы о народном творчестве революционной эпохи¹. В работе П. Г. Ширяевой, посвященной этому вопросу, намечены ведущие жанры крестьянской поэзии: песни, частушки, пословицы; определена их тематика—отходничество, переселенчество, жалобы на тяжкую долю. Но эти темы, по справедливому замечанию автора, «не занимают в крестьянской поэзии первостепенного места. Они заслоняются темами революционного характера»². В начале XX в. в деревню проникают новые революционные песни и гимны, и в эти годы широкого народного движения пролетарская поэзия сближается с крестьянской. Отсутствие достаточного количества записей произведений революционной поэзии, «проникавшей в крестьянскую среду в эти годы, или новых произведений, созданных самим крестьянством»³, мешало автору представить деревенский революционный репертуар с необходимой полнотой. Он производит впечатление обедненного и случайного, а выводы—недостаточно аргументированными. Объем революционной поэзии деревни остается невыясненным.

Данные архивов и экспедиций показывают, что на рубеже двух веков в саратовских селах было немало песен рабочей и революционной тематики. Это имеет свои причины: Саратовская губерния относилась к тем местностям, в которых «разложение земледельческого крестьянства оказывается за-

¹ П. Г. Ширяева. Народное творчество революционной эпохи, стр. 405—424.

² Там же, стр. 408.

³ Там же, стр. 406.

метно сильнее»¹, значит, крепили связи крестьян с городом, и весь ход социально-экономического развития готовил почву для успеха действовавших революционных партий. Семена агитации падали не на целину; народнический «революционный фермент» из интеллигентной среды распространяется на рабочих и крестьян. Уже в начале 1902 г. представитель газеты «Искра» писал о работе саратовских социал-демократов в деревне: «До сих пор в ней работали лишь социалисты-революционеры, но за последнее время спрос на социал-демократическую литературу оттуда огромный, эсеровская не удовлетворяет. Связи завязываются»².

Неслучайно в Саратов губернатором был назначен П. Столыпин, правитель, известный своей гибкостью и решительностью. Некогда бывший здесь губернатор А. Косич писал Н. Хованскому по поводу этого назначения: «Когда спросили П. А. Столыпина, как он попал в Саратов, он ответил: «По желанию государя, который сказал, что губерния эта требует вот чего», — и при этом показал кулак. Столыпин ответил: «Может быть, Ваше Величество, но нужно при этом и что-либо другое»³.

В революцию 1905—1907 гг. крестьянское движение в Саратовской губернии отличалось исключительной силой, значительно превышая средний общерусский уровень⁴.

Особенности хозяйственного и политического развития губернии наложили отпечаток на бытовую и духовную жизнь деревни, ее вкусы и пристрастия, в том числе в чтении, песнях.

Песенный репертуар саратовской деревни конца XIX—начала XX в. являет собою смешение традиционного творчества с городским. Песни протеста периода крестьянских движений: удалые, разинские, антикрепостнические — утрачивали свое оппозиционное значение и забывались. Исключение представляет песня о «Сынке Стеньки Разина», отчетливо и ярко выраженной идеей неповиновения, вызова власти. В конце

¹ В. И. Ленин. Развитие капитализма в России.—Полн. собр. соч., т. 3, стр. 132.

² История Саратовского края, 1590—1917. Изд-во СГУ, Саратов, 1964, стр. 137—138.

³ ГАСО, ф. 407, ед. хр. 6582. Письмо без даты. Слово «кулак» выделено адресатом.

⁴ В. М. Гохлернер. Из истории крестьянского движения в Саратовской губернии в годы первой русской революции (1905—1907 гг.).—«Ученые записки» СГУ, т. LV, Саратов, 1956, стр. 242.

XIX — начале XX вв. эта песня жила в Саратовском Поволжье повсюду. Хорошо помнились местные предания о расправах Разина и Пугачева с жестокими помещиками.* Имена Разина и Пугачева были символами народной борьбы. Настоящее же положение деревенского люда, его классовые чувства гораздо определеннее выражали «новые народные песни» — частушки, в особенности же — песни рабочих, тем более понятные, что фигура деревенского пролетария стала обыденной и для сельского вида.

Несмотря на рост промышленных предприятий в городах и селах, Саратовское Поволжье и в начале XX ст. остается центром земледельческого производства с преобладанием крестьянства, с его, по характеристике Ленина, мелкобуржуазным укладом хозяйства. Неслучайно именно в Саратовской губернии «раньше всего и прочнее всего социалистам-революционерам удалось организовать работу в крестьянстве»¹. В 1905 году они создали в губернии десятки «братств» и «боевых дружин», занимавшихся аграрным террором, а также организации «Крестьянского союза», объединившие около десяти тысяч человек². Тактику социалистов-революционеров, активно действующих в период буржуазной революции, метко характеризовал Н. Г. Гарин-Михайловский, противопоставляя ее социал-демократической: «И в такие мгновения у с.-р. более развязаны руки ломать барьеры, чем у с.-д., огражденных рамками законов жизни...»³.

Теоретические позиции социалистов-революционеров Ленин определял как позиции «между двух стульев посреди русского марксизма (от которого они переняли только жалкие обрывки) и квазисоциалистического либерально-народнического направления»⁴.

Социалисты-революционеры не заботились и о создании своей агитационной поэзии, сознательно взяв на вооружение

¹ В. Веселовский. Крестьянский вопрос и крестьянское движение в России (1902—1906 г.), СПб., 1907, стр. 26.

² В. М. Гохлернер. Из истории крестьянского движения в Саратовской губернии в годы первой русской революции (1905—1907), стр. 224 и 235.

³ Завещание писателя. (Письмо Н. Г. Гарина-Михайловского к сыну). Публикация Г. М. Миронова. — Прометей. Историко-биографический альманах «Жизнь замечательных людей». М., «Молодая гвардия», 1966, т. 1, стр. 275 (Письмо от 20 января 1906 г.).

⁴ В. И. Ленин. Почему социал-демократия должна объявить решительную и беспощадную войну социалистам-революционерам. — Полн. собр. соч., т. VI, стр. 373.

социал-демократическую и народническую. В издаваемых ими песенниках печатались революционные гимны, песни и стихотворения, распространяемые и социал-демократами. Даже «Интернационал», названный В. А. Келдышем гимном «только социал-демократов»¹, значится в эсеровских списках «песен бунтовщиков»². Отдельные из произведений они особенно предпочитали, например, стихотворение на смерть террориста Балмашева и особенно «Крестьянскую марсельезу», популярность которой в аграрной Саратовской губернии была исключительной. Но «Крестьянская марсельеза» печаталась в песенниках и листовках социал-демократов.

Рабочая песня в деревне. История рабочей и революционной поэзии в саратовской деревне—во многом общая с другими областями Поволжья. Собирать ее стали только после Октября.

Поэтому о начальном периоде жизни рабочей песни в Саратовском Поволжье конкретных материалов очень мало. Всего несколько лет назад записан текст «Распоследний был прядильщик у Морозова-купца», хотя это одна из самых ранних и распространенных песен о пролетаризации крестьянина, хлебнувшего городской «культуры» и возвратившегося домой ни с чем.

Образ «фабричного» появляется в игровых песнях, например, о Дуняше, которая «по бережку ходила, гуляла, фабричного кричала, махала»³. Или «песню заводскую» вспомнила 80-летняя А. М. Панова:

Голубушка сизокрылая, сизокрылая,
Ты скажи-ка,
Где живет мой милый?
А мой милый он на работе, на работе,
На большом заводе.
Точно пар горячий по заводу,
Пошла слава по всему народу.
А я, девка, славы не боюсь,
Кого люблю, с тем не расстаюсь⁴.

¹ В. А. Келдыш. Проблемы дооктябрьской пролетарской литературы. Наука, М., 1964, стр. 79.

² ГАСО, Саратовское Охранное отделение (в дальнейшем: СОО), ед. хр. 40, 1905.

³ М. Е. Соколов. Великорусские плясовые песни и припевы, записанные в Саратовской губ. Рукопись 1915 г. ГАСО, ф. 407, ед. хр. 1436.

⁴ С. Екатериновка. Запись 1965 г. Фольклорный архив.

Из трудовых деревенских песен местные газеты сохранили два коротких текста «Дубинушки» с печатью городского влияния¹. Подобного рода «Дубинушки», состоявшие из набора куплетов, записывались и экспедициями последних лет. Под названием «бурлацкая» записана «Дубинушка» Трефолева. Эти песни пелись в рабочих артелях. Пелись они и на деревенских работах².

Известно, что народ поет о том, что переживает, что связано с ходом истории. Саратовское Поволжье конца XIX в. собирало массу отходников—крестьян, направляющихся на заработки и возвращающихся с них. Целый раздел песен деревни связан с отходом, с трудом на капиталистических предприятиях. Фольклор об этом слагался и в деревнях и заносился в них из города. Чаще всего он рассказывал о личных невзгодах. На саратовской земле сложился иронический диалог о «пензяке», возвратившемся домой ни с чем. По тематике и насмешливому тону он смыкается с песней о морозовском прядильщике, которому после расчета ничего не пришлось. Летом, идя на заработки, крестьянин полон надежд:

- Пензяк, куда идешь?
- За Волгу.
- А собаку зачем ведешь?
- Галушками кормить.

Осенью он возвращался, еле волоча ноги:

- Пензяк, откуда идешь?
- Из-за Волги.
- А собаку зачем ведешь?
- На Покров день съем³.

Те же темы и в частушках отходников и сезонных рабочих рыбных промыслов: «Пришел без копейки, без рублевки домой так», «Моряк в море сети рвет, что добудет — все проплет»⁴. Ушедший в город потерял для деревни: «Прощай, ба-

¹ Горожанин. Деревенские письма. Письмо второе.—«Саратовский дневник», 1893, № 223. Н. О—льгин. В порядке вещей.—«Саратовский дневник», 1890, № 131.

² От К. П. Сухоплюева, 78 лет, с. Небезкино, Ширококарамышского района. Запись 1958 г. Фольклорный архив.

³ От А. С. Архипова, 57 лет, д. Петровка, Даниловского района Пензенской обл. (прежде Саратовской губ.). Запись 1950 г. Фольклорный архив.

⁴ Н. Работнов. Низовая «частушка».—«Живая старина», вып. I, 1906, стр. 80.

тюшка родной, не работничек я твой — я из трактира половой»¹.

На рубеже двух веков в Саратовском Поволжье все больше стало появляться предприятий, обрабатывающих продукты сельского хозяйства и скотоводства. Промышленность не была сосредоточена в г. Саратове, а разбросана по уездным городам и, особенно, по селам, что вытекало из самого ее характера².

Куплеты с оценкой капиталистического предприятия и положения трудящихся на нем появились и в деревне. В конце XIX в. мукомол Борель в с. Н. Добринке Камышинского уезда построил огромную пароводяную мельницу, молотившую 20 тыс. пудов в сутки. Такая громадина вызывала удивление и гордость:

Борельские мукоसेи—
Первые люди во Россее.

И эти же «первые люди во Россее», как и рабочие города, жаловались в других частушках:

Распроклятая ты жисть—
По гудку вставай, ложись³.

Так в селах складывались припевки новой, недеревенской тематики, в них слышится недовольство жизнью.

Надо думать, отходниками были занесены в деревни такие песни пролетариев начала века, как безымянная «Жил я только мучился» и близкая ей по содержанию «Измученный, истерзанный наш брат мастеровой» П. Г. Горохова, поэта из рабочих. В литературе их называют песнями-жалобами, чуждыми «социального гнева», близкими к «жестоким» романсам⁴, или упадническими, разоружающими рабочий класс⁵.

Из рабочих песен именно эти удержались в памяти пожилых колхозников до сих пор. В свое время они давали объективное изображение жизни мелких ремесленников, с их про-

¹ ГАСО, ф. 407, ед. хр.

² Г. Саар. Саратовская промышленность в 90-х и начале 900-х годов, стр. 7.

³ Из рукописи И. С. Овчинникова «Поэзия и жизнь», представленной автору для ознакомления.

⁴ М. С. Друскин. Революционные песни 1905 года. С приложением 13 нотных примеров. Л., 1936, стр. 19.

⁵ А. Дымшиц. Из истории рабочего фольклора дооктябрьской эпохи, стр. 127.

шовыми заработками и неустойчивым материальным благополучием, подверженным малейшим случайностям, выражали их подлинные чувствования. Эти песни деревня приняла, как свои.

Может быть, именно деревне принадлежит стиливая окраска песни под традиционные, особенно заметная в некоторых вариантах «Жил я только мучился»:

Я вышел из больничушки—
В кармане—ни гроша,
Муничушка на плечушках
Не очень хороша,
Фуражечка истрепана...¹ и т. д.

Без имени автора распространялась песня «Измученный, истерзанный». Ее популярность была использована И. Д. Сытиным, «с величайшим старанием изучавшим вкусы народа»², он не раз издавал песенник под названием «Измученный, истерзанный наш брат мастеровой». Песенник открывался этой песней с подзаголовком: «Любимая народная песня»³.

Близка по настроению к этим песням «Дубинушка» Л. Н. Трефолева. В ней—восприятие поэтом народной песни этого названия: «тоска—похоронный напев, и бессильный, страдальческий гнев». В саратовских селах и сейчас можно записать трефолевскую «Дубинушку», которая помнится в тексте, близком авторскому. Она жила как бытовая. В число агитационных песен она попала в начале XX в. (народники в своих изданиях ее не печатали)⁴, оставаясь при этом легальной песней, распространяемой дешевыми песенниками для народа.⁵

В дооктябрьской революционной практике авторские песни, с состраданием изображающие горькую жизнь и тяжкий труд рабочего и бедняка, широко использовались в агитационной работе и входили в сборники «Песен труда» («Дубинушка» Трефолева, «Песня о рубашке» Т. Гуда, «Песня париев» Барыковой, «Песня рабочих» Дрожжина, «Доля бедняка»

¹ От А. Г. Ширшиной, 49 лет, с. Волхонщина, Пензенской обл. (в прошлом Саратовской губ.). Запись 1950 г. Фольклорный архив.

² И. Д. Сытин. Страницы пережитого. Жизнь для книги. М., 1962, стр. 32.

³ Новейший сборник песен. «Измученный, истерзанный наш брат мастеровой». Тип. И. Д. Сытина. М., 1914, стр. 3—4.

⁴ Песни труда. Р-н/Д, 1905.

⁵ А. Якуб. Современные народные песенники, стр. 72.

Сурикова)¹. Некоторые из них фольклоризовались и жили рядом с такими рабочими песнями, как «Измученный, истерзанный». Оценки песен-жалоб, только как отражающих мещанские настроения и якобы дискредитирующих рабочее творчество и рабочие вкусы, едва ли справедливы. Эти бытовые песни о горькой народной доле идут рядом с революционными и сейчас вспоминаются певцами как песни об угнетенных, обиженных: «Доля бедняка» — старая песня о беденьком мужичонке»².

Таким образом, целый раздел деревенского песенного репертуара конца XIX—начала XX ст. составляют припевки и песни, тематически близкие и городу, и деревне: безрезультатны попытки крестьянина заработать на стороне и выбиться из нужды, тлетворно нравственное влияние города; едва ли завиднее бедняцкого доля ремесленника (мастерового), в положении которого оказывается вчерашний крестьянин. Взгляд на долю, вернее, бездоле крестьянина и мастерового единообразен и постоянен в этих песнях, будь они ироничными (о морозовском прядильщике) или жалобными, будь они сложены в середине или в конце XIX века.

Революция 1905 года и песни. «Крестьянская марсельеза». Известно, что народники многие свои песни и стихотворения адресовали именно крестьянам и распространяли их в деревнях. Но поначалу они там не задержались. Только «Доля» Д. Клеменца, близкая крестьянским думам и делам, фольклоризовалась и дожила в саратовских селах до наших дней. Новое время, включившее и деревню в революционную борьбу, существенно модернизировало авторский текст: героем песни стал активный мститель, а не ходок-жалобщик, в ссылке он встречается с «товарищем».

Уж ты, доля, моя доля,
Доля горькая моя!
А зачем ты, доля злая,
До Сибири довела?
Не за пьянство, не за буянство,
Не за ночной разбой,—
Стороны родной лишился
За крестьянский люд честной.
Год голодный, год холодный,

¹ См., например, сб. «Песен труда», Р-н/Д, 1905.

² От П. С. Гладковой, 60 лет, с. Б. Чернавка, Пензенской обл. (прежде Саратовской губ.). Запись 1950 г. Фольклорный архив.

Стали подати собирать
И последнюю скотину
За бесценок продавать.
Не стерпело мое сердце—
Я урядника убил,
А за это преступленья
В рудники я угодил.
Там товарища я встретил:
—Здравствуй, друг, и я с тобой.
Далеко ль село родное?—
Мне хотелось бы узнать:
Не пришлось односельцам
С шен подати скачать?¹.

В таком существенном переосмыслении жила эта песня в саратовских селах, несмотря на то, что революционные издания начала XX в. продолжали печатать текст Д. Клеменца о ходоке². С расчетом на известность «Доли» не позже 1904 г. был написан новый ее текст под названием «Горе». Героем и этой новой песни оставался мужик, а рассказывала она о таких событиях русской жизни начала века, которые затронули широкие народные массы.

Горе

(на мотив «Ах ты, доля»).

Эт ты, горе, мое горе,
Ты крестьянская беда,
Словно немочь, привязалась,
С ног свалила мужика.
Пятьдесят я лет работал,
Надрывался над сохой,
Думал, вырастут ребята,
Будет в старости покой.
Вырос старший. На работу...
В город я его пустил...

¹ От Ф. К. Ефимовой, 71 года, д. Марфино, Аткарского района. Запись 1957 г. Фольклорный архив.

² Песни борьбы. Сборник революционных стихотворений и песен. Издание Союза русских социал-демократов, Женева, 1902 г.

«Боевая группа» партии социалистов-революционеров в своем уставе утверждала, что песни в борьбе столь же необходимы, как и бомбы, и форма. «Доля бедняка» Д. Клеменца имеется в тетрадах и значится в списке «Песен бунтовщиков», отобранных у террориста этой группы Д. К. Горохова (СОО, ед. хр. 40, 1905).

Не вернулся: на заводе
Жизнь свою он загубил.
Прижимать их стал хозяин,
Стачку сделали они...¹
Да солдат на них прислали,
Много крови пролили.
Сын второй был грамотеем,
Книжки часто нам читал,
Как свободы добиваться...
Да и тот, бедняк, пропал.
Ночь была, когда жандармы
Налетели на село,
Много книг у нас забрали,
Увезли с собой его.
На последнего надежда
Оставалась только мне,
Да забрали лоб по осень,
А теперь уж на войне.
И в Маньчжурии далекой,
За царя да за купцов
Буйны головы положат
Много славных молодцов.
Эх ты, горе, мое горе,
Ты крестьянская беда!
Словно немочь, привязалась,
С ног свалила мужика¹.

Эта песня задержалась в деревне. Крестьяне приспособили ее к новому времени: в поздних текстах речь шла о войне с Германией. В народной редакции беда, обрушившаяся на мужика,—от властей, и они нагнетаются до крайности (в духе жестоких романсов): третий сын вернулся калекой и пошел по миру, дочь-красавицу украли каратели:

¹ ГАСО, ф. 53, ед. хр. 12, т. I, 1906 г.

Из гектографированного песенника, найденного в г. Вольске ночным караульным. Песенник без обложки. Но, по-видимому, его напечатали социалисты-революционеры. В нем много и других революционных песен: «Интернационал», «Варшавянка», «Смело, товарищи, в ногу», «Уж ты, доля, моя доля» и др.—всего 20 текстов. В феврале 1905 г. в Саратове был арестован транспорт с революционными изданиями социалистов-революционеров, среди которых значится «песня о русско-японской войне «Горюшко» (ф. 57, ед. хр. 15, 1905). Текста в деле нет, возможно, что речь идет о той же песне «Горе».

.....
Третий вырос парень бравый,
Молодец из молодцов,
Он с Германней сражался
За дворянов, за купцов.
Был он ранен пулей в ногу
И домой тогда пришел,
С той поры он стал калекой,
С сумой по миру пошел.
Но не всю судьбу украли
У меня у старика:
Дочь-красавица осталась
При несчастье моем.
Сбунтовался люд голодный—
К нам прислали эскадрон,
Дочь-красавицу украли—
Я остался бобылем.
От царя пришла бумага,
Чтобы подати собрать,
Кто не выполнит ук за—
В арестантски роты того сослать¹.

Революционные борцы, действовавшие в деревне на рубеже двух веков, предлагали крестьянам агитационные песни народников, а позднее и новые. Теперь революционная поэзия шла в самые «глубины» народа, она доводилась до широкого слушателя как «самая лучшая». Неизвестная корреспондентка, снабжавшая крестьянина Н. М. Сорокина (с. Гусиная Лапа Саратовского уезда) нелегальной литературой, возлагала на песни особые надежды в агитации. Она писала о них: «Ты пишешь, что песни ваши слушают с интересом в хороводе, вот это-то я и хотела, чтоб народ отвык от плохих песен и любил хорошие»².

Несомненно, что только в пролетарский период народнические песни стали понятны как рабочим, так и крестьянам. Воспринимались они активно, творчески, свидетельство этого—многочисленные переделки, добавления. В сущности эти песни начали новую жизнь в массах. В поволжские деревни политическую литературу и тенденциозную поэзию несли земские учителя, городские агитаторы и сами крестьяне, работав-

¹ Записана в садах Черемшана (Хвальский уезд) в 1920 году. Песня названа «бытовой». Фольклорный архив.

² ГАСО, ф. 53, ед. хр. 185, т. III, 1903.

шие в железнодорожных мастерских, на заводах Саратова. Дела о сельских учителях, подозреваемых в революционной агитации и хранивших у себя списки стихотворений, чтимых народовольцами, нередко в Жандармском управлении. Ртищевские учителя создали кружок из рабочих железнодорожного депо, многие из которых были из крестьян. Революционные песни в кружке заучивались наизусть с листков, а на листки они переписывались из нотного сборника песен¹.

Чем дальше, тем больше таких «дел о песнях». Ширилась известность многих старых сюжетов, орудием классовой борьбы в деревне становились и новые песни социал-демократов.

Революция 1905 г. явилась началом нового этапа в борьбе пролетариата и крестьянства. Именно с этого времени революционные гимны становятся массовыми. Старожилы—колхозники и сейчас помнят «пятый год», как важнейший рубеж в их борьбе за свободу, принесший в деревни и новые песни. Вспоминая о событиях 1905 года в с. Якобьевке, 74-летний Ф. И. Мельников утверждал: «Тогда и песни пошли разные, революционные»². «Мы первые тогда пели песни: «Вставай, проклятьем заклеименный!»—говорил 76-летний С. К. Овчинников из с. Асметовки³, справедливо ощущая «пятый год» как начало революционной эры, когда старые гимны были восприняты сознательно и потому как новые.

В переписке о крестьянине д. Каржимант Петровского района Степане Добряшкине сохранилась в качестве доказательства его неблагонадежности записка, написанная им некоему г-ну М. Самсонову с просьбой помочь крестьянам в приобретении революционного песенника. Он сообщал, что приходил к Самсонову 9 января и не один, «так как мне хотелось выучить социал-демократические песни, так вот, пожалуйста, найдите такую песенку... Постарайтесь найти песенки социал-демократической рабочей партии». При обыске у Добряшкина был отобран и приобщен к делу рукописный с нотами «Походный марш» («Отречемся от старого мира»)⁴.

Даже женщины, совсем не причастные к революционной деятельности, случалось, пели эти песни. Колхозница Е. В. Иванова из с. Юнгеровки рассказывала: «У барыни Кутаревой была любимая служанка Марфа. После 1905 года Марфа

¹ ГАСО, ф. 53, ед. хр. 108, 1900. Песенник издания 1900 г. террористической группы «желзябинцев».

² Петровский район. Запись 1957 г. Фольклорный архив.

³ Бакурский район. Запись 1957 г. Фольклорный архив.

⁴ ГАСО, ф. 53, ед. хр. 12, т. I, 1906. Письмо от декабря 1905 г.

убирала ягоды и вдруг запела песню: «Вставай, подымайся, рабочий народ!» Барыня была недалеко, услышала:

- Ты не пой, ее нельзя петь.
- Да ведь ее поют.
- Кто поет?
- Да все поют.
- Нельзя петь! ¹.

Саратовская деревня 1905 года знала свой вариант припева этой знаменитой «Марсельезы» П. Л. Лаврова:

- Вставай, поднимайся, рабочий народ,
- Берите дубинки и бейте господ! ²

В 1905—1907 гг. в Жандармское управление из уездов часто доносили о пении «Марсельезы», именуемой «преступной» или «рабочей» песней. Припевы в донесениях варьировались: «Вставай, подымайся, весь русский народ» пели, — как доносил исправник, — крестьяне Волосатовки и Медведевки Аткарского уезда 9 мая на сходке в лесу и по дороге в деревни ³. 1 мая, наряду с другими песнями, ее пели крестьяне с. Ириновки, Тепловской волости, возвращаясь через село со сходки. Причем староста и односельчане свидетельствовали, что революционные песни «пелись в с. Ириновке и ранее без всякого стеснения» ⁴. Помощник начальника губернского Жандармского управления в Петровском и Сердобском уездах — ревностный службист — еще и в 1910 г. обращался в управление с просьбой снова допросить этих крестьян, с какой целью пели они «Марсельезу» и «другую, в которой говорилось, что царь торгует водкой, а министры воруют». Такая настойчивость могла объясняться только тем, что блюстители порядка в полной мере осознавалось, как велико воздействие этих песен на массы. «Этими песнями,—писал он,—возбуждается учинение бунтовщического деяния и ниспровержение существующего в государстве общественного устройства, а также оскорбляется государь-император» ⁵.

¹ От Е. В. Ивановой, 64 лет. Запись 1962 г. Фольклорный архив.

² П. И. Иванов, 75 лет с. Комаровка, Бакурского района. Запись 1957 г.

³ ГАСО, ф. 53, ед. хр. 103, 1905.

⁴ ГАСО, ф. 53, ед. хр. 109, 1905. См. также за 1906 г. ед. хр. 341.

⁵ ГАСО, ф. 53, ед. хр. 38, 1910 г. Крестьяне уже два с половиной года содержались в саратовской тюрьме по подозрению в нападении на помещицкую усадьбу. Затем они были отданы под особый надзор по местожительству на четыре года.

«Марсельеза» печаталась во всех нелегальных песенниках и листовках рядом с новыми песнями, переписывалась в тетради, расходилась устным путем: листки с песней, сохранившиеся в делах Жандармского управления, несут следы записи по памяти (ошибки, исправления)¹. В Саратовском Поволжье «Марсельеза» бытовала без существенных отступлений от текста П. Л. Лаврова. Лишь предпоследняя строфа в условиях нового времени приобрела большую обобщенность и звучала утвердительно:

И взойдет за кровавой зарею
Солнце братства и вечной любви,
Хоть купили мы страшной ценою —
Кровью нашей — счастье земли.

Из других революционных гимнов, начиная с 1905 г., исключительной популярностью в аграрной Саратовской губ. пользовалась «Крестьянская марсельеза» («Отпустили крестьян на свободу 19 февраля») с ее постоянной для агитационной поэзии темой — счетом крестьян угнетателям и призывом встать за землю и волю. Переписанная от руки «Крестьянская марсельеза» очень часто обнаруживалась при обысках и сейчас вспоминается пожилыми колхозниками как революционная песня. У Федора Беспалова она была переписана, очевидно, по памяти, в числе других революционных песен.

Отпустили крестьян на свободу
Девятнадцатого февраля.
Только землю не дали народу —
Вот вам милость дворян и царя.
Припев: За честь, за свободу, за хлеб трудовой
Идем мы на битву с врагами.
Не довольно ли властвовать над нами?
На бой! На бой! На бой!»²

Без земли мужики пропадают,
А дворяне-то рады тому,
Что дешевле они нанимают
Мужиков на работу свою!
Чтобы с голоду нам не подохнуть,
На дворян мы работать идем,
И живет эта жадная свора

¹ Из донесения о саратовском мещанине Федоре Беспалове, квартирующем в с. Глотовке, Вольского уезда. (ГАСО, ф. 53, ед. хр. 6, т. V, 1906 г.).

² Повторяется после каждого куплета.

Исключительно нашим трудом.
Прижимает начальник нас земский,
Нам урядник дохнуть не дает,
Поп пугает нас адом кромешным,
А за требы последок берет.
Продают у нас лошадь за подать
И корову за долг барин взял,
А без лошади как нам работать?
Поп твердит: — Это бог наказал.
Сыновей наших гонят в солдаты,
Из ружья научают стрелять,
Для того, коли мы возмутимся,
Чтоб могли они нас усмирять.
Нет! Довольно терпеть нам обиду,
Пред дворянами гнуться в дугу.
Разогнем мы могучие спины
И покажемте силу врагу!
Соберемся могучею ратью,
Разгромим мы дворцы палачей,
Возвратим себе матушку-землю
И не станем платить податей.
Ведь Россия-то — волость большая,
Волостной в ней порядок введем,
Старшину выбирать также будем,
Также сход волостной соберем.
Волостной этот сход с старшиною
Мирской сбор по душам раскладет,
Собирать со всех поровну будут,
И дворяне от них не уйдут.
Землю поровну всем мы разделим,
У других не пойдем занимать.
Школ по всем деревням мы настроим,
Будем всякие книжки читать.
Сыновей не пошлем мы в солдаты,
А как буры — чуть только война —
Соберем мы охотников тотчас,
И тогда всем врагам уж беда!
Так восстанем же, братья, смелее
И опять у нас будет земля!
И на горькой осине повесим
Всех дворян и попов, и царя!¹

¹ ГАСО, ф. 53, ед. хр. 6, т. V, 1907.

Причина популярности этого гимна в деревне заключалась в том, что он в свое время выразил самые сокровенные думы крестьянина и его отношение к существующему порядку вещей. Иванов-Разумник в статье 1906 года «Что думает деревня?» писал о том, что малоземельное крестьянство надеется на передачу земли в руки тех, кто трудится, что все крестьяне сходятся на том, чтоб «прекратили земских начальников: нам, крестьянам, они ни к чему», что на крестьянских собраниях единодушно ратовали за уравнительное землепользование¹.

В саратовских селах на сходках крестьянские ораторы выражали открыто свои взгляды, и в главном они совпадали с идеалами, выраженными «Марсельезой». В 1910 г. крестьяне села Большой Карай Балашовского уезда братья Згадовы «публично возбуждали присутствующих к ниспровержению существующего в государстве общественного строя и к неповиновению и противодействию закону, говоря, что землю господскую и казенную нужно отобрать и поделить поровну между крестьянами и что не следует платить податей, давать сыновей в солдаты»².

В 1916 г. солдат переписал гимн по памяти в записную книжку тамбовского крестьянина Митина, работавшего на лесной пристани в Царицыне, с таким началом:

Отпустили крестьян на свободу
Девятнадцатого февраля.
Только — не дали землю народу —
Нам не надо Николку-царя.

У крестьянина ее списал работавший там же казак Василий Каратунов. Так часто революционные песни распространялись в списках даже среди малограмотного люда³.

В эти годы деревня познакомилась и с новыми песнями революции. Их популяризировала сельская интеллигенция⁴, их имели при себе агитаторы, отправляющиеся в села⁵. Создается впечатление, что, как в былые времена интеллигенция, так теперь крестьяне собирались на вечеринки, чтоб попеть революционные песни, во всяком случае, это входило в программу сборищ. Вольский исправник доносил, что у фельдшера с. Ца-

¹ Иванов-Разумник. Что думает деревня? — «Русское богатство», 1906, № 5.

² ГАСО, ф. 53, ед. хр. 36, 1910.

³ ГАСО, ф. 9, ед. хр. 5793, 1916.

⁴ ГАСО, ф. 53, ед. хр. 9, т. II, 1908.

⁵ ГАСО, ф. 53, ед. хр. 6, т. V, 1907.

ревщины Суходольского, «известного за прогрессиста», в феврале 1908 г. на квартире состоялась вечеринка, где «пелись преступного содержания песни». Крестьянин Иван Леонтьев пел «Вставай, поднимайся, рабочий народ». Несколько человек крестьян пели «Марсельезу», «Вы жертвою пали»... и еще какую-то про Думу, «Как Столыпин из думы бежал и подтяжки потерял». В донесении было сказано, что некоторые песни пелись под аккомпанемент гармошки¹. В делах о сельских учителях, о крестьянах после 1905 г. сохранились рукописные тексты «Варшавянки», «Слезами залит мир безбрежный»², «Смело, товарищи, в ногу»³, отличия которых от авторских совсем незначительны.

Агитационная поэзия революционеров-профессионалов стала известна саратовской деревне с первой русской революции и особенно распространилась после нее⁴.

Сатиры. Солдатские песни в деревне. С 1905 годом старожилы саратовских сел связывают и еще многие песни, известные со времени «хождения в народ». Сочиненная в 60-е годы прошлого века песня «Ах ты, сукин сын, проклятый становой» пелась «на сходках в кустах», там ее и запомнил С. Е. Муравьев как «частушки на мотив «Камаринской».

Ах ты, сукин сын, помещик-грубиян,
По закону чисто высосал крестьян
И землю их так ловко обделил —
Вместе с богом ты и черту угодил.
Ах ты, сукин сын, ярыга пьяный поп,
Полицейский да помещичий холоп,
Ты зачем идешь по воле божьей врать? —
Стыдно с жирной харей бога надувать!
Ах ты, сукин сын, бишь, царский офицер,
Ты зачем на девок пялишь свой мундир?
Нет уж, дудки, нашей воле не перечь,
Нет уж, дудки, нас уж более не сечь!
Ах ты, сукин сын, проклятый становой,
Во всю пруть летить на паре на мирской.

¹ ГАСО, ф. 53, ед. хр. 9, т. II, 1908.

² ГАСО, ф. 53, ед. хр. 19, 1908, ф. 53, ед. хр. 9, 1907.

³ ГАСО, ф. 53, ед. хр. 341, 1906.

⁴ Эти песни распространялись и социалистами-революционерами; СОО, ед. хр. 40, 1905; «К крестьянам» — большая листовка социалистов-революционеров с текстами песен от 1905 г. и др.

Целый стан, поди, как липку, ободрал,
Ах ты, сукин сын, чтоб черт тебя подрал!¹

Помещик, поп, каратель-офицер, становой показаны как прямые обиралы и обидчики многих поколений крестьян, с которыми они имели дело непосредственно.

По тематике, объекту сатирического обличия и общему тону этой песни близко и более позднее произведение, пользовавшееся широкой известностью в Саратовском Поволжье.

В деревне Елховке,
В огороде у Левки
Припев: Ой, горюшко-горе
В огороде у Левки²

Там случилось дело:
Лежит убитое тело.
Убито — прибыто,
Рогожкой покрыто.
По делу к Маланье
Становой едет пристав.
В овчинном тулупе
Старшина за ним лупит.
А за ним письмоводитель
И урядник-грабитель.
Ходит мать Маланья
И руками разводит:
— Чего ведь вам нужно,
Приготовила я ужин.
Яиц сот пяточек,
Ветчины да кусочек.
Старшине на приварку —
Два барана да ярку³.

Развертывающаяся классовая борьба сделала актуальными и для деревни произведения о месте солдата в этой борьбе. Задолго до революции 1905 г. в деревню было занесено в виде листовки известное еще народникам стихотворение «Братцы,

¹ М. Е. Муравьев, 74 лет, с. Ревино, Красноармейского района. Запись 1960 г. Фольклорный архив.

² Повторяется после каждой строфы с последней ее строкой.

³ От группы певиц—мордочок: Слугиной Е. М., Бояркиной М. М. и др., с. Н. Захаркино, Жерновского района. Запись 1957 г. Фольклорный архив. Песня цитировалась Ф. Гладковым в «Повести о детстве» (журнальной публикации), написанной на саратовских материалах.

дружно песню грянем»¹. Его приносили и солдаты со службы. Колхозник М. А. Лобанов вспоминал, что знает его именно со времени своей службы: «В 1907 году мы ее пели на турецкой границе»². Он назвал песню «Солдатской революционной», сказав при этом, что она была нелегальной. Из всех революционных стихотворений, обращенных к солдату, именно это помнится в саратовских селах до сих пор.

Братя, дружно песню грянем
Удалую в добрый час,
Мы рабочих бить не станем —
Не враги они для нас,
Только злые командиры
Их приказывают бить,
Чтоб солдатские мундиры
Братской кровию облить.
Брат пойдет ли против брата?
А крестьяне — братья нам.
И для честного солдата
Убивать их грех и срам,
Так затынем же дружнее
Нашу песню в добрый час:
Мы рабочих бить не станем —
Не враги они для нас!

Тема этой песни была чрезвычайно злободневна для саратовской деревни, недавно громившей усадьбы и познавшей жестокость расплаты. Крестьяне сами пытались сочинять стихотворения именно на эту политически важную тему. У Гавриила Гайворонского, крестьянина из Ольховки Камышинского у., служившего трактирным слугой в посаде Дубовке, при обыске отобрано стихотворение «К солдатам»:

Вы, товарищи солдаты,
Вы из нашего же брата.
Так зачем же вы на нас
Исполняете приказ?

¹ В дознаниях именовалась «прокламацией в стихах» (ГАСО, ф. 53, ед. хр. 195, 1905). Первыми в 1903 г. песню напечатали в виде листовки социалисты-революционеры для распространения в губернии. В 1904 г. пачки листовок с «Солдатской песней» были найдены спрятанными в надворных постройках крестьян с. Урлейки Петровского у. (ГАСО, ф. 53, ед. хр. 120).

² Ему 74 года. Он из с. Невежино, Ширококарамышского района. Запись 1958 г. Фольклорный архив.

Мы есть просим — не дают,
А не то — в тюрьму возьмут.
Иль нагайки зададут,
Бывает, казни предадут,
Казнь богу ведь противна,
А ты, солдат, ведь веришь богу,
Так зачем же вы на нас
Исполняете приказ?¹

Он утверждал, что сам сочинил его.

Пользовалась известностью среди саратовских крестьян в годы реакции и переделка сатиры Н. А. Морозова и Д. А. Клеменца «Тайное собрание». Саратовский мещанин Федор Беспалов, проживающий в с. Глотовке Вольского уезда, с революционными целями, переписал, наряду с другими, и сатиру «Появились во столице подозрительные лица»². Учитель из крестьян, Семен Христофоров, привлекавшийся к дознанию за «преступную пропаганду среди крестьян с. Адоевщины Хвалынского у.», в тетрадь с нелегальными песнями поместил ту же «Как во нашей во столице подозрительные лица»³.

Примечательно, что и крестьяне выучивали эту песню: 1 мая 1905 года ее пели крестьяне с. Ириновки Аткарского уезда. Исправник в свое донесение об этом вписал запомнившийся ему куплет из песни: «Вся Россия торжествует — Николай вином торгует»⁴.

Из города приходили и новые сатирические песни, которые быстро, а некоторые и надолго становились достоянием деревни, вроде сатиры «О попе и черте» («Церковь золотом залита»), до сих пор не забытой в саратовских селах. Это произведение встало в один ряд с теми сатирическими сказками о попах, которых было немало в деревне. В устном бытовании оно сильно сократилось.

Церковь золотом залита.
Пред оборванной толпой.
Проповедовал поп в церкви
Во одежде парчевой.
Лица были исхудалы
Горьких бедных прихожан,

¹ ГАСО, ф. 53, ед. хр. 9, 1907.

² ГАСО, ф. 53, ед. хр. 6, т. V, 1907.

³ ГАСО, ф. 53, ед. хр. 19, 1908.

⁴ ГАСО, ф. 53, ед. хр. 109, 1905. Печаталась в нелегальных песенниках (ф. 53, ед. хр. 12, т. 1, 1906).

В мозолях их были руки,
А поп гладок и румян.
— Братья,—он взывал к народу,—
Вы противитесь властям,
Вечно ропщете на бога,
Что живется плохо вам.
Это дьявол вас смущает
В эти грешные дела,
В свои сети завлекает,
Чтоб душа его была.
В это время черт случился,
Мимо церкви проходил,
Услышал, черта вспоминают —
Уши он насторожил.
Он подкрался под окошко
И прислушиваться стал,
Чем все поп народ морочит —
Черт все это услышал.
Повалил народ из церкви,
Наконец, выходит поп...
Черт сверкнул ему очами
И попа за гриву цоп!
— Стой ты, отче толстопузый,
Расскажи, что в церкви врал
И какие ты там муки
Беднякам ты обещал?
Поп бежать. А черт за гриву,
Как щенка, его поймал,
Он поднял его на воздух,
В даль туманную умчал.
И примчал его к заводу,
К дымным, мрачным мастерским:
Стены толстые дрожали,
Адский дух стоял над ним.
Молот тысячепудовый
По болванке ударял,
Из фонтана из горячего
Всех рабочих озарял.
Возмолился долгогривый:
— Отпусти, братец, домой!¹

¹ От П. Е. Терещина. 74 лет, с. Вырыпаево, бывш. Саратовской, ныне Пензенской обл. Запись 1950 г. Фольклорный архив.

От других сатирических песен остались лишь отдельные строки, по которым трудно представить целое. Так, в 1906 г. десятки призывников, направлявшихся из сел в Саратов, на станции Вертуновка пели какую-то неизвестную песню с припевом «Нико-Нико-Николай, со престола удирай». В донесении она называлась песней «веселого напева»¹. По-видимому, сатирического свойства была и песня, которую «позволял себе петь с учениками» учитель с. Каменки Роман Сорокин: «Бога нет, царя не надо...»², а также песня «революционного содержания с произнесением слов: «Идемте, ребята, не унывайте, царю помощи не давайте», которую, по донесению, распевал нетрезвый крестьянин с. Павловки Хвалынского уезда Николай Зайцев»³.

Закономерен был путь приобщения деревни к политической сатире: через произведения о конкретных притеснителях крестьянина — к сатирам на еще недавно неприкосновенную «особу» самого царя; от сатир, «эксплуатирующих» традиционные образы и поэтику народных песен — к сатирам, совмещающим в стиле «славу» и пародию. Упоминаемый уже агитатор из города Федор Беспалов имел при себе переписанный «Народный гимн», составленный из песен разных эпох: первые два куплета известны с 60-х годов, третий — позднего происхождения.

Славься, свободный и честный наш труд,
Пусть нас за правду по тюрьмам запрут,
Пусть нас пытаются, сжигают огнем, —
Мы песню свободы и в тюрьмах споем.
Славься ты, славная родимая Русь,
Перед попом и жандармом не трусь,
Встань же смелее с врагами на брань,
Встань же скорее, родимая, встань.
Славься ты, славься, романовский род,
За то, что больше всех губишь народ!
Пьянством, буянством прославился ты
И нету подлее тебя на Руси!⁴

Песни о расплате. Выводы. Из других «тенденциозных» песен прошлого с начала XX ст. деревня знала и песни о рас-

¹ ГАСО, ф. 53, ед. хр. 264, 1906.

² ГАСО, ф. 53, ед. хр. 49, 1907.

³ ГАСО, ф. 53, ед. хр. 9, т. II, 1908.

⁴ ГАСО, ф. 53, ед. хр. 6, т. V, 1907.

плате. Новую жизнь в деревне начала песня «Пыльной дорогой телега несется». Первая русская революция и, в особенности, последовавшие за ней расправы сделали ее сюжет кровно близким для многих крестьян. Недаром она дожила до наших дней. Она стала известна деревне еще до революции. В 1904 г. она обнаружена в листовках в с. Урлейке Петровского уезда¹. Она вписана учителем Христофоровым в тетрадь с «крамольными» песнями, причем с редким в устной практике концом:

Пыльной дорогой телега несется,
В ней по бокам два жандарма сидят.
Сбейте оковы! Дайте мне волю,
Я научу вас свободу любить,
Юный изгнанник в телеге томится,
Связаны руки, как плети, висят.
Сбейте оковы!..
Дома оставил он мать беззащитную,
Будет она от тоски изнывать,
Сбейте оковы!..
Дома оставил он милую сердцу,
Будет она и любить, и страдать.
Сбейте оковы!..
Вспомнил он, бедный, народное горе,
Вспомнил, за что свою душу сгубил.
Сбейте оковы!..
Вспомнил и молвил: — Дайте мне волю,
Я научу вас свободу добыть!
Сбейте оковы, дайте мне волю,
Я научу вас, любя, умереть!

К ней близко стихотворение А. К. Толстого «Колодники», ставшее песней в конце XIX в. Революционизировал эту легальную песню ее припев, сочиненный народом, со словами: «Слышно там и тут, нашего товарища на каторгу ведут». Колхозница М. С. Власова, певшая «Колодников», говорила, что знает песню давно из песенника².

Идейная и эмоциональная настроенность этих песен была близка деревне, втянутой в борьбу с самодержавием, переживавшей обыски и аресты. После 1905 г., наряду с песнями

¹ ГАСО, ф. 53, ед. хр. 120, 1904.

² М. С. Власова, 68 лет, с. М. Карамыш, Ширококарамышского района. Запись 1958 г. Фольклорный архив.

борьбы, в деревне распространяются песни с темами расправы, каторги, тюрьмы. Издатели народных песенников — своего рода барометры народных настроений — стали чаще включать в свои сборники песни с тюремными сюжетами. «Значительно увеличилось за последние годы число песен о тюрьме и каторге, песен, всегда любимых народом», — писала исследовательница песенников А. Якуб¹.

Песня «Солнце всходит и заходит» стала популярнейшей песней саратовской деревни именно со времени первой русской революции и удержалась в памяти до наших дней. В одних вариантах песни социальная проблематика только намечалась:

..Уж ты, ворон сизокрылый,
Что ж ты вьешься над тюрьмой?
Ты спустился под окошко,
Про свободу песню пой.
Ты, свобода, ты, свобода,
Крестьянская нужда..
Как в тюрьму-то ведут много,
Из тюрьмы-то никогда².

В обширном тексте песни «Солнце всходит и заходит» 1905 года тема узника, тоскующего в неволе, модернизировалась под влиянием революционных событий: узник особенно страдает от мысли, что «все товарищи на деле» и грудью бьются за волю. Однако он верит, что

Над тюрьмами пронесется
Наш великий ураган,
Стены сами распадутся,
Сгибнет наш тогда тиран,
И «Да здравствует рабочий!» —
Крикнет весь тогда народ³.

В эти же годы сюжет «Солнце всходит и заходит» был коренным образом переработан в традициях агитационной поэзии нового времени с ее революционной символикой и олицетворением отвлеченных понятий: «произвол царит над нами»,

¹ А. Якуб. Современные народные песенники, стр. 86.

² От Е. И. Смирновой, 53 лет, д. Орловка, Свердловского района. Запись 1958 г. Фольклорный архив.

³ ГАСО, ф. 53, ед. хр. 12, т. VII, 1906. Из переписки о крестьянине Василии Егорове из Балашовского уезда, арестованном в г. Саратове в мае 1906 г.

не узник, а свобода заперта замками. В конце песни называются конкретные враги свободы и верные слуги самодержавия — Витте или Столыпин¹.

Период послереволюционной реакции породил обличительную редакцию песни «Солнце всходит и заходит». В ней клеймился позором свой брат — мужик, предающий «за три гроша с пятаком» интересы своего класса. Такого рода текст сохранился в дознании о молодом крестьянине Василии Ларине из с. Перекопное. Он записал его по памяти после того, как слышал, как ее кто-то пел, и послал своему знакомому, а последний, найдя в песне «забирательные предложения, за которые можно наказать», переслал ее уряднику. Это были слова о пехах, торгующих крестом, о царе, строящем тюрьмы, и пр.².

Так тюремная тема соединилась с темой о народных притеснителях (темы «Дубинушки», «Крестьянской марсельезы»), казачьих расправах, угроз возмездия, — актуальность этих вопросов и вызвала к жизни такого рода переделки.

По-видимому, их было немало. Но, слишком злободневные, они не пережили своего времени. Послереволюционная реакция породила и такую обличительную переделку, как:

Реве та стогне люд голодный,
Собе свободу добува,
Воюе з ними царь негодный,
Всю землю кровью залыва и т. д. —

на мотив «Днепра» Т. Шевченко. Благодаря знакомой мелодии песня быстро усвоилась. Крестьянин Захар Шевцов из с. Васильевки обвинялся в государственном преступлении за распространение этой песни, узнанной им, по его словам, из песенника, привезенного его односельчанином с военной службы³.

По-видимому, крестьянского происхождения песня о смерти революционерки, бежавшей из тюрьмы к рабочим и застреленной жандармским разездом, — «Ах, зачем ты, ямщик,

¹ ГАСО, ф. 53, ед. хр. 12, т. VII, 1906. Из переписки о крестьянине Василии Егорове из Балашовского уезда, арестованном в г. Саратове в мае 1906 г.

² ГАСО, ф. 53, ед. хр. 76, 1912.

³ ГАСО, ф. 53, ед. хр. 69, 1909. Действительно, это песня—переделка печаталась в сб. «Песни пролетариев» в 1907 г., и в этом же году сборник стал известен в Саратовской губ. (ф. 53, ед. хр. 6, т. IX, 1907).

перестал песню петь?». Ее и теперь можно услышать в деревне и в городе:

Ах, зачем ты, ямщик, перестал песню петь,
Приумолк и такой ты угрюмый?
Колокольчик вдали продолжает звенеть,
А тебя не слышать, друг мой милый?
— Это было давно, год, примерно, назад,
Вез я девушку трактом почтовым,
Круглолица была, точно тополь, стройна
И покрыта платочком лиловым.
Попросила меня, чтобы песню ей спел,
Я запел, а она подпевала,
Кони мчались стрелой, точно ветер их нес,
Словно сила нечистая гнала.
Вдруг жандармский разъезд перерезал ей путь,
Тройка быстро, как вкопана, встала.
Кто-то выстрелил вдруг прямо девушке в грудь,
И она, как цветочек, завяла.
Перед смертью она говорила мне так:
— Из тюрьмы я к рабочим бежала.
Но недолго пришлось ей на воле пожить,
Под кустом ее смерть ожидала.
Видишь, парень, вдали холм зеленый стоит,
Холм зеленый, поросший травой?
За далеким холмом эта девушка спит,
Унесла она песню с собою¹.

Первые публикаторы этого произведения относят его к рабочим песням «эпохи массового революционного движения второго десятилетия XX века»². Раскрытие революционной темы в романсовом стиле едва ли свойственно пролетарской поэзии этого боевого времени. Иногда сюжет песни «разбавляется» еще и любовной темой:

Там вдали за рекой холм высокий стоит,
Холм высокий, поросший травой,
А под этим холмом та красавица спит,
Что взяла мое счастье с собою³.

¹ Из альбома весовщицы Тони Кошкиной, 19 лет. Деревня Забайкино, Петровского района. Запись 1957 года. Фольклорный архив.

² Русские народные песни, записанные в Ленинградской области в 1931—1949 гг. Составили В. А. Кравчинская и П. Г. Ширяева. Под редакцией А. М. Астаховой. АН СССР, М.-Л., 1950, стр. 215.

³ От Н. Ф. Тулаевой, 48 лет. Село Бакуры. Запись 1966 г. Фольклорный архив.

Отсутствие временной локализации, овеянный лиризмом образ революционерки обеспечили песне долгую жизнь.

* * *

С начала XX в. саратовская деревня жила особенно интенсивной духовной жизнью. Обильна и удивительно разнообразна литература, находившая спрос у крестьян в это время: прокламации социал-демократов, «Домик на Волге» Степняка-Кравчинского, «Письмо к жителям городских окраин» Короленко и др. С одной стороны, передовые идеи, которые несла большевистская «Искра» и революционная поэзия, а с другой — живучесть вековых идеалов свободы Разина и Пугачева. В 1900 г. земский начальник Саратовского уезда получил анонимное письмо, автор которого приказывал «почаще совать нос в судейские дела», «быть всегда на стороне бедных», обратить внимание на волостных судей — взяточников, сместить волостного старшину и волостного судью. «За неисполнение сего будете истязаемы, ибо струны натянулись. Стенька Разин и Пугачев воскреснут»¹.

Образы вождей крестьянских восстаний прошли через революционную поэзию народников и близко стоящих к ним поэтов («Утес» Навроцкого). Социал-демократы не могли не оценить революционного пафоса народнической поэзии. Новые песни о Разине были приняты и народом и жили рядом с песнями о разинском сынке. Имена Разина и Пугачева оставались знаменем народной борьбы.

Разнохарактерен и деревенский песенный репертуар общественно-политической тематики. Но первостепенное значение имели революционные гимны. Распространение рабочих и собственно революционных песен в деревне было одним из очень важных средств приобщения крестьян к идеям революции. Сила их в массовости, доступности, яркости.

Есть известная специфика в усвоении деревней этого материала: признанием широких масс пользовались произведения, так или иначе связанные с крестьянской жизнью, бытовой или специальной, — этим определяется отбор деревней как рабочих, так революционных песен.

Но, кроме того, на отборе песен в саратовских деревнях сказались особенности общественной жизни, например, былая активность здесь народников с их агитационным репертуаром.

¹ ГАСО, ф. 53, ед. хр. 108, 1900.

ром¹, влияние в деревне социалистов-революционеров (в начале XX в.), стойкость масс саратовских крестьян в революции 1905—1907 гг.

Исключительная идейно-воспитательная роль принадлежит революционным песням социал-демократов, поднимающим деревню на сознательную и организованную борьбу. Они оттеснили те бытовые песни пролетариата, которые еще в конце XIX в. проникали в деревни. Вся атмосфера борьбы, а также передовая социал-демократическая поэзия придали особый, революционный подтекст известным прежде легальным песням, вроде «Песни бобыля» Никитина², «На родине» Щепкиной-Куперник, «Узник» Пушкина, «Солнце всходит и заходит» Горького³, «Доли бедняка» Сурикова. Они приобретают обличительный характер или прилагаются к судьбе пострадавших за убеждения. В начале XX в. многие из них попадают в революционные издания, размножаются на местах с помощью гектографов.

Можно говорить об особенной, по сравнению с городом, приверженности деревни к бытовым («жалобным») песням пролетариата. Революционный же репертуар деревни ничем не отличался от городского и не мог отличаться; поэзия партии социал-демократов, как и вся ее политика, готовила крестьянина в союзники рабочему классу.

Агитационной поэзии принадлежала важная роль в подготовке революций. Она помогала формированию классовых чувств миллионов борцов. Песни и стихотворения с течением времени стали действительно массовым политическим искусством.

¹ Еще и в начале XX в. социал-демократы размножали на гектографе популярную у народников поэму Н. М. Минского «Последняя исповедь». Отрывок из драмы. Посвящается казненным. В январе 1906 г. ее читали воспитанники Ровнинской учительской семинарии. Двоим из них было предложено подать заявления об отчислении из семинарии. Поэма была издана Казанским комитетом РСДРП (ГАСО, ф. 53, ед. хр. 42, т. I, 1906).

² Фольклор Саратовской области, стр. 479.

³ Е. Н. Каюков, 80 лет, говорил, что ее пели в 1905 г. (с. Копены, Ширококарамышского района). Запись 1958 г. Фольклорный архив.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Т. М. Акимова. Дореформенные песни общественного протеста	5
Народные песни о Степане Разине и волжских удалцах	7
Песни о крепостничестве	52
В. К. Архангельская. Рабочие и революционные песни в Саратовском Поволжье	81
Источники изучения революционной поэзии Саратовского Поволжья	83
Агитационная поэзия в Саратове в конце XIX—первом десятилетии XX веков	94
Поэзия борьбы в саратовской деревне	140

Татьяна Михайловна Акимова, Вера Константиновна Архангельская

Революционная песня в Саратовском Поволжье

Очерки исторического развития

Редактор **М. П. Ларина**
Технический редактор **В. В. Зенин**
Корректор **А. Д. Чарноцкая**

НГ73460. Сдано в набор 30.V.1967 г. Подписано к печати 26.IX.1967 г.
Формат 60×84¹/₁₆. Печ. л. 10,5. Уч.-изд. л. 10.
Тираж 500 экз. Заказ 1699 Цена 40 коп.

Издательство Саратовского университета, Университетская, 42.
Типография издательства «Коммунист», проспект Ленина, 94.

40 к.

